

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77 73382
от 17.08.2018

№ 2 (56) 2021

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2021-2>

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Табарев А.В., Федорова А.А.** «Чтобы спасти от забвения...»:
из истории французских археологических исследований в Индокитае.....5
- Попов А.Н., Лазина А.А., Федорец А.Н., Лазин Б.В., Каномата Й.**
Комплексное исследование керамики раннего железного века многослойного памятника Солонцовая-2.....18
- Гаврилина Т.А.** Специфика наиболее ранних погребальных обрядов
на тихоокеанском побережье Южной Америки и перспективы их изучения.....31
- Понкратова И.Ю.** Поздний неолит полуострова Камчатка.....38
- Бёттхер Х.** Малина и медведи. О районе Иоганна Кегеля во время его путешествий
по Камчатке (1841–1847 гг.).....51

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Игнатъева О.В.** Коллекционирование древностей в России:
от ресурса внутренней колонизации до новых культурных практик.....65
- Власов С.А.** Реализация государственной жилищной политики на Дальнем Востоке
в годы Советской власти.....76

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Черновицкая Ю.В.** Коллективный субъект в науке: к вопросу об ответственности.....87
- Кабанов А.В.** Самореферентность знания в «сильной программе» социологии знания.....97
- Соколова Б.Ю.** Живая Этика как философская система.....105
- Антипенко Л.Г.** Момент бесстрашия в философии:
о возможности далекодействующего общения настоящего с прошлым и будущим.....115

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. АХМЕТОВА	кандидат исторических наук, начальник управления научно-исследовательской деятельностью Комсомольского-на-Амуре государственного университета
С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
А.Л. ГЫНГОВ	PhD, заведующий кафедрой логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского
Х. КАТО	PhD, профессор, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Д. ЛИВЕН	PhD, старший научный сотрудник Тринити колледжа Кембриджского университета, академик Британской академии наук
А.В. ЛЫСОВА	PhD, доктор социологических наук, доцент Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 21.06.2021. Дата выхода в свет 16.07.2021
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 14,26. Тираж 500 экз. Заказ 169.
Цена свободная.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: (423) 265-24-24 (доб. 2413), E-mail: gisdv@dvfu.ru

Адрес издателя:
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology
and Mass Media
PI № FS 77 73382
of 17.08.2018

№ 2 (56) 2021

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2021-2>

TABLE OF CONTENTS

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

- Tabarev A.V., Fedorova A.A.** «To save from oblivion...»:
from the history of the French archaeological investigations in Indochina.....5
- Popov A.N., Lazina A.A., Fedorets A.N., Lazin B.N., Kanomata Y.**
Complex analysis of the early Iron Age ceramics from the multilayer Solontsovaya-2 site.....18
- Gavrilina T.A.** The features of the earliest funeral rites
on the Pacific coast of South America and the prospects for their study (Paijan and Las Vegas cultures).....31
- Ponkratova I.Yu.** Late Neolithic of the Kamchatka Peninsula.....38
- Böttcher H.** Berries and bears. On Johann Karl Ehrenfried Kegel's food supplies during his voyages
in Kamchatka, 1841–1847.....51

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Ignatieva O.V.** Collecting of antiquities in Russia:
from a resource of internal colonization to new cultural practices.....65
- Vlasov S.A.** Implementation of the state housing policy in the Soviet Far East.....76

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Chernovitskaya Yu.V.** Collective agent in science: towards the issue of responsibility.....87
- Kabanov A.V.** Self-reference of knowledge in the strong programme of the sociology of knowledge.....97
- Sokolova B.Yu.** Living Ethics as a philosophical system.....105
- Antipenko L.G.** A moment of fearlessness in philosophy:
on the possibility of the influence of present on past and future.....115

EDITOR-IN-CHIEF

FELIX E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), professor,
Director of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

ANNA V. AKHMETOVA	Candidate of Sc. (History), Komsomolsk-na-Amure State University
SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
ALEXANDER L. GUNGOV	PhD, Sofia University St. Kliment Ohridski
HIROFUMI KATO	PhD, Hokkaido University
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
DOMINIC LIEVEN	PhD (History), Trinity College, Cambridge University, fellow of the British Academy
ALEXANDRA V. LYSOVA	PhD, Doctor of Sc. (Sociology), Simon Fraser University
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922
Tel.: (423) 265-24-24 (ext. 2413)
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 902

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2021-2/5-17>

А.В. Табарев, А.А. Федорова*

«ЧТОБЫ СПАСТИ ОТ ЗАБВЕНИЯ...»: ИЗ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИНДОКИТАЕ

В статье рассматривается ранний период деятельности Французской школы Дальнего Востока (Ecole Française d'Extreme-Orient, EFEO), основанной в конце XIX в. и сыгравшей важнейшую роль в становлении археологических исследований на территории Индокитая (Вьетнам, Лаос, Камбоджа). В сферу ее деятельности входили поиск, перевод и публикация древних текстов, изучение культуры, искусства и верований этнических групп и народов Индокитая, каталогизация и возможная реставрация многочисленных дворцово-храмовых памятников архитектуры, археологические исследования, организация хранения древностей и их музеефикация, а также издание научных трудов. Среди наиболее ярких представителей первого поколения сотрудников школы – Л. Фино, А. Пармантье, М. Колани и наш соотечественник В.В. Голубев.

Ключевые слова: тихоокеанская археология, Индокитай, Франция, Французская школа Дальнего Востока, миссия, реставрация, раскопки

«To save from oblivion...»: from the history of the French archaeological investigations in Indochina. ANDREY V. TABAREV (Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), ANASTASIYA A. FEDOROVA (Novosibirsk State University)

The article examines the early period of the activity of Ecole Française d'Extreme-Orient, which was founded in the late XIX century and played a major role in the development of archaeological research in Indochina (Vietnam, Laos, and Cambodia). The scope of its activities included the search for ancient texts, their translation and publication, the study of culture, art, and beliefs of ethnic groups of Indochina, cataloging and possible restoration of numerous palaces and temples, archaeological research, organization of the museum funds, as well as the publication of research works. Among the most prominent representatives of the first generation of the school's staff are L. Finot, A. Parmentier, M. Colani, and Russian-born V.V. Golubev.

Keywords: Pacific archaeology, Indochina, France, Ecole Française d'Extreme-Orient, mission, restoration, excavation

* ТАБАРЕВ Андрей Владимирович, доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

E-mail: olmec@yandex.ru

ФЕДОРОВА Анастасия Александровна, студент Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

E-mail: a.fedorova3@g.nsu.ru

© Табарев А.В., Федорова А.А., 2021

Введение

Отмечавшийся в 2020 г. весьма важный и знаковый для археологии Юго-Восточной Азии юбилей остался незаслуженно незамеченным в российской научной литературе и периодике. Речь идет о 120-летию Французской школы Дальнего Востока (Ecole Française d'Extreme-Orient, EFEO) – уникальной по охвату научной проблематики организации, созданной французской колониальной администрацией на рубеже XIX–XX вв. в Индокитае.

В сферу ее деятельности входили поиск, перевод и публикация древних текстов, изучение культуры, искусства и верований этнических групп и народов Индокитая (современных Вьетнама, Лаоса и Камбоджи) и сопредельных территорий от Индии до Японии, каталогизация и возможная реставрация многочисленных дворцово-храмовых памятников архитектуры, археологические исследования, организация хранения древностей и их музеефикация [9], а также издание научных трудов, одной из основных площадок для которых с 1901 г. стал «Бюллетень Французской школы Дальнего Востока» («Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient») (Рис. 1).

В организации и становлении Школы принимало участие целое созвездие блестящих ученых, которые рассматривали свою деятельность не просто как научный проект, но как важнейшую культурно-историческую миссию. Так, А. Пармантье подчеркивал в своих «Воспоминаниях о древней археологии Индокитая» (1944): «...Мы были призваны спасти от забвения искусство, создатели которого канули в небытие» (Цит. по: [9, р. 90]).

Как это ни странно, но полноценной работы о школе на русском языке до сих пор нет, отдельные эпизоды описаны в трудах отечественных востоковедов, преимущественно в связи с биографией и исследованиями археолога российского происхождения Виктора Викторовича Голубева (1878–1945) и некоторых французских археологов [1–3; 6].

В настоящей статье мы обращаемся к сюжету, связанному с историей организации школы и особенностям ее «археологической» компоненты вплоть до начала 1930-х гг. Именно в этот период были сделаны важнейшие археологические открытия памятников от эпохи палеолита до средневековья, предложены первые периодизации древней истории Индокитая, а также впервые реализованы на практике разнообраз-

ные научные и, как принято говорить, логистические методы «тропической археологии», исключительно актуальные и на современном этапе развития дальневосточной и тихоокеанской археологии в целом.

Миссия выполнима

Открытию Французской школы Дальнего Востока предшествовал весьма насыщенный событиями период с середины XIX в., во время которого наблюдался стремительный рост интереса к древностям и древней истории Индокитая (Рис. 2). В конце 1840-х гг. миссионер Шарль-Эмиль Буйево (1823–1913) одним из первых французов¹ посещает заброшенные руины Ангкор-Вата², а в 1860 г. натуралист и путешественник Анри Муо первым публикует подробные описания и серию иллюстраций этого памятника³. Так научный мир узнает об уникальном и малоизученном наследии цивилизаций кхмеров и чампа.

В 1865 г. в Сайгоне создается одна из первых организаций с научной составляющей – «Общество индокитайских исследований» (La Société des études indochinoises) с собственным печатным изданием.

В 1860-е гг. французские военные, миссионеры и путешественники совершают целый ряд экспедиций в отдаленные районы Индокитая, среди них особо выделяется т.н. «Экспедиция по Меконгу» (1866–1868 гг.) во главе с Эрнестом Деллагре (1823–1868), в задачи которой входило подробное исследование течения реки для выяснения использования ее в военных и торговых целях. Среди участников было несколько ученых, в том числе и археолог Луи Деллапорт (1842–1925), страстный поклонник кхмерской архитектуры и искусства⁴.

¹ На сегодняшний день первым европейцем, посетившим Ангкор-Ват в 1586 г., считается португальский монах Антонио да Мадалена.

² Рассказ об Ангкор-Вате он привел в своей книге «Путешествие в Индокитай» (Voyage dans l'Indo-Chine 1848–1856, 1858).

³ Книга А. Муо, вышедшая посмертно, так и называлась: «Путешествие к руинам Сиам, Камбоджи, Лаоса и других частей центрального Индокитая» (Voyage dans les royaumes de Siam, de Cambodge, de Laos et autres parties centrales de l'Indochine, 1863).

⁴ Л. Деллапорт сделал по ходу экспедиции большое количество очень подробных зарисовок, которые затем вошли в книгу «Экспедиция в Индокитай» (1873).

BULLETIN
DE
l'Ecole Française
D'EXTRÊME-ORIENT

TOME Ier — 1901

HANOI

F.-H. SCHNEIDER, IMPRIMEUR-ÉDITEUR

1901

Рис. 1. Обложка первого номера «Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient» за 1901 г.

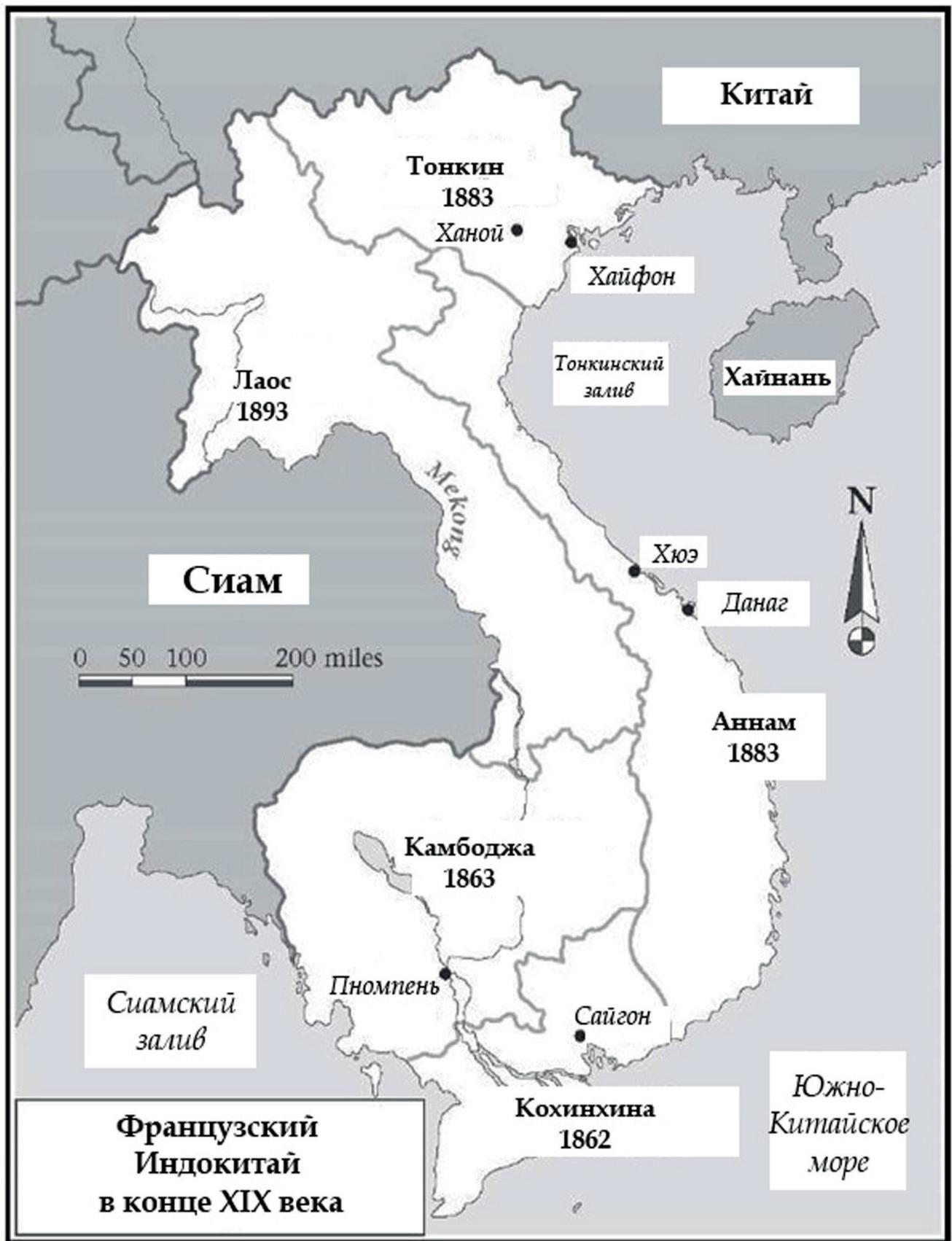

Рис. 2. Французский Индокитай в конце XIX в.

В числе наиболее активных исследователей 1870-х гг. следует упомянуть и Этьена Амонье (1844–1929), археолога и лингвиста, который организовал и провел несколько экспедиций вокруг Ангкора и в других частях Лаоса и Вьетнама, составил обширные и детальные каталоги памятников, изучал местные языки и диалекты, регулярно публиковался на страницах «Бюллетеня Общества индокитайских древностей» [12; 14].

В 1876 г. М. Руке, глава французской торгово-транспортной компании на территории современной Камбоджи, сообщил о находках древних артефактов из раковинной кучи в местечке Самронг-Сен. В том же году памятник посещает представитель колониальной администрации лейтенант Жан Моура и собирает большую коллекцию каменных, костяных и бронзовых орудий, украшений из раковин и жадеита, а также фрагментов керамических сосудов [16]. Коллекция была вывезена во Францию, где изучалась многими специалистами [17] и стала основой для введения в научный оборот термина «доисторический период» применительно к эпохе, предшествовавшей Ангкорской империи⁵.

К концу XIX в. вопрос об организационном статусе исследований в Юго-Восточной Азии уже обсуждался в самых широких научных кругах. Тем более что у Франции (в лице Академии надписей и изящной словесности) уже был опыт организации гуманитарных исследовательских школ за рубежом – в Афинах (1846 г.), Риме (1875 г.) и Каире (1880 г.). Теперь пришла очередь Индокитая⁶.

Роль организатора взял на себя молодой и энергичный новый генерал-губернатор Индокитая Поль Думер (1857–1932) – именно он 9 декабря 1898 г. подписал документы о создании в Сайгоне Индокитайской археологической миссии (Mission Archéologique d'Indochina) с задачами изучения письменных источников,

⁵ Согласно последней серии радиоуглеродных AMS определений, памятник Самронг-Сенг является многокомпонентным и датируется возрастом от неолита до первых веков нашей эры – 5400–1500 л.н.

⁶ Следует отметить, что в эти же годы существовал проект создания исследовательского института в Индии (недалеко от Калькутты). За это выступал ряд известных ученых-филологов – Огюст Барт (1834–1916), Эмиль Сенар (1847–1928), Мишель Бриаль (1832–1915), но по целому ряду организационно-логистических и финансовых причин предпочтение было отдано Индокитаю. Вопрос, в частности, специально рассматривался в ходе XI Международного конгресса ориенталистов в Париже в 1897 г.

языков и культуры народов Индокитая, с основанием специализированной библиотеки и музея. Спустя два года (20 января 1900 г.) миссия была переименована во Французскую школу Дальнего Востока и в 1902 г. переехала из Сайгона в Ханой.

Первым директором Школы стал палеограф, лингвист и специалист по санскриту Луи Фино (1864–1935)⁷, который стал активно привлекать к работе других французских ученых – в их числе синолог Анри Масперо (1882–1945), специалист по восточным религиям Поль Пеллио (1878–1945), капитан («Бушмен») Этьен-Эдмон Люне де Лажонкьер (1861–1933) и архитектор с опытом археологических раскопок в Тунисе Анри Пармантье (1870–1949).

Не будет преувеличением сказать, что миссия интенсивно заработала с самых первых дней своего создания – в 1899–1890 гг. Л. Фино и Э. Э. де Лажонкьер предпринимают серию поездок по Камбодже и Вьетнаму (Рис. 3); с 1900 по 1908 гг. Э.-Э. Лажонкьер и А. Пармантье ведут колоссальную по объему и сложности работу по каталогизации, картированию и первичной реконструкции целого ряда храмовых комплексов на территории Индокитая [8; 18], активно формируется библиотека и архив фотографий⁸; в 1901 г. открывается Музей Индокитая; в 1902 г. под эгидой школы в Ханое проходит Первый международный конгресс ориенталистов; в 1903 г. П. Морен делает первые планы Долины Кувшинов в Лаосе; в 1908 г. создается специальное реставрационное подразделение в Ангкоре; в 1909 г. открывается еще один музей в Ханое, а в 1918 г. копии кхмерских скульптур выставляются в Париже в музее Трокадеро. Не последнюю роль сыграла деятельность школы и в развитии туризма в Юго-Восточной Азии: уже с 1910–1912 гг. европейцам предлагались различные маршруты с поселением в бунгало напротив ангорских храмов (Рис. 4).

Реставрация древних строений, многие из которых находились в крайне удручающем состоянии, требовала особых подходов и техник, поэтому еще в 1904 г., а затем в 1907 г. А. Пармантье специально отправляется на Яву, чтобы

⁷ Л. Фино был директором с 1898 по 1904 гг. и с 1920 по 1926 гг., а также исполнительным директором с 1914 по 1918 гг. и с 1928 по 1930 гг.

⁸ Например, фотоархив одного только Л. Фино, доступный на сайте Французской школы Дальнего Востока, насчитывает 2770 снимков.

Рис. 3. Э.-Э.Л. де Лажонкьер и Л. Фино (первый и второй справа) в окрестностях Ангкора, 1900 г.

Рис. 4. Рекламный постер 1910 г., приглашающий туристов на руины Ангкора (по рисунку Дж. Гросилье)

перенять опыт голландских реставраторов, работавших над проектом по консервации храмовых комплексов (например, Боробудур) в Ост-Индии⁹.

Еще раз подчеркнем, что именно поиск, фиксация, детальное описание (публикации статей, каталогов, альбомов, монографий) и сохранение (с возможной реставрацией) памятников культурного наследия народов Индокитая являются основными формами работы школы в этот период (Рис. 5) – археологические раскопки рассматриваются в исключительных случаях, поскольку они требуют особой тщательности и специальной подготовки, не могут вестись

любителями и самоучками. Снова сошлемся на весьма показательные слова А. Пармантье: «... Важно понимать, что раскопки – это не хобби, как легкомысленно полагают многие, а очень сложная научная процедура; выполняемая некорректно она приводит к полному разрушению исторического источника...» [12, р. 96].

Специальная археологическая служба (по примеру голландской в Индонезии) появляется в составе школы лишь в 1920 г. Значительную роль в этом сыграл тогдашний министр колоний Альбер Сарро (1872–1962)¹⁰, а первым официальным главой службы, вплоть до 1933 г., являлся все тот же А. Пармантье.

Год 1929: новые горизонты археологического поиска

Исключительно важным в истории школы стал 1929 г., который многие считают поворотным в развитии полноценных археологических

⁹ В Индонезии Археологическое общество создается колониальной администрацией еще в 1886 г., в 1901 г. основные исследовательские и реставрационные функции переходят к «Ост-Индской Голландской комиссии археологических исследований», а уже в 1913 г. она меняет свое название на Ост-Индскую голландскую археологическую службу. Еще до поездки А. Пармантье в августе-сентябре 1899 г. на Яву для ознакомления с работой Общества искусств и наук Батавии, созданного в 1788 г., побывал Л. Фино.

¹⁰ Именно А. Сарро принадлежит исполненное стратегического смысла определение Индокитая как «французской веранды в Пасифике» [12, р. 95].

Рис. 5. А. Пармантье на реставрационных работах

проектов и раскопок. Этому способствовал целый ряд обстоятельств, событий и встреч.

Во-первых, на короткий период (с конца 1928 г. по 1930 г.) к роли исполняющего директора школы вернулся Л. Фино, который в январе 1929 г. предложил реализацию серии археологических проектов Мадлен Колани (1866–1943). Мадлен на тот момент уже фактически была на пенсии после яркой карьеры в Геологической службе Индокитая, но активно искала возможности для продолжения научных исследований. Следует отметить, что параллельно с изучением геологии и флоры третичного периода М. Колани всегда интересовалась палеонтологическими и археологическими материалами, а с 1924 г. целенаправленно обследовала ряд пещерных стоянок в северных провинциях Вьетнама, что и позволило ей аргументировано выделить новую финально-палеолитическую-мезолитическую археологическую культуру – «Хоабиньскую» – с диагностичным набором унифасиально обработанных каменных орудий¹¹. Также совместно с археологом Анри Манси (1857–1937) они опубликовали данные по «Бакшонской» культуре раннего неолита [4; 10].

Уже в феврале 1929 г. М. Колани выполняла обследование памятников в Тонкине и Аннаме, в мае продолжила раскопки пещерных стоянок в северных вьетнамских провинциях Хоа-Бинь, Нинь-Бинь и Ха-Нам, с февраля 1930 г. до начала 1931 г. проводила разведочные работы в центральной части Лаоса, а с мая 1931 г. по 1933 г. начала серию масштабных проектов (во французской версии – «миссий») по исследованию уникальных мегалитических комплексов – Долины Кувшинов в провинции Сиангкхуанг в Лаосе [5; 7]. Всего ею было обследовано 26 памятников, зафиксировано более тысячи каменных урн, предложена их интерпретация в качестве элементов погребального ритуала, а также накоплен богатый археологический материал (изделия из бронзы, железа, украшения, керамика). Двухтомная монография М. Колани «Мегалиты Верхнего Лаоса», вышедшая в 1935 г. (Рис. 6), по общему признанию, внесла существенный вклад в мировую археологию XX в.

Вернувшись в декабре 1931 г. (после двух первых «миссий»), М. Колани приступила к обработке материалов и подготовке сразу четырех

(!) докладов для I Конгресса Ассоциации первобытной истории Дальнего Востока (Far Eastern Prehistory Association, FEPA), намеченного на начало 1932 г. в Ханое.

Идея проведения конгресса родилась в том самом 1929 г. во время встречи двух ярких специалистов по археологии Юго-Восточной Азии – голландца ван Стейн Каленфелса (1883–1938) и нашего соотечественника Виктора Голубева. В. Голубев сотрудничал со школой с 1921 г., имея за плечами богатый опыт археологических раскопок [13]. В апреле-мае 1929 г. он принял участие в работе IV Тихоокеанского научного конгресса на Яве, где представил сразу два доклада – о бронзовых барабанах культуры донгшон в северном Вьетнаме и о современном состоянии исследований доисторического периода в Индокитае. Его выступления вызвали большой интерес у ван Стейн Каленфелса, который работал в Индонезии с 1904 г., а с 1928 г. занимал пост главы департамента Ост-Индской голландской археологической службы. Каленфелс организовал для В. Голубева экскурсии по многочисленным археологическим памятникам Индонезии (от пещерного палеолита и раковинных куч до храмовых комплексов) и сам сопровождал его в этих поездках. Они обсуждали различные перспективы археологических исследований в Юго-Восточной Азии и, в качестве важного для сотрудничества шага, организацию тематического конгресса в конце 1931 г. или в начале 1932 г. Их инициатива была поддержана генерал-губернатором Индокитая и директором школы, а в качестве спонсоров выступили французские и голландские научные организации, несмотря на обострение политической ситуации во Вьетнаме.

Таким образом, конгресс состоялся в Ханое с 25 по 31 января 1932 г., прошел очень успешно, подробно освещался в прессе и имел большое значение для развития археологии в Юго-Восточной Азии. Специалист по эпиграфике и культуре кхмеров Джордж Кёде (1886–1969) выступил в роли председателя оргкомитета, известный этнолог Поль Риве (1876–1958) был приглашен в качестве президента конгресса, а В. Голубев и М. Колани являлись представителями Французской школы Дальнего Востока в оргкомитете.

Заслуги В. Голубева в области инициирования и подготовки научного форума получили высокую оценку, ему был предложен новый трехгодичный контракт в школе [15]. Не остал-

¹¹ Это открытие высоко оценили коллеги во Франции – с 1928 г. М. Колани стала пожизненным членом Французского общества первобытной истории.

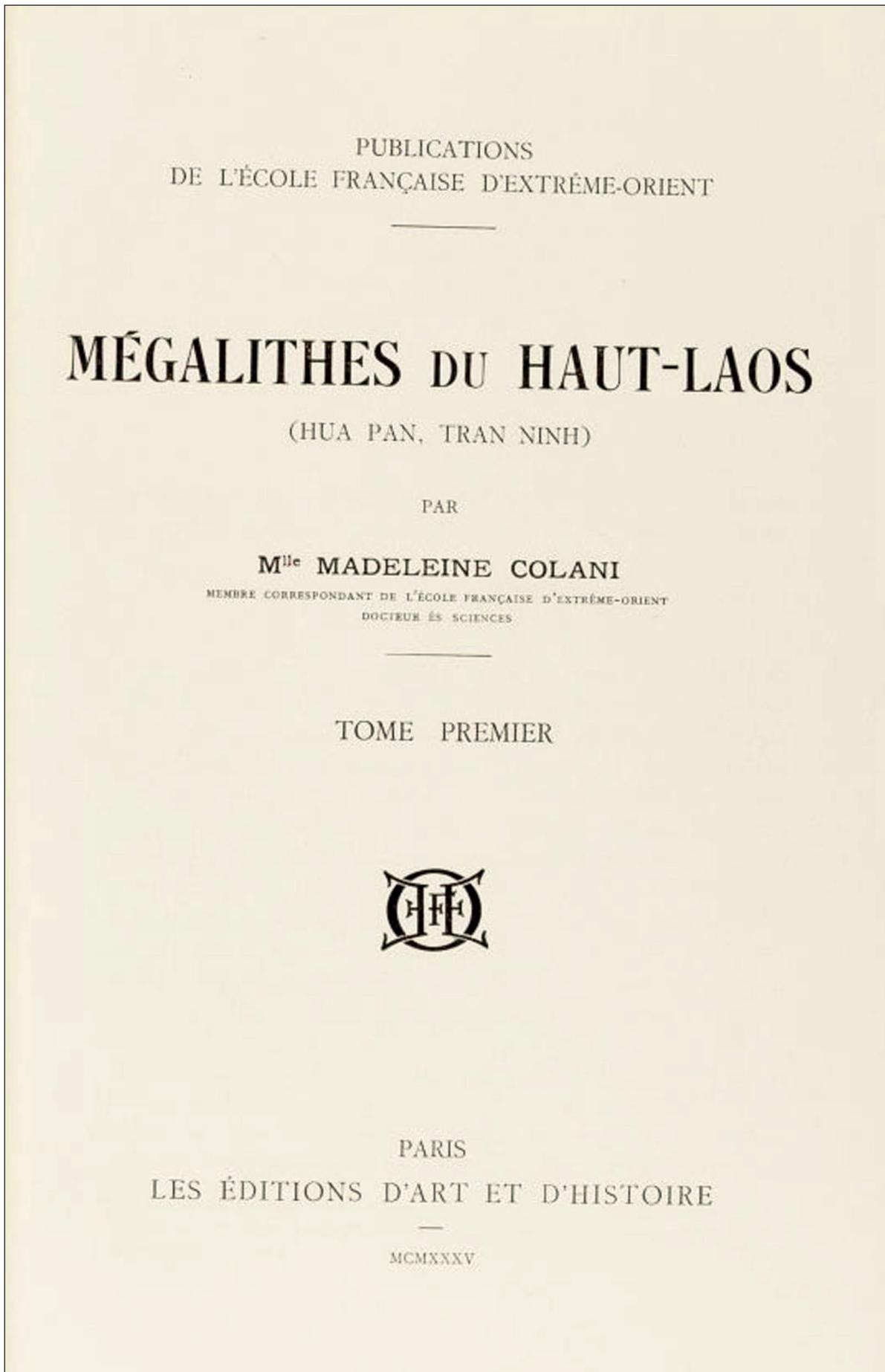

Рис. 6. Титульная страница фундаментального труда М. Колани «Мегалиты Верхнего Лаоса», 1935 г.

ся без признания и ван Стейн Каленфелс – сразу же после проведения конгресса он стал ее зарубежным «член-корреспондентом». Так, на рубеже 1920-х – 1930-х гг. археология приобрела статус одного из наиболее важных направлений деятельности школы.

Заключение

Не менее интересными и наполненными энергетикой археологического поиска были для школы последующие 1930-е гг., драматична ее судьба в период Второй мировой войны, сопровождалась многочисленными сложностями на фоне политических событий в Индокитае работа в 1950-х – 1980-х гг., и так вплоть до 1993 г., когда школа восстановила свое постоянное представительство в Ханое. Все это весьма привлекательные для отдельных статей сюжеты.

Сегодня Французская школа Дальнего Востока имеет 18 филиалов в 12 странах Юго-Восточной, Восточной и Южной Азии от Индии до Японии, являя собой уникальный образец организации, созданной в колониальный период и продолжающей свою активную научную, культурно-просветительскую и образовательную деятельность 120 лет спустя.

Представители первого поколения сотрудников школы, как уже было указано, рассматривали свою деятельность как часть важной культурной миссии по изучению и сохранению мирового культурного наследия, которую Франция исполняет в Индокитае. В ряде высказываний ученых и политиков того времени даже открыто проводилась аналогия значения этой миссии с тем культурным импульсом (в области архитектуры, искусства, письменности), который в свое время привнес цивилизованный буддизм в «нецивилизованный» Индокитай.

Соперничество европейских колоний в Азии (Франции, Британии, Голландии, Германии) не могло не отразиться и на научной сфере – с первых лет деятельности школа демонстрировала свои достижения и подчеркивала роль именно французских исследователей. Сравнительный (если не конкурентный) характер имели даже научные публикации – так, например, при подготовке фундаментального труда «Атлас Индокитая» в 1920 г. Л. Фино подчеркивал, что он должен по уровню быть не хуже, чем «Атлас Индии», вышедший в 1893 г. [12, p. 100].

Стоит, при всех несомненных научных заслугах школы, отметить и то, что в первые три-четыре десятилетия своей деятельности она прак-

тически не занималась подготовкой местных кадров. Единственное исключение – Нгуен Ван Хуен (1908–1975), получивший образование во Франции и ставший первым вьетнамцем, защитившим докторскую диссертацию в Сорбонне в 1934 г. Его сотрудничество со школой в качестве лингвиста и этнолога относится уже к концу 1930-х гг.

Сегодня французские археологи и этнологи продолжают свои исследования древних культур тихоокеанского бассейна (от Индокитая до Океании), активно публикуют работы, посвященные памятникам от эпохи палеолита до раннегосударственных образований. Заложенные ими еще в первой половине XX в. подходы к периодизации и интерпретации археологических культур сохраняют свою актуальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко В.И. Виктор Голубев на руинах Ангкора // Восточная коллекция. 2002. Т. 1. № 2. С. 120–128.
2. Мороз И.Н. В.В. Голубев – русский исследователь культуры народов Юго-Восточной Азии // Страны и народы Востока. Вып. XIII. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 2. М., 1972. С. 215–219.
3. Рерих Ю.Н., Вампилов Б.Н. Виктор Викторович Голубев // Проблемы востоковедения. 1959. № 3. С. 214–215.
4. Сокровища Красной реки. Археологические коллекции из музеев Вьетнама: каталог выставки. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019.
5. Табарев А.В., Гаврилина Т.А. Мегалитические комплексы тропической части тихоокеанского бассейна: Индонезия // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 1. С. 152–165.
6. Табарев А.В., Гаврилина Т.А., Патрушева А.Е., Серовец Г.В. Пионеры тихоокеанской археологии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2. С. 21–31.
7. Федорова А.А. Мегалитическое наследие Юго-Восточной Азии: Долина Кувшинов (Plain of Jars) // Археология: Материалы 59-й Международной научной студенческой конференции, 12–23 апреля 2021 г. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. С. 65–66.
8. Chapman, W., 2018. Adjuncts to empire: the EFEO and the conservation of Champa Antiquities. Bulletin of the History of Archaeology, Vol. 28, no. 1, pp. 1–12.

9. Clementin-Ojha, C. and Manguin, P.-Y., 2007. A century in Asia: the history of the École Française d'Extrême-Orient, 1898–2006. Singapore: Editions Didier Millet; École Française d'Extrême-Orient.

10. Colani, M., 1929. Quelques stations hoabinhiennes (note préliminaire) et Gravures primitives sur pierre et sur os (stations hoabinhiennes et bacsoniennes). Bulletin de L'École Française d'Extrême-Orient à Hanoi, Vol. 29, pp. 261–287.

11. Colani, M., 1935. Les mégalithes du Haut-Laos. In 2 volumes. Paris: L'École Française d'Extrême-Orient.

12. Genovese, L., 2019. The birth of French research into the prehistory of Laos. In: Goldston, E. ed., 2019. Engaging Asia: essays on Laos and beyond in honour of Martin Stuart-Fox. Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies, pp. 91–122.

13. Golubew, V., 1929. L'âge du bronze au Tonkin et dans le Nord-Annam. Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient, Vol. 29, pp. 1–46.

14. L'École Française d'Extrême-Orient depuis son origine jusqu'en 1920: historique general. Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient, 1921, Vol. 21, pp. 1–41.

15. Malleret, L., 1967. Le vingtième anniversaire de la mort de Victor Golubew (1878–1945). Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient, Vol. 53, pp. 331–373.

16. Moura, J., 1883. Le royaume du Cambodge. Paris: Ernest Leroux.

17. Noulet, J.-B., 1879. L'age de pierre polie et bronze au Cambodge d'après les découvertes de M.J. Moura. Toulouse: É. Privat.

18. Parmentier, H., 1914. Le Temple de Vat Phu. Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient, Vol. 14, pp. 1–32.

REFERENCES

1. Antoshchenko, V.I., 2002. Viktor Golubev na ruinaх Angkora [Viktor Golubev on the ruins of Angkor], Vostochnaya kolleksiya, Vol. 1, no. 2, pp.120–128. (in Russ.)

2. Moroz, I.N., 1972. V.V. Golubev – russkii issledovatel' kul'tury narodov Yugo-Vostochnoi Azii [V.V. Golubev, a Russian researcher of the culture of Southeast Asian peoples]. In: Strany i narody Vostoka. Vyp. XIII. Strany i narody basseina Tikhogo okeana. Kn. 2. Moskva, 1972, pp. 215–219. (in Russ.)

3. Rerikh, Yu.N. and Vampilov, B.N., 1959. Viktor Viktorovich Golubev [Viktor Viktorovich

Golubev], Problemy vostokovedeniya, no. 3, pp. 214–215. (in Russ.)

4. Sokrovishcha Krasnoireki. Arkheologicheskie kolleksii iz muzeev V'etnama: katalog vystavki [The treasures of the Red River. Archaeological collections from the museums of Vietnam: exhibition catalog]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2019. (in Russ.)

5. Tabarev, A.V. and Gavrilina, T.A., 2020. Megaliticheskie komplekсы tropicheskoi chasti tikhookeanskogo basseina: Indoneziya [Megalithic complexes of the tropical part of the Pacific basin: Indonesia], Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy, no. 1, pp. 152–165. (in Russ.)

6. Tabarev, A.V., Gavrilina, T.A., Patrusheva, A.E. and Serovets, G.V., 2019. Pionery tikhookeanskoi arkheologii [Pioneers of the Pacific archaeology], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 2, pp. 21–31. (in Russ.)

7. Fedorova, A.A., 2021. Megaliticheskoe nasledie Yugo-Vostochnoi Azii: Dolina Kuvshinov [Megalithic legacy of Southeast Asia: the Plain of Jars]. In: Arkheologiya: Materialy 59 Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii, 12–23 aprelya 2021 g. Novosibirsk: IPTs NGU, 2021, pp. 65–66. (in Russ.)

8. Chapman, W., 2018. Adjuncts to empire: the EFEO and the conservation of Champa Antiquities. Bulletin of the History of Archaeology, Vol. 28, no. 1, pp. 1–12.

9. Clementin-Ojha, C. and Manguin, P.-Y., 2007. A century in Asia: the history of the École Française d'Extrême-Orient, 1898–2006. Singapore: Editions Didier Millet; École Française d'Extrême-Orient.

10. Colani, M., 1929. Quelques stations hoabinhiennes (note préliminaire) et Gravures primitives sur pierre et sur os (stations hoabinhiennes et bacsoniennes). Bulletin de L'École Française d'Extrême-Orient à Hanoi, Vol. 29, pp. 261–287.

11. Colani, M., 1935. Les mégalithes du Haut-Laos. In 2 volumes. Paris: L'École Française d'Extrême-Orient.

12. Genovese, L., 2019. The birth of French research into the prehistory of Laos. In: Goldston, E. ed., 2019. Engaging Asia: essays on Laos and beyond in honour of Martin Stuart-Fox. Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies, pp. 91–122.

13. Golubew, V., 1929. L'âge du bronze au Tonkin et dans le Nord-Annam. Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient, Vol. 29, pp. 1–46.

14. L'Ecole Française d'Extrême-Orient depuis son origine jusqu'en 1920: historique general. Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient, 1921, Vol. 21, pp. 1–41.

15. Malleret, L., 1967. Le vingtième anniversaire de la mort de Victor Goloubew (1878–1945). Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient, Vol. 53, pp. 331–373.

16. Moura, J., 1883. Le royaume du Cambodge. Paris: Ernest Leroux.

17. Noulet, J.-B., 1879. L'age de pierre polie et bronze au Cambodge d'après les découvertes de M.J. Moura. Toulouse: É. Privat.

18. Parmentier, H., 1914. Le Temple de Vat Phu. Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient, Vol. 14, pp. 1–32.

А.Н. Попов, А.А. Лазина, А.Н. Федорец, Б.В. Лазин, Й. Каномата*

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КЕРАМИКИ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА СОЛОНЦОВАЯ-2**

Статья содержит основные результаты исследования, касающиеся керамики раннего железного века с многослойного памятника Солонцовая-2. Применение методов естественных наук позволило детально ознакомиться с основными аспектами гончарного производства янковской и кроуновской культур на указанном поселении. Благодаря комплексному анализу в статье приводится описание формовочных масс, включая их элементный состав, раскрываются такие важные вопросы, как конструирование сосуда, обработка поверхности и декорирование. С помощью сканирующей электронной микроскопии исследованы образцы керамики, по которым оценивается обжиг. В статье представлены результаты сравнительного анализа янковской и кроуновской керамики и намечены перспективы дальнейшей исследовательской работы.

Ключевые слова: керамика, ранний железный век, Солонцовая-2, янковская культура, кроуновская культура

Complex analysis of the early Iron Age ceramics from the multilayer Solontsovaya-2 site. ALEKSANDR N. POPOV, ANASTASIYA A. LAZINA, ALEKSANDR N. FEDORETS, BORIS V. LAZIN (Far Eastern Federal University), KANOMATA YOSHITAKA (Tohoku University)

The article presents the main results of the research concerning the Early Iron Age ceramics from the multilayer Solontsovaya-2 site. The application

* ПОПОВ Александр Николаевич, кандидат исторических наук, директор Учебно-научного музея, доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: popov.an@dvfu.ru

ЛАЗИНА Анастасия Александровна, главный хранитель фондов Музея археологии и этнографии Учебно-научного музея Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: lazina.aal@dvfu.ru

ФЕДОРЕЦ Александр Николаевич, заведующий лабораторией кафедры компьютерных систем Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: fedorec.an@dvfu.ru

ЛАЗИН Борис Владимирович, старший научный сотрудник Учебно-научного музея Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: lazin.bv@dvfu.ru

КАНОМАТА Йошитака, PhD, профессор кафедры археологии Университета Тохоку (Япония).

E-mail: yoshitaka.kanomata.d8@tohoku.ac.jp

© Попов А.Н., Лазина А.А., Федорец А.Н., Лазин Б.В., Каномата Й., 2021

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-09-40101.

Авторы выражают благодарность к.г.н. Ю.А. Микишину за описание геоморфологии памятника и подготовку радиоуглеродных проб, д.и.н. И.С. Жущиховской за консультации по вопросам гончарных традиций Дальнего Востока.

of natural scientific methods made it possible to get a detailed picture of the pottery production of Yankovskaya and Krounovskaya cultures on this settlement and conduct their comparative analysis. The authors provide a description of the pottery paste composition and focus on vessel design, surface treatment, decoration, and firing temperatures.

Keywords: ceramics, early Iron Age, Solontsovaya-2 site, Yankovskaya culture, Krounovskaya culture

Введение

ОАН Солонцовая-2 расположен в Приморском крае, на территории Шкотовского муниципального района, по правому борту долины р. Солонцовая (Рис. 1). Объект расположен в месте выхода долины небольшого пересыхающего ручья в долину реки Солонцовая. Памятник занимает практически всю площадь наклонной площадки на конусе выноса ручья, занятой распашкой, а также террасовидные участки склонов сопки, опоясывающих приустьевую часть долины ручья.

Основная часть территории памятника представляет собой слабонаклонную поверхность, приподнятую над заболоченной поймой на 2–15 м. Следов древних сооружений (западины, валы, рвы и др.) не выявлено, однако они могли быть сnivelированы в процессе распашки поля.

ОАН Солонцовая-2 был открыт Б.В. Лазиным в 2016 г. Им была определена культурная

принадлежность памятника, установлены его границы [9].

Раскопки на памятнике проводились в 2017 г. под руководством А.Н. Попова. Археологическая коллекция составила более 120 000 древних артефактов. В ходе работ были обнаружены единичные фрагменты керамики, отнесенные к зайсановской культуре позднего неолита. Помимо этого, на дневной поверхности найдена стенка станкового сосуда, а также обломок бронзового браслета, отнесенные к эпохе Средневековья. В верхних горизонтах обнаружены железные изделия и фрагменты фарфоровой посуды конца XIX – начала XX вв. На памятнике были раскопаны жилища кроуновской культуры, в заполнении которых были встречены многочисленные развалы сосудов [3]. Вне жилищ обнаружена мусорная яма янковской культуры, аналогичная «раковинным кучам» прибрежных памятников [1; 11], однако отличающаяся отсутствием раковинных напластований и содержащая вместо

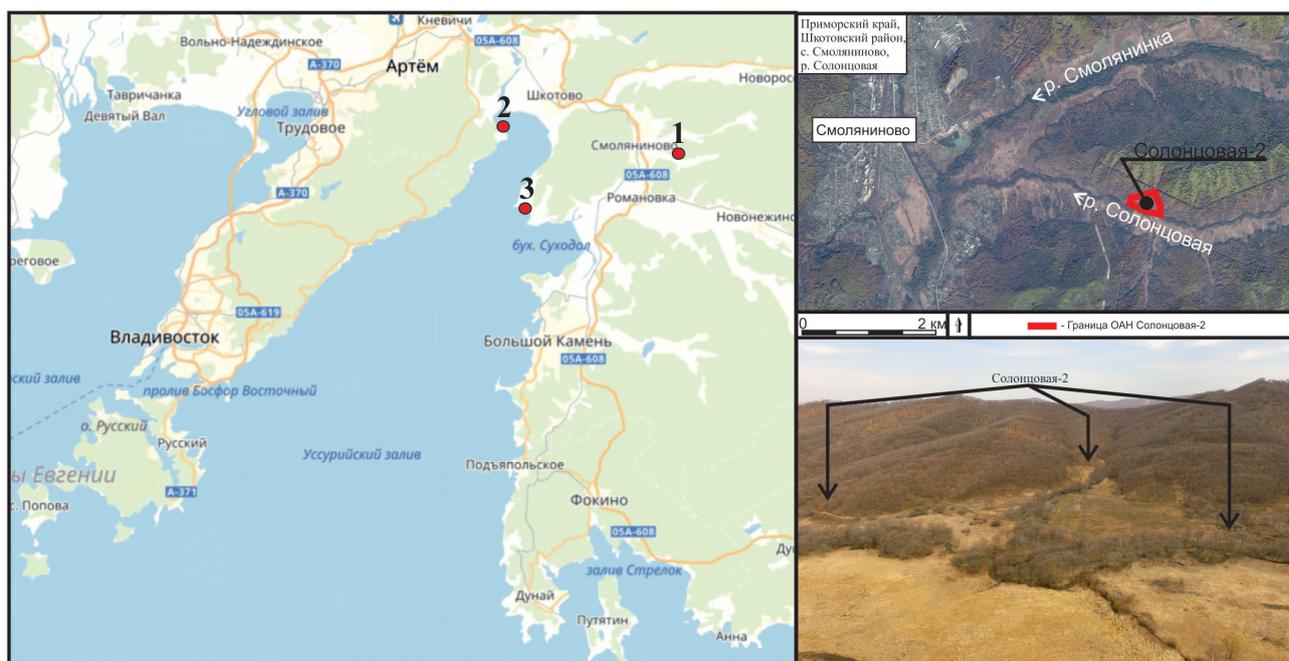

Рис. 1. Местоположение памятников с гончарной традицией, отличной от традиции янковской культуры («черная серия»): 1 – Солонцовая-2 (расположение памятника – на фото справа); 2 – Черепаха-7; 3 – Теляковского-2

них слои земли и золы, кости животных и рыб. Среди них – многочисленные изделия из камня, кости, единичные фрагменты железных орудий, а также фрагменты керамической посуды, развалы и другие изделия из керамики.

Целью данного исследования является выявление основных показателей гончарного производства двух культур раннего железного века на указанном поселении, а также их сравнительный анализ.

Методологическая база исследования

Предварительное определение основных показателей керамических изделий осуществлялось с помощью бинокулярного микроскопа – МБС-9 [13]. Для предварительного определения состава формовочных масс керамики проводилось изучение аншлифов керамики. Описание техники и технологии обработки поверхности, композиционных построений орнамента давалось на основе результатов визуального анализа материала [2]. Для выявления процента пористости керамики исследовался показатель водопоглощения [7]. Для выяснения степени спеченности керамической массы и примерных температур обжига керамика была изучена с применением сканирующего электронного микроскопа [6; 12]. С помощью электронного микроскопа исследовано 25 образцов (21 – янковский, 4 – кроуновских). Для получения элементного состава образцов применялась энергодисперсионная рентгеновская спектроскопия. Исследования микроструктуры проводились на сканирующем электронном микроскопе Carl Zeiss ULTRA 55+, оснащенный энергодисперсионным спектрометром (EDX)¹. Исследование образцов проводилось на свежем изломе с напылением 5 нм платины для устранения накопления заряда на поверхности.

Описание технико-технологических показателей керамических комплексов дается в соответствии с последовательностью этапов создания керамической посуды: подбор сырья и создание формовочных масс, конструирование сосуда, обработка поверхности и декорирование, обжиг.

Керамика янковской культуры

Коллекция керамики янковской культуры включает многочисленные фрагменты сосудов, развалы, археологически целые сосуды.

¹ В работе РЭМ изображения получены на оборудовании ЦКП ДВФУ, регистрационный № 200556 (г. Владивосток).

В качестве формовочных масс использовались запесоченные глины вместе с крупными минеральными частицами. О естественных включениях свидетельствуют неравномерное распределение частиц в изломе, окатанность минеральных включений. Вблизи памятника были найдены глины, из которых составлены эталонные образцы. Сравнение эталонов и древней керамики под бинокулярным микроскопом показало сходство формовочных масс.

Возможен иной вариант, при котором в тесто дополнительно вводилась дробленая дресва или песок. Дресва характеризуется остроугольностью и разноразмерностью частиц. Песок представлен окатанными частицами, которые в керамике имеют округлые очертания. Включения равномерно распределены по излому черепка, что позволяет предположить их искусственный характер. Подтверждение данной гипотезы возможно с привлечением дополнительных методов (петрографический анализ).

С помощью EDX-анализа был получен элементный состав керамики. Помимо Al, Si, Fe, во всех образцах представлены K, Na, Mg, Ti, Mn. В некоторых фрагментах в малом количестве присутствует Zr. При достаточном увеличении во фрагментах янковской культуры наблюдаются округлые отдельные включения, которые под пучком спектра дают комбинацию химических элементов с преобладанием железа (Fe) (Рис. 2). Данные включения представлены оксидом железа, которые также фиксируются под бинокулярным микроскопом. В тонкодисперсном состоянии они придают глине окраску от желтой до слабо-красной, после обжига в окислительной среде – от кремовой и слабо-розовой до густо-красной [4, с. 94]. Именно последний вариант окраски в большей степени представлен среди сосудов янковской культуры.

Формовка сосуда осуществлялась ручным способом. Сосуды конструировались по донной и донно-емкостной программам. Первая программа конструирования фиксируется по отдельным целым или фрагментам донных лепешек. Стенки придонной части лепились с краю лепешки и затем примазывались, образуя небольшой выступ на дне. Другим способом было крепление стенок к донной лепешке встык, когда первая лента ставилась на дно, после чего тщательно примазывалась. В таком случае стенки расширяются в отступе от дна, образуя невысокий пьедестал. Донно-емкостная программа создавалась следующим спосо-

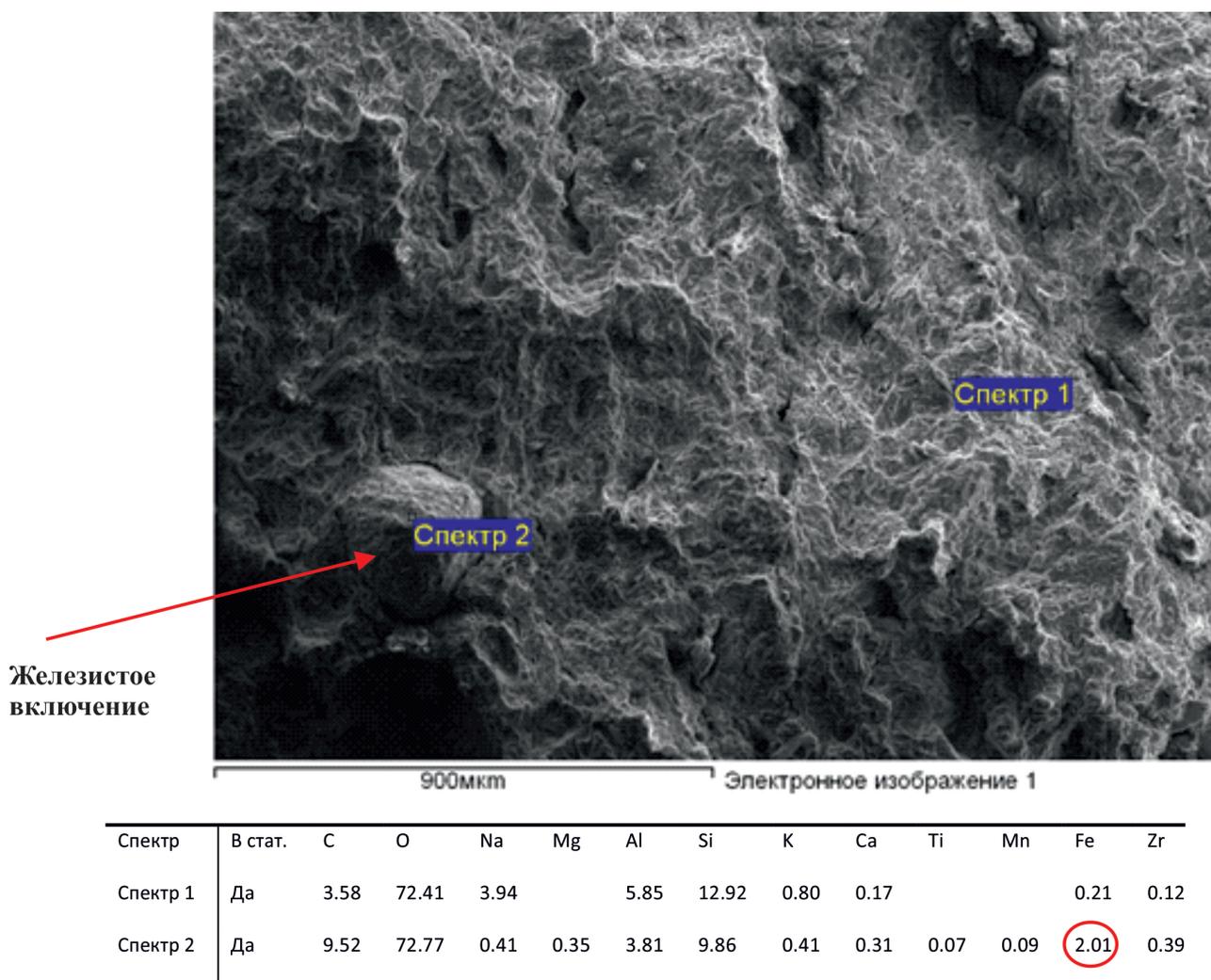

Рис. 2. Фрагмент керамики с включениями оксида железа

бом: формовалась лепешка, из краев которой оформлялись небольшие стенки – основа для крепления будущих лент. Первая лента в таком случае крепилась изнутри, о чем свидетельствует растрескивание по спаям лент. Тулово сосуда также наращивалось из лент, прикрепленных по кольцу с внутренней стороны.

У слабо профилированных сосудов (чаши, миски) верхняя часть оформлялась из края верхней ленты, который в некоторых случаях отгибался внутрь. Кромка округлялась. С внешней стороны крепилась дополнительная лента, создавая утолщение, по которому наносился декор.

У сильно профилированных сосудов (амфоровидные сосуды, горшки) возможно несколько вариантов оформления венечной части. Первый вариант – прикрепление к верхней части тулова дополнительной ленты, которая отгибалась наружу, кромка округлялась или слегка приострялась. Второй вариант – прикрепление к

верхней части тулова дополнительной ленты, которая отгибалась наружу. С внешней стороны в месте стыка крепился наклепной валик, который тщательно приглаживался, образуя характерное утолщение под кромкой. Третий вариант – загибание края верхней ленты наружу до образования угла 90° и более, так, что в изломе некоторых венчиков прослеживается полость, образованная между стенкой и концом ленты.

Обработку поверхности составляли несколько операций: обмазка, заглаживание, лощение. Обмазка фиксируется на внешней и внутренней сторонах. Она производилась путем нанесения слоя жидкой тонкодисперсной глины на поверхность сосуда, за счет чего поверхность приобретала гладкость, минеральные включения становились не видны, а сам сосуд был готов к дальнейшим операциям. Нередко поверхность сосудов имеет малиновую или красную окраску, что свидетельствует об окрашивании охристыми пигментами. Заглаживание сосудов

производилось однонаправленными движениями (в основном – горизонтального характера, в придонной части – вертикального). Следы на поверхности сосудов свидетельствуют, что в качестве инструментов использовалась галька, деревянный инструмент, ткань. Трава фиксируется на единичных фрагментах, где видны следы хаотичного заглаживания. Заключительной операцией в данной стадии являлось лощение. Оно могло производиться гальками, которые были обнаружены на памятнике и интерпретированы как инструменты для лощения. Почти вся керамика имеет следы лощения разной степени интенсивности. Встречаются образцы с более тусклым лощением, но нередко находки с «зеркальным» блеском. Лощением, как правило, обработана вся внешняя поверхность тулова и иногда внешняя поверхность дна. На горловине и внутренней стороне верхней части следы лишь едва намечены отдельными полосами.

Декор разнообразен – как по построению орнаментальных композиций, так и по выбору варианта нанесения (прочерчивание, накалывание, штампование, налеп) (Рис. 3: 1–7, 9–11). Прослеживается сочетание перечисленных

вариантов и построение разнообразных композиций: сочетание прочерченных линий, составляющих геометрический узор, и налипных элементов – валиков, шишечек, рядов единичного штампа. В верхней части сосудов, как правило, чуть ниже горловины, крепились ручки с отверстием. Обнаружены фрагменты с прорисованными черной краской полосами.

Морфологически сосуды можно разделить на две категории: сосуды с горловиной и без. К первой категории отнесены горшки с низкой горловиной, широкими плечиками и приземистым туловом, а также амфоровидные сосуды, отличающиеся высотой горловины и более вытянутым по вертикали туловом. Ко второй категории отнесены чаши, миски, и фрагмент блюда. Развалов чаш на поддонах не обнаружено, однако обнаружено два фрагмента цилиндрического поддона, что свидетельствует о наличии подобных изделий на памятнике. Среди образцов второй категории встречен археологически целый сосуд с овальным дном (Рис. 3: 8).

Изучение образцов на электронном сканирующем микроскопе при увеличении $\times 500$ и $\times 1000$ позволило зафиксировать несколько ва-

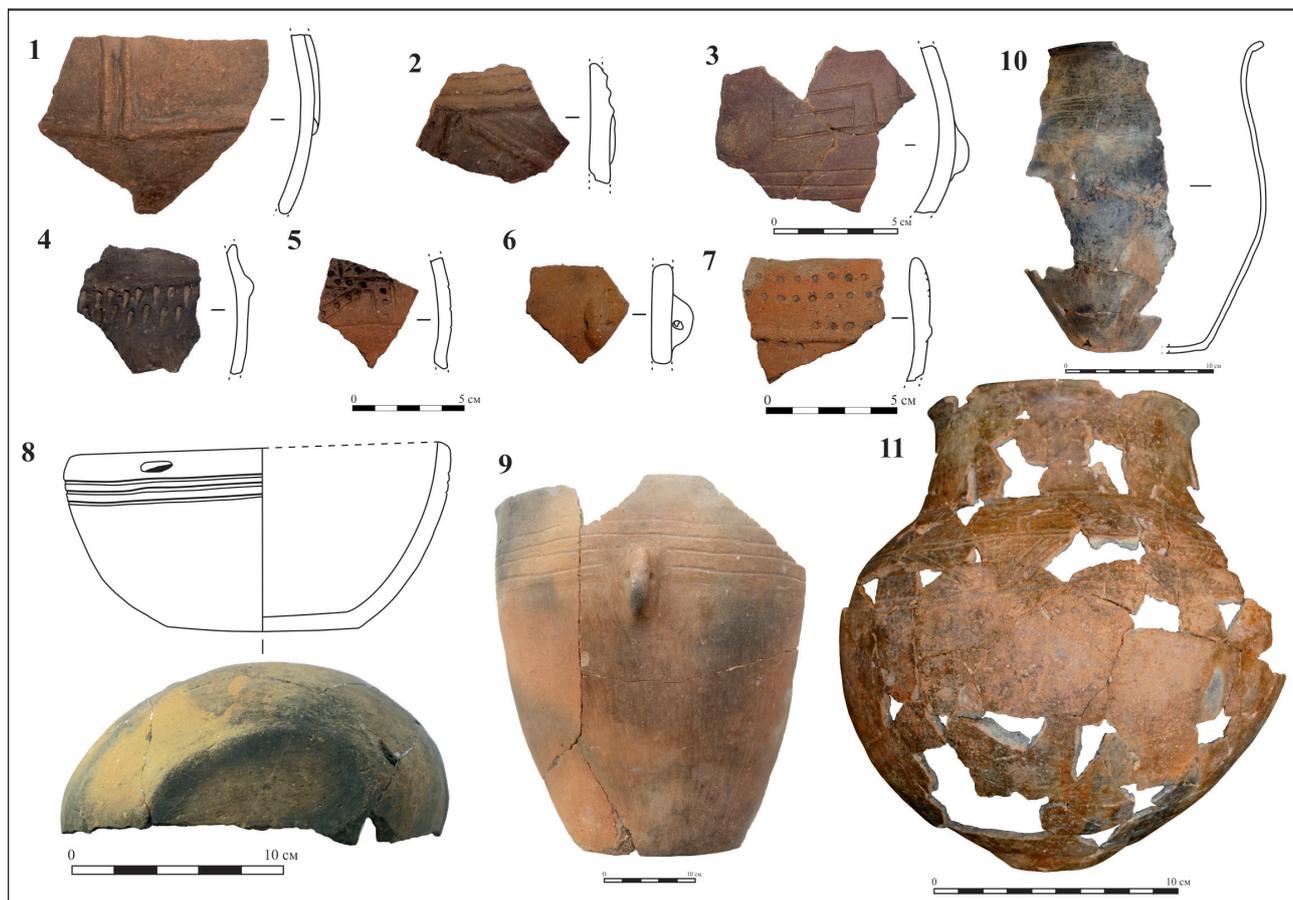

Рис. 3. Янковская керамика: 1–7 – варианты орнаментации на стенках и венечных частях сосудов; 8–11 – сосуды

риантов степени спеченности керамической массы. Один фрагмент янковской культуры не имеет признаков спекания глинистых частиц. Структура излома комковато-зернистая, местами наблюдаются глинистые части в виде чешуек. Данный образец свидетельствует об обжиге при температуре до 750 °С. Девять образцов имеют признаки спекания, что предполагает обжиг при температурах 750–800 °С. Четыре фрагмента имеют признаки начальной витрификации. Микроструктура с такими признаками соотносится с температурными значениями 800–850 °С. Два образца имеют признаки экстенсивной витрификации. Данная фаза свидетельствует о температурах 900–950 °С [6]. Стоит брать во внимание, что результаты получены по небольшим фрагментам отдельных частей сосудов и не являются абсолютными для всей керамики, а лишь свидетельствуют о возможных температурах обжига. Обжиг производился в специальных обжиговых конструкциях типа печи. Для керамики янковской культуры средний показатель водопоглощения составил 14%. Данный показатель соответствует среднему уровню спеченности керамической массы [7].

Выбивается из круга общей гончарной традиции янковской культуры несколько иной комплекс керамики, известной как «черная серия» [5].

Для изготовления сосудов использовались естественно запесоченные глины. Минеральные включения в изломе распространены неравномерно, размер варьирует от мельчайших до средних.

В комплексе, отличном от янковской культуры, встречены органические включения различного характера. Единичные объекты представлены микроорганизмами, предварительно отнесенными к диатомовым водорослям. Особый интерес представляет один фрагмент. На глинистых частицах присутствует растрескавшаяся «пленка» (Рис. 4). При проведении EDX-анализа элементный состав в данном месте показал значительное содержание фосфора, в то время как на соседнем участке без данной «пленки» фосфор представлен меньшим процентным содержанием, преобладают элементы, характерные для глинистого состава (Al, Si, Fe и др.). Стоит отметить, что и при работе с бинокулярным микроскопом данная пленка также фиксируется, но в большем масштабе. Среди специалистов распространено мнение о возможном применении древними гончара-

ми специальных органических растворов [13]. К сожалению, их фиксация в древней керамике не поддается четкой интерпретации и ставится под вопрос. Также данные включения могут объясняться условиями использования сосудов в качестве кухонной утвари, в следствие чего в поры могли проникать остатки пищи, которые и наблюдаются под микроскопом. Еще один вариант предполагает условия залегания предмета в почве. Однако его можно поставить под сомнение по причине того, что в одинаковых условиях залегания данные включения обнаружены только в исследуемом образце.

Формовка сосуда производилась ручным способом методом кольцевого налепа. Венечная часть оформлена небольшим отгибом края верхней ленты наружу, кромка округлая. Нередко на плечиках сосудов присутствует налепной валик, который заглаживается, образуя своего рода «ребро» (Рис. 5: 1, 2).

Выделено несколько вариантов составления дна. В первом случае из комка глины формовалась небольшая «чашечка», к которой с внутренней стороны дополнительно примазывалась еще одна лепешка, так, что концы нижней оставались не примазанными, и к ним в свою очередь крепилась первая лента будущего тулова сосуда. Донышки, сформированные таким способом, имеют скругленные, а иногда округлые очертания, напоминающие остродонную керамику (Рис. 5: 4, 6). Вторым вариантом формовки предполагал применение емкостной программы, при которой лепка начиналась с тулова, постепенно приближаясь к донной части. Конец жгута вставлялся внутрь и похлопывающими движениями дно уплощалось (Рис. 5: 5). При таком варианте формовки наблюдаются быстро сужающиеся ко дну стенки, а диаметр самого дна небольшой – 2–4 см (Рис. 5: 7). Третий вариант имел сходство с янковской традицией, когда составлялась лепешка, к краям которой крепилась лента. Отличие наблюдается в прикреплении с внутренней стороны подлепа из дополнительной лепешки, так, что донышко становилось толще относительно стенок (в соотношении 1:3) и достигало толщины 1,5 см (Рис. 5: 3). В последнем случае прослеживается более четкий угол между дном и стенкой с внешней стороны сосуда.

Поверхность сосудов подвергалась тщательной обработке. Внешняя и внутренняя поверхность покрывалась слоем обмазки, тщательно заглаживалась деревянным инструментом или

тканью и лошилась. Нередко встречаются следы «зеркального» лощения (Рис. 5: 2).

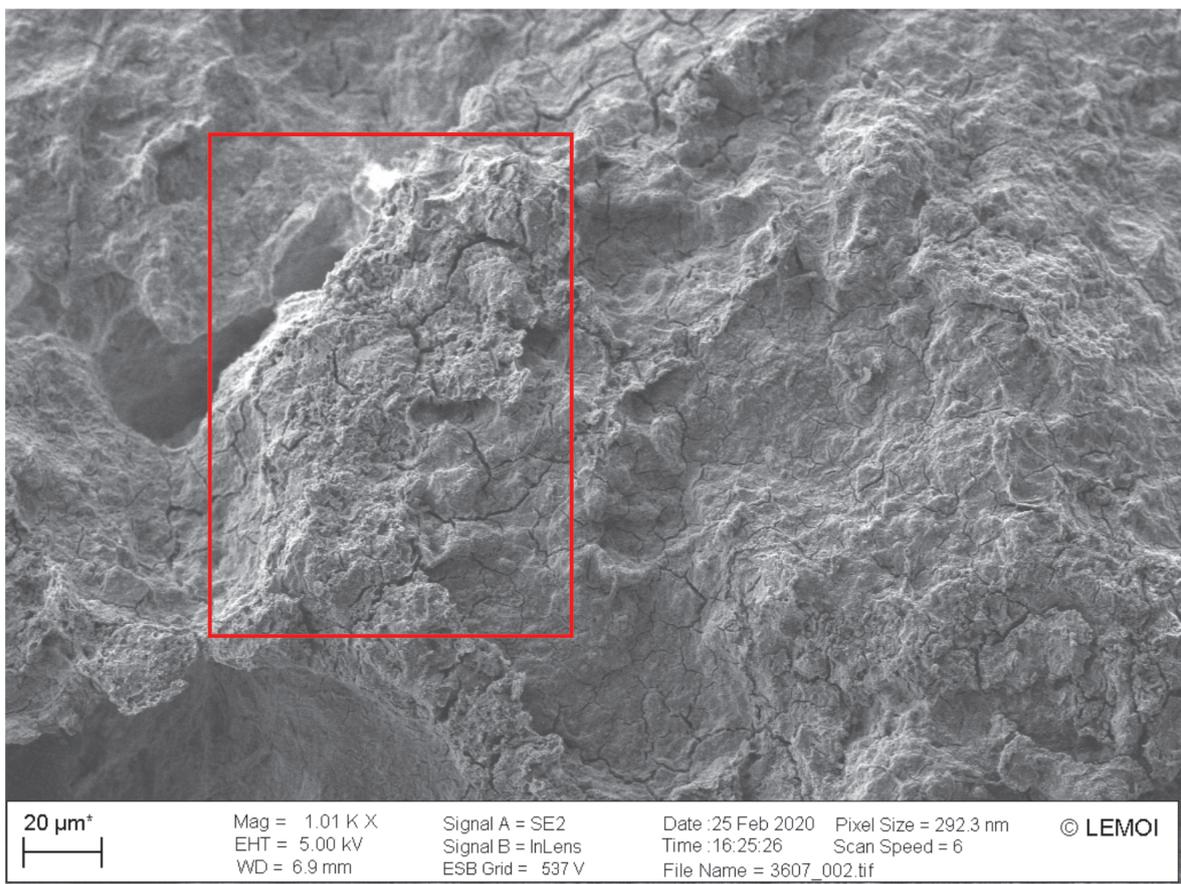
Сосуды данного комплекса имеют достаточно стандартизированные формы. Они представляют собой небольшие горшковидные сосуды высотой до 20 см. Сосуды с горловиной, венчики отогнуты наружу с округлой кромкой. Орнаментация заключалась в креплении налипшего валика, концы которого могли оставаться несомкнутыми (1 образец). Другим вариантом были одна или несколько прочерченных линий. Декор расположен на плечиках сосуда.

Характерной чертой данного комплекса являются темные в изломе и на поверхности черепки керамики. Подобные изделия получались за счет «дымления», когда твердые частицы углерода проникали в керамику и заполняли поры [14]. Это способствовало тому, что керамика меньше поглощала влагу [5]. Показатель

водопоглощения данного комплекса керамики – 7%, что в два раза ниже, чем показатель традиционной керамики янковской культуры.

Керамика кроуновской культуры

В качестве исходного пластичного сырья выступала глина, которая предварительно тщательно обрабатывалась, из нее исключались крупные минеральные включения. Далее вводился песок. Об искусственном характере включений можно судить по равномерности распределения минеральных включений в аншлифе излома черепка, включения имеют одинаковую размерность, что позволяет предполагать калибрование примеси. В черепке встречаются единичные включения растительности, которая при выгорании образовывала пустоты или темные пятна. Включения растительности единичные, поэтому не могут рассматриваться как

Спектр	В стат.	C	O	Na	Mg	Al	Si	P	K	Ca	Fe
Спектр 1	Да	46.48	45.90			2.63	0.43	2.29		0.94	1.33
Спектр 2	Да	23.98	58.74	0.23	0.34	5.74	7.81	0.62	1.12	0.27	1.16

Рис. 4. Фрагмент керамики со скоплением органики, покрывающим глинистые частицы

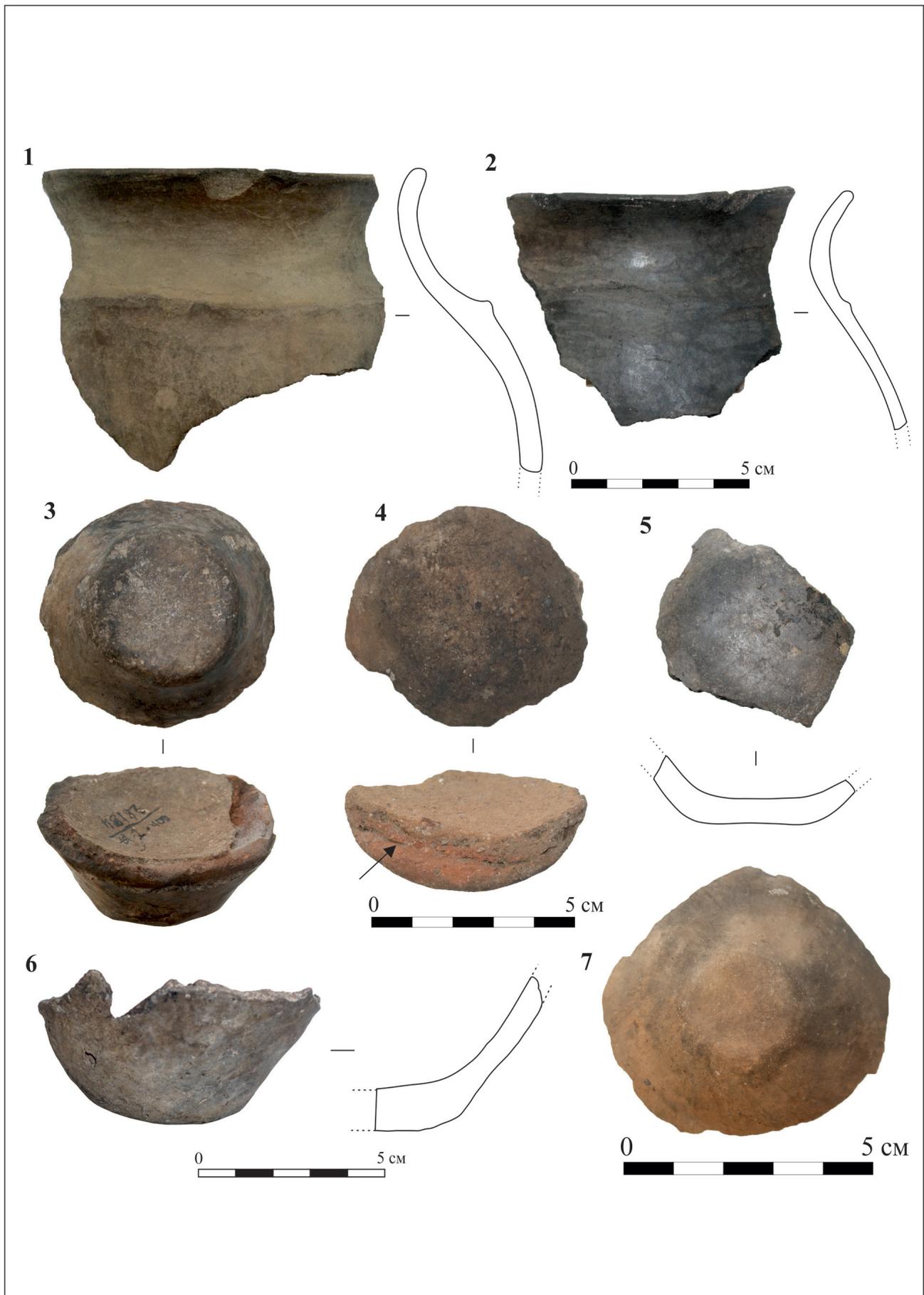

Рис. 5. Фрагменты керамики, отличные от керамики янковской гончарной традиции: 1, 2 – венчики; 3 – плоское дно с утолщением; 4–6 – скругленные очертания дна; 7 – узкое дно

преднамеренно введенные. Можно отметить, что формовочные массы керамики кроуновской культуры составлялись по отличному от переносимых двух традиций рецепту.

С помощью EDX-анализа был получен элементный состав керамики. Он дает схожую комбинацию по элементам с керамикой янковской культуры. Также присутствуют K, Na, Mg, Ti, Mn. В одном образце отмечен Zr. Соотношение элементов Al, Si, Fe во всех образцах исследованной керамики схожее. Это позволяет судить об одном источнике глинистого сырья, которое использовалось гончарами обеих культур.

Формовка сосудов производилась по донной программе. К краю донной лепешки крепились стенки, которые примазывались, образуя характерный для культуры выступ – закраину. Встречены 2 фрагмента, которые свидетельствуют об использовании двух лепешек для формовки донной части. После крепления стенок к донной лепешке с внешней стороны последней накладывалась еще одна, за счет чего дно приобретало более массивный и небрежный вид.

Тулово сосуда наращивалось из лент, которые крепились к стенкам внахлест снаружи. Возможен вариант крепления лент изнутри для отдельных частей сосуда. Некоторые изделия могли формироваться по емкостной программе, от венчика к тулову, по причине чего венчик, который находился на плоской поверхности, становился уплощенным [8].

Обработка поверхности производилась за счет минимального количества действий, заключающихся в обмазке и тусклом лощении, которое покрывало не всю поверхность сосуда. По этой причине сосуды кроуновской культуры значительно отличаются от двух комплексов керамики, описанных выше. Поверхность сосудов имеет шероховатость, на поверхности выступают минеральные частицы. Чаще обмазкой обработана внутренняя поверхность сосудов. Декорирование сосудов также было минимальным и заключалось в прикреплении ручек-«пеньков». Для этого в стенке формировалось отверстие, в которое вставлялась заготовка ручки и тщательно примазывалась. Ручки имели округлые очертания или уплощались.

Керамические изделия имеют ровный оттенок на поверхности и в изломе. Цвета варьируют от светлых оттенков оранжевого до темно-коричневого. Темная полоса в изломе – признак недожога – отсутствует. Результаты сканирующей электронной микроскопии по-

зволили зафиксировать единообразие в микроструктуре черепков. Как правило, в керамике прослеживаются вытянутые, параллельные поры на фоне сплавленных участков. Поры становятся крупнее, а их количество сокращается. Это свидетельствует об обжиге керамики при температурах до 900–950 °С [6]. Показатель водопоглощения для кроуновской культуры составил 15%. Это число находится на границе высокого и среднего показателей водопоглощения [7].

Морфология сосудов восстановлена по развалам и археологически целым сосудам. Вся керамику можно разделить на несколько категорий:

1. *Сосуды без горловины.* Сосуды слабопрофилированные, усечено-конической формы, в верхней части небольшое сужение стенок внутрь. К данному типу относятся несколько сосудов. 1) Археологически целый сосуд без горловины с загнутым внутрь венчиком и уплощенной кромкой. Контур сосуда слабопрофилированный. На уровне максимального расширения тулова в противоположных сторонах две наклепные ручки. Дно сосуда плоское, диаметр – 6,4 см. Высота сосуда – 12,7 см. 2) Археологически целый сосуд без горловины с загнутым внутрь венчиком и уплощенной кромкой. Дно плоское, со слегка скругленными кверху краями. Внешний стык дна и придонной части не примазан. Венчик прямой, уплощенная кромка. На плечиках – ручка-«пенек». Диаметр дна – 8 см. 3) Развал керамического сосуда с сильной асимметрией тулова. Дно плоское и оформлено без тщательного примазывания к стенкам.

2. *Сосуды с горловиной.* Высокие вазовидные сосуды с узким дном, выпуклыми плечиками и короткой горловиной. Сюда можно отнести археологически целый сосуд с четкой профилированной воронковидной горловиной, отогнутым наружу венчиком с округлой кромкой. Тулово вытянуто по вертикали. Дно плоское, диаметр дна – 8 см. Горшки с невысокой шейкой и шаровидно-выпуклым туловом. Горловина – слабо выраженная, венчик отогнут наружу, округлая кромка. К данной категории отнесен развал керамического сосуда без донной части.

3. *Чашы на поддонах.* Встречены как развалы, так и отдельные фрагменты чаш или поддонов. Поддоны имеют коническую форму.

Таким образом, сосуды имели стандартизированные формы. Сосуды слабо профилированные, горловина отсутствует или слабо

выражена (Рис. 6). Вся посуда плоскодонная, с характерной закраиной, образованной путем примазывания дна к стенкам сосудов.

Радиоуглеродные даты

Для памятника получены радиоуглеродные даты по углю из янковской мусорной кучи, горелым конструкциям из кроуновских жилищ и нагару на янковской керамике, которые позволяют нам определить хронологические рамки существования комплексов. Полученные даты представлены в таблице 1. Датировки материалов янковской культуры укладываются в диапазон IX–VII вв. до н.э. Датировки, полученные из кроуновских жилищ, расположены в диапазоне VI–III вв. до н.э.

Заключение

Рассмотренная в данной статье керамика с археологического памятника Солонцовая-2 определена двумя культурами раннего железного века – янковской и кроуновской. Важное сходство фиксируется в элементном составе керамики, что позволяет предполагать использование одного источника глинистого сырья. В большей степени между двумя комплексами фиксируются значительные различия. Для фор-

мовочных масс янковской культуры характерно использование естественно запесоченных глин или глин с добавлением песка и дробленной дресвы. Примесь разнокалиберная, размеры варьируют от мельчайших до крупных (Рис. 7: 1–3). Формовочные массы кроуновской культуры специально подготавливались путем очищения глины от крупных минеральных включений, после чего в подготовленную глину вводился калиброванный песок (Рис. 7: 4–6). Формовка сосудов производилась также различными способами. Янковская традиция предполагает донную и донно-емкостную программы, при которых формируется плоское дно с отчетливым углом между дном и стенкой. Кроуновские сосуды оформлялись из массивной донной лепешки и примазанных стенок, образующих закраину. Встречены случаи использования дополнительной лепешки, наложенной с внешней стороны. Сходство наблюдается в использовании лент для изготовления тулова сосуда. Однако данный аспект нельзя рассматривать в качестве культурной преемственности [8]. Обработка поверхности керамики янковской культуры производилась более тщательно, чем в кроуновской. Декорирование также получило большее разнообразие в первой гончарной традиции, чем во

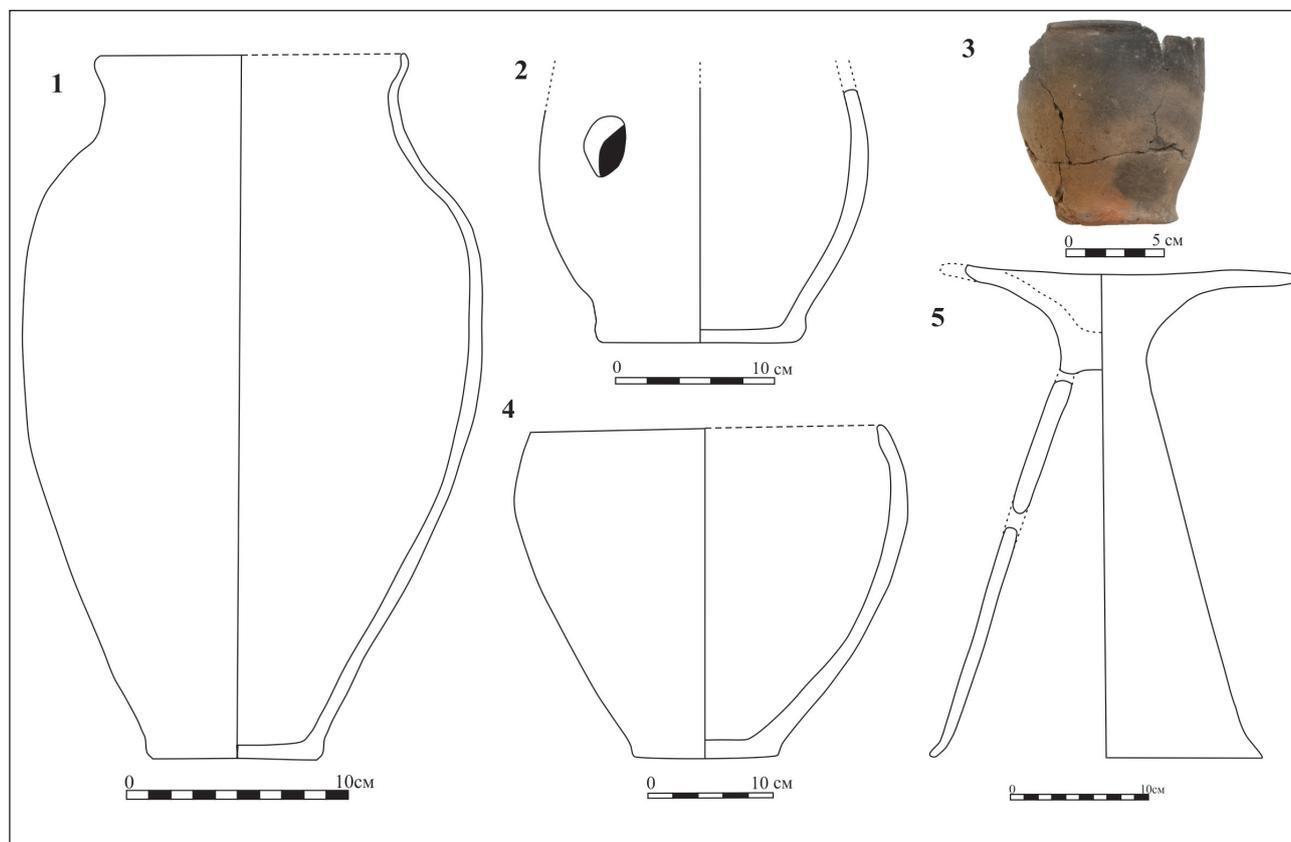

Рис. 6. Кроуновская керамика

Радиоуглеродные даты

Лаб. номер	Материал	Радиоуглеродный возраст	Календарный возраст	Культура
ЛУ-8961	Древесный уголь	2670±70	2800±80	Янковская культура
ЛУ-8960	Древесный уголь	2510±90	2570±120	Янковская культура
ЛУ-8964	Древесный уголь	2450±120	2530±140	Кроуновская культура
ЛУ-8966	Древесный уголь	2330±70	2380±130	Кроуновская культура
ЛУ-8963	Древесный уголь	2250±50	2240±60	Кроуновская культура
IAAA-190094	Пищевой нагар на внешней поверхности сосудов	2,700 ± 20	2805±50	Янковская культура
IAAA-190095	Пищевой нагар на внешней поверхности сосудов	2,570 ± 20	2725±25	Янковская культура

второй. Стоит отметить и возможные различия в обжиговом процессе. Керамика кроуновской культуры обжигалась при более высоких температурах, нет значительного разброса в степени спеченности глинистой массы в микроструктуре черепка. В целом для керамики обеих культур характерно использование печи в качестве устройства для обжига.

В отдельную группу выделена керамика, вызывающая особый интерес у археологов и известная как «черная серия» [5]. Основные этапы создания посуды построены по тем же принципам, что и в гончарной традиции янковской культуры, однако различия наблюдаются в оформлении венечной части (без подлепа жгута под кромкой) и дна сосуда (узкие донья). Орнамент расположен на плечиках сосудов и представлен одним или несколькими налипными валиками или прочерченными линиями. Для данной группы керамики отмечается высокий процент фрагментов, подверженных дымлению.

Описанные керамические комплексы находят аналогии на уже известных археологических памятниках Приморья. Керамика янков-

ской культуры, обнаруженная на памятнике Солонцовая-2, имеет сходства с керамикой таких памятников, как Песчаный-1 [11], Малая Подушечка [1] и др. Отличный от янковского комплекс керамики находит аналогии на памятниках Черепаша-7 [5], Теляковского-2 [5].

Керамика кроуновской культуры не выбивается из круга ранее исследованных объектов археологического наследия, таких как Кроуновка-1 [10], Киевка [8] и др. Сходство прослеживается как в подборе определенных операций, выполняемых гончаром для создания изделия, так и в морфологическом единообразии представленной керамики.

Новая гончарная традиция янковской культуры была выделена недавно [5]. Схожесть комплексов керамики на памятниках Солонцовая-2 и Черепаша-7 безусловная. Требуется дальнейшая работа для проработки проблем: изучение особенностей создания керамической посуды, экспериментальное моделирование гончарного цикла, поиски аналогий в соседних регионах. Керамика, предварительно названная «черной серией», требует более детального исследования, так как один из признаков данной керами-

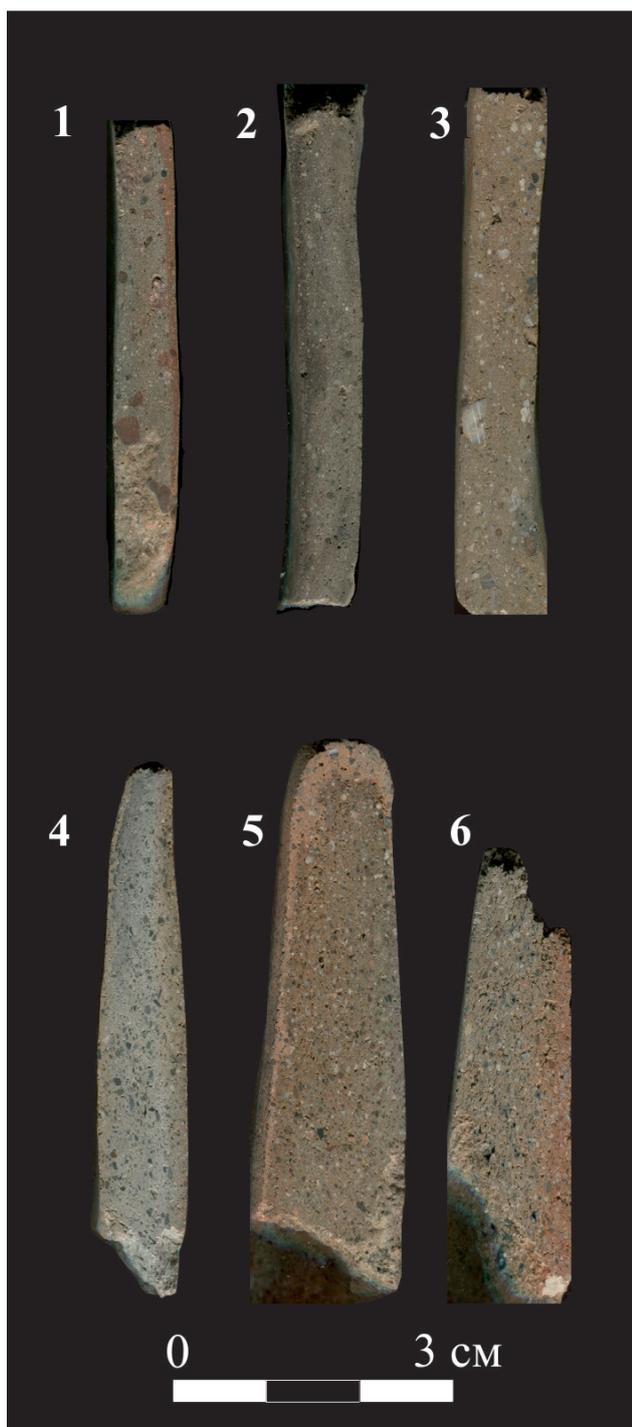

Рис. 7. Аншлифы керамики янковской (1–3) и кроуновской (4–6) культур

ки – дымление – наблюдается не на всех образцах, отчего в комплексах нередко присутствуют фрагменты со светлыми цветовыми оттенками.

Памятник Солонцовая-2 содержит в себе находки различных культур. Керамика достаточно четко локализована на памятнике и тяготеет к определенным объектам. Были также получены радиоуглеродные даты, которые подтверждают нашу гипотезу о продолжительном заселении территории представителями двух культур.

Исследование памятника Солонцовая-2 позволило нам проследить определенные отличия в керамических комплексах культур раннего железного века, а также поставить вопрос о дальнейшей интерпретации отдельной группы керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Ж.В., Жущиховская И.С., Кононенко Н.А. Янковская культура. М.: Наука, 1986.

2. Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996.

3. Дюков Е.И. Комплекс 13.2 на памятнике Солонцовая-2 // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. Материалы LVIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 25–27 апреля 2018 г.). Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. С. 116–117.

4. Дятлова Е.М., Климош Ю.А. Химическая технология керамики и огнеупоров. В 2-х ч. Ч. 1. Минск: БГТУ, 2014.

5. Жущиховская И.С., Никитин Е.Ю. Новая гончарная традиция на памятниках янковской культуры периода палеометалла в Приморье // Российская археология. 2019. № 2. С. 35–49.

6. Жущиховская И.С. Опыт применения электронной микроскопии в изучении археологической керамики юга Дальнего Востока // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2017. № 16. С. 75–91.

7. Жущиховская И.С. Показатель водопоглощения древней керамики юга Дальнего Востока: опыт исследования // Тихоокеанская археология. Вып. 29. Владивосток, 2014. С. 27–49.

8. Жущиховская И.С. Новый памятник кроуновской культуры в Приморье. Препринт. Владивосток: ИАПУ, 1979.

9. Лазин Б.В., Попов А.Н. Новые данные по археологии эпохи палеометалла на берегах Уссурийского залива в Приморье // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2. С. 5–12.

10. Окладников А.П., Бродянский Д.Л. Кроуновская культура // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 100–113.

11. Окладников А.П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока: мате-

риалы к древней истории Дальнего Востока. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

12. Тетерина Т.И. Изучение древней керамики методом сканирующей электронной микроскопии с микрозондовым анализом // Вестник Института геологии Коми НЦ УрО РАН. 2012. № 2. С. 13–15.

13. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012.

14. Shepard, A.O., 1985. *Ceramics for the archeologist*. Washington.

REFERENCES

1. Andreeva, Zh.V., Zhushchikhovskaya, I.S. and Kononenko, N.A., 1986. *Yankovskaya kul'tura* [Yankovskaya culture]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

2. Glushkov, I.G., 1996. *Keramika kak arkheologicheskii istochnik* [Ceramics as an archaeological source]. Novosibirsk: IAET SO RAN. (in Russ.)

3. Dyukov, E.I., 2018. *Kompleks 13.2 na pamyatnike Solontsovaya-2* [Complex 13.2 on Solontsovaya-2 site]. In: *Drevnie i traditsionnye kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka: problemy, gipotezy, fakty. Materialy LVIII Rossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (Omsk, 25–27 aprelya 2018 g.)*. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2018, pp. 116–117. (in Russ.)

4. Dyatlova, E.M. and Klimosh, Yu.A., 2014. *Khimicheskaya tekhnologiya keramiki i ogneporov* [Chemical technology of ceramics and refractories]. V 2-kh ch. Ch. 1. Minsk: BGTU. (in Russ.)

5. Zhushchikhovskaya, I.S. and Nikitin, Ye.Yu., 2019. *Novaya goncharnaya traditsiya na pamyatnikakh yankovskoi kul'tury perioda paleometalla v Primor'e* [New pottery tradition on the Yankovskaya culture sites of the Paleometal period in Primorye], *Rossiiskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 35–49. (in Russ.)

6. Zhushchikhovskaya, I.S., 2017. *Opyt primeneniya elektronnoi mikroskopii v izuchenii arkheologicheskoi keramiki yuga Dal'nego Vostoka* [The experience of using scanning electron microscopy in the study of archaeological

ceramics from the South of Russian Far East], *Zapiski Instituta material'noi kul'tury RAN*, no. 16, pp. 75–91. (in Russ.)

7. Zhushchikhovskaya, I.S., 2014. *Pokazatel' vodopogloshcheniya drevnei keramiki yuga Dal'nego Vostoka: opyt issledovaniya* [A study of water absorption rate for the ancient pottery from the South of the Russian Far East]. In: *Tikhookeanskaya arkheologiya. Vyp. 29. Vladivostok*, 2014, pp. 27–49. (in Russ.)

8. Zhushchikhovskaya, I.S., 1979. *Novyi pamyatnik krounovskoi kul'tury v Primor'e* [New site of the Krounovskaya culture in Primorye]. Vladivostok: IAPU. (in Russ.)

9. Lazin, B.V. and Popov, A.N., 2019. *Novye dannye po arkheologii epokhi paleometalla na beregakh Ussuriiskogo zaliva v Primor'ye* [New data on the archaeology of the Paleometal period on the coast of Ussury Bay in Primorye], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 2, pp. 5–12. (in Russ.)

10. Okladnikov, A.P. and Brodyanskii, D.L., 1984. *Krounovskaya kul'tura* [Krounovskaya culture]. In: *Arkheologiya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 1984, pp. 100–113. (in Russ.)

11. Okladnikov, A.P., 1963. *Drevnee poselenie na poluostrove Peschanom u Vladivostoka: materialy k drevnei istorii Dal'nego Vostoka*. [The ancient settlement on the Peschanyi peninsula near Vladivostok: materials to the ancient history of Primorye]. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)

12. Teterina, T.I., 2012. *Izuchenie drevnei keramiki metodom skaniruyushchei elektronnoi mikroskopii s mikrozonдовым анализом* [The study of ancient ceramics with the use of scanning electron microscopy with microprobe analysis], *Vestnik Instituta geologii Komi NTs UrO RAN*, no. 2, pp. 13–15. (in Russ.)

13. Tsetlin, Yu.B., 2012. *Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Ancient ceramics. Theory and methods of study from the point of history and culture]. Moskva: IA RAN. (in Russ.)

14. Shepard, A.O., 1985. *Ceramics for the archeologist*. Washington.

Т.А. Гаврилина*

СПЕЦИФИКА НАИБОЛЕЕ РАННИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ НА ТИХООКЕАНСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ (КУЛЬТУРЫ ПАЙХАН И ЛАС-ВЕГАС)

Погребальный обряд является одним из важнейших маркеров, позволяющих наиболее точно и достоверно охарактеризовать особенности мировоззрения представителей древних сообществ. В статье предпринята попытка выявить специфику погребального обряда прибрежных культур южноамериканского континента – пайхан (12800–9600 л.н.) и лас-вегас (10800–6600 л.н.), а также очертить возможные перспективы его изучения. Автор дает характеристику современного подхода к изучению погребений: для работы с костными останками активно привлекаются специалисты в области антропологии, генетики, проводятся исследования для определения характера повреждения костей, идентификации по гендерному признаку, диагностики патологий и т.д.

Ключевые слова: Тихоокеанский бассейн, Южная Америка, культура пайхан, культура лас-вегас, погребальный обряд

The features of the earliest funeral rites on the Pacific coast of South America and the prospects for their study (Paijan and Las Vegas cultures). TATIANA A. GAVRILINA (Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

Funeral rite is one of the most important markers that gives a clue to the worldview of a given community of ancient people. The article describes the features of the funeral rite of such South American coastal cultures as Pajan (12800–9600 BP) and Las Vegas (10800–6600 BP) and outlines the possible prospects for their study connected to the work of anthropologists and genetics.

Keywords: Pacific basin, South America, Paijan culture, Las Vegas culture, funeral rite

Введение

Исследование различных аспектов погребальных обрядов археологических культур позволяет выявить специфические черты, присутствующие тем или иным древним обществам, а также предоставляет ценнейшие данные для проведения дальнейших изысканий в области смежных наук – палеоантропологии и палеопатологии.

Так, основываясь на полученных материалах, археологи делают выводы не только о погребальной практике и представлениях древних людей о загробной жизни, но и об их культуре, социальной структуре, мировоззрении и т.д.

В рамках этого сюжета существует ряд дискуссионных вопросов, среди которых – неравномерная степень изученности различных реги-

* ГАВРИЛИНА Татьяна Александровна, лаборант отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

E-mail: tanyaesler@gmail.com

© Гаврилина Т.А., 2021

онов, а также недостаточная информативность источниковой базы (вопрос сохранности органических материалов, жилищных конструкций, погребений и т.д.). Учитывая данный контекст, археологические находки на побережье южноамериканского континента отличаются беспрецедентной важностью для исследователей, так как именно в данных условиях в достаточной степени сохраняются органические материалы.

Одной из наиболее интересных и сложных для изучения проблем мировой археологии является проблема характера и особенностей перехода от присваивающей экономики к производящей, от бескерамических культур к раннекерамическим, от обществ мобильных охотников-собирателей-рыболовов к полуседлым и оседлым земледельцам-скотоводам. Так, к концу плейстоцена древнее население южноамериканского континента уже занимало огромные территории, реализуя те или иные варианты адаптации к различным ландшафтам. Носители докерамической культуры лас-вегас и пайхан, в свою очередь, демонстрируют высокий уровень приспособления к добыче морских, наземных и эстуарных ресурсов на территории тихоокеанского побережья континента [10] (Рис. 1).

В пионерных работах исследователей культуры пайхан (12800–9600 л.н.) акцент неизменно оставался на изучении особенностей каменной индустрии. Культура лас-вегас (10800–6600 л.н.) вплоть до XXI в. фактически была известна по единственному памятнику – OGSE № 80. Изучение специфики локальных погребальных обрядов, в свою очередь, позволяет пролить свет на особенности мировоззрения древних людей, в частности – их взгляды на загробный мир.

Перу: культура пайхан (12800–9600 л.н.)

Значительный интерес для выявления специфики местных погребальных обрядов представляет культура (традиция, индустрия) пайхан (*Paiján, la Paijanense*) [4]. Эпонимный комплекс Пайхан расположен в бассейне р. Чикама, на территории департамента Ла Либерта (Перу). Специалисты выделяют ранний (12,800–11,200 л.н.) и поздний (11,200–9,600 л.н.) пайхан. Наиболее известный сюжет из истории обнаружения и изучения культуры связан с изящными наконечниками, занимающими особое место в ряду локальных каменных изделий. Первым исследователем, сообщившим об обнаружении в северной части

перуанского побережья в 1930-х гг. обработанных человеком орудий, стал Г. Уббелоде-Деринг (1889–1972), который связывал найденные артефакты с группами древних охотников на мегафауну. Выводы о древности найденных артефактов он сформировал на основании визуального осмотра артефактов и присутствия патины на поверхности [7].

В последующие годы свой исследовательский интерес к культуре пайхан обращали Д. Берд (1948), Л. Ойле (1948) и Ф. Анжель (1957), в публикациях которых впервые фигурировали некоторые найденные изделия из камня: фрагменты массивных бифасиальных заготовок и наконечник с длинным черешком [7]. Особенностью этих изысканий является то, что все они рассматривали исключительно район Куписнике между долинами рек Чикама и Хетепеке (около 100 км от г. Трухильо) [7].

В 1960-е гг. материалы, полученные в 1940-х – 1950-х гг., были объединены общим названием – комплекс Пайхан – Пампа-де-лос-Фосилес (*Paiján – Pampa de los Fósiles complex*), соотносимым учеными с культурой охотников на плейстоценовых животных [4]. С 1961 г. изучением археологических культур на территории центрального побережья Перу занимались североамериканские археологи Э. Ланнинг и Т. Паттерсон [7]. Э. Ланнинг работал в районе Анкон (*Ancón*) и на основе своих изысканий выявил последовательность из шести докерамических комплексов: Пьедрас-Гордас (*Piedras Gordas*), Лус (*Luz*), Ареналь (*Arenal*), Канарио (*Canario*), Корбина (*Corbina*) и Энканто (*Encanto*). Т. Паттерсон, в свою очередь, дал характеристику комплексам-мастерским на правом берегу нижнего течения р. Чильон [2]. Впоследствии схема докерамических комплексов Э. Ланнинга претерпела некоторые изменения. Были также получены радиоуглеродные датировки. Однако, несмотря на значительный объем проведенных разведок и полевых работ, на момент исследований не было возможности проследить общий археологический контекст и провести сравнительные исследования для территорий центрального и северного побережья Перу.

В 1970-х гг. начинается новая веха в изучении культуры пайхан, связанная с именем французского археолога К. Шоша, в результате работ которого был тщательно изучен район Куписнике между долинами Хекетепеке (*Jequetepaque*) и Чикама (*Chicama*). К. Шоша включил в индустрию различные черенковые метательные

наконечники, ручные рубила, боковые скребла, зазубренные и галечные орудия [4]. Кроме того, с культурой пайхан были соотнесены многие археологические памятники, в том числе некоторые включающие человеческие захоронения. Были зафиксированы поселения, определены мастерские и каменоломни [4].

Так, в 1975 г. на памятнике Пампа-де-лос-Фосилес (10900–6700 л.н.), на территории северного побережья Перу, исследователь обнаружил два захоронения с костными останками женщины и ребенка [3; 6]. В погребении № 1 были зафиксированы останки ребенка 12–13

лет с выраженной долихоцефалией и рядом зубных патологий, голова направлена на северо-восток. Сопроводительный инвентарь также представляет определенный интерес: на уровне третьего поясничного позвонка располагался рыбий позвонок со следами сверления. Тела погребенных находились в согнутом положении [3]. Погребение № 2, расположенное на расстоянии полуметра от костяка ребенка, принадлежало взрослому индивиду 25 лет (Рис. 2). Скелет умершего располагался на слое пепла, кроме того на костных остатках сохранились видимые следы сожжения, а на грудной клет-

Рис. 1. Карта Южной Америки, обозначающая территорию распространения культур пайхан (Перу) и лас-вегас (Эквадор)

ке – фрагменты плетеной циновки со следами угля с вкраплениями костей мелких животных. В числе предметов сопроводительного инвентаря – бусина от костяного ожерелья и небольшие фрагменты обработанных камней (часть из которых – из розового риолита) [3].

Эквадор: культура лас-вегас (10800–6600 л. н.)

Лас-вегас (*Las Vegas*) – археологическая культура (10800–6600 л. н.), получившая свое распространение на тихоокеанском побережье

Рис. 2. Погребение культуры пайхан, памятник Пампа-де-лос-Фосилес [7, р. 109]

южноамериканского континента, на территории современных эквадорских провинций Манабии и Санта-Элена. Впервые выделена Э. Ланнингом (Колумбийский университет, США) [5] в 1960-х гг. на основании группы комплексов, среди которых значится раннеголоценовое местонахождение Лас-Вегас. Основной вклад в изучение культуры внесли специалисты из Техасского университета в Сан-Антонио (США): в ходе полевых работ 1970-х – 1980-х гг. К. Стосерт было изучено (подъемные сборы и зачистки) 32 местонахождения [10]. В рядах исследователей, работавших на лас-вегасских памятниках в последующие годы, – археологи из Приморского политехнического университета (Эквадор), Дальневосточного федерального университета и Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Россия), Университета Тохоку (Япония) [11]. Внутренняя периодизация выглядит следующим образом: пре-лас-вегас (10800–10000 л.н.), ранний лас-вегас (10000–8000 л.н.), поздний лас-вегас (8000–6600 л.н.), пост-лас-вегас (6600–5800 л.н.) [10].

Носители культуры – охотники, рыболовы и собиратели, практиковавшие первые опыты по доместикации растений, начиная от 9000–10000 л.н. (тыква (*Cucurbita*), лагенария обыкновенная (*Lagenaria siceraria*), калатея (*Ierén, Calathea allouia*) и т.д.) [10]. Кроме того, на памятнике № 80 (OGSE № 80) зафиксированы одни из наиболее древних признаков присутствия остатков маиса (*Zea mays*) (8110–7860 л.н.) [10]. Основой пропитания являлись млекопитающие (олени, кролики, мелкие грызуны и т.д.), а также различные виды рыб и моллюсков [9]. Получен ряд датировок по углю (11090–8990 л.н.), раковинам (11620–10640 л.н., 8160–7870 л.н.), фитолитам (9010–8610 л.н.) и человеческим костям (9540–9020 л.н., 7820–7310 л.н.) [10].

На сегодняшний день известно два наиболее крупных некрополя: № 80 и № 67 (Лома-Атауальпа). В результате масштабных раскопок памятника № 80 зафиксированы остатки около 200 индивидов в более чем в 70-ти погребениях (первичные и вторичные, одиночные и массовые, частичные). Сопроводительный инвентарь в целом довольно скромнен: отщепы с галечной коркой, окатанные гальки, орудия на галечных сколах, изделия из раковин, обработанные нуклеусы из кремнистого сланца и халцедона. Одно из обнаруженных на памятнике № 80 захоронений принадлежало женщине 40–45 лет:

в одном контексте зафиксированы отщепы из белого кварцита и галька со следами использования [10]. Костяк располагался в рамках наземного жилища или шалаша, который, предположительно, был покинут после процесса погребения. Значительную известность получило погребение № 25, где скелеты молодых мужчины и женщины уложены в обнимку. Его называют «Влюбленные из Сумпы»¹. В ассоциации с женским захоронением на Лома-Атауальпе также обнаружен кельт со шлифованной поверхностью без следов использования, предположительно являвшийся неким маркером особого социального статуса погребенной [1] (Рис. 3).

Широко распространены манипуляции с костяком и черепом, замена части скелета камнями или массивами ракушечника. Погребения, вероятно, маркировались окатанными камнями, также распространены так называемые «галечные клады» в контексте погребений и в некотором отдалении от них. В большом количестве присутствуют костные остатки эндемич-

ной секуранской лисицы (*Lycalopex sechurae*) в погребальном контексте, что, вероятно, имело сакральный смысл для древних носителей культуры.

В целом на текущий момент докерамическая культура лас-вегас рассматривается в неразрывной связи с последующей, знаковой для южноамериканского континента раннеземледельческой культурой вальдивия (5500–3500 л.н.) [8]. Исходя из имеющихся данных, за исключением керамики, все признаки в погребальном инвентаре ранней вальдивии практически идентичны более древней традиции. Самыми значительными результатами работ исследователей на протяжении многих лет можно считать открытие в провинции Санта-Элена знаменитого на весь мир музея «Los Amantes de Sumpa».

Заключение

Таким образом, на территории Перу и Эквадора фиксируются одиночные, парные и групповые погребения, комплексы из отдельных частей тел и скелетов, погребения первичного и вторичного типов, погребения с различным положением умерших (в скорченном виде на

¹ Сумпа – старое название полуострова Санта-Элена.

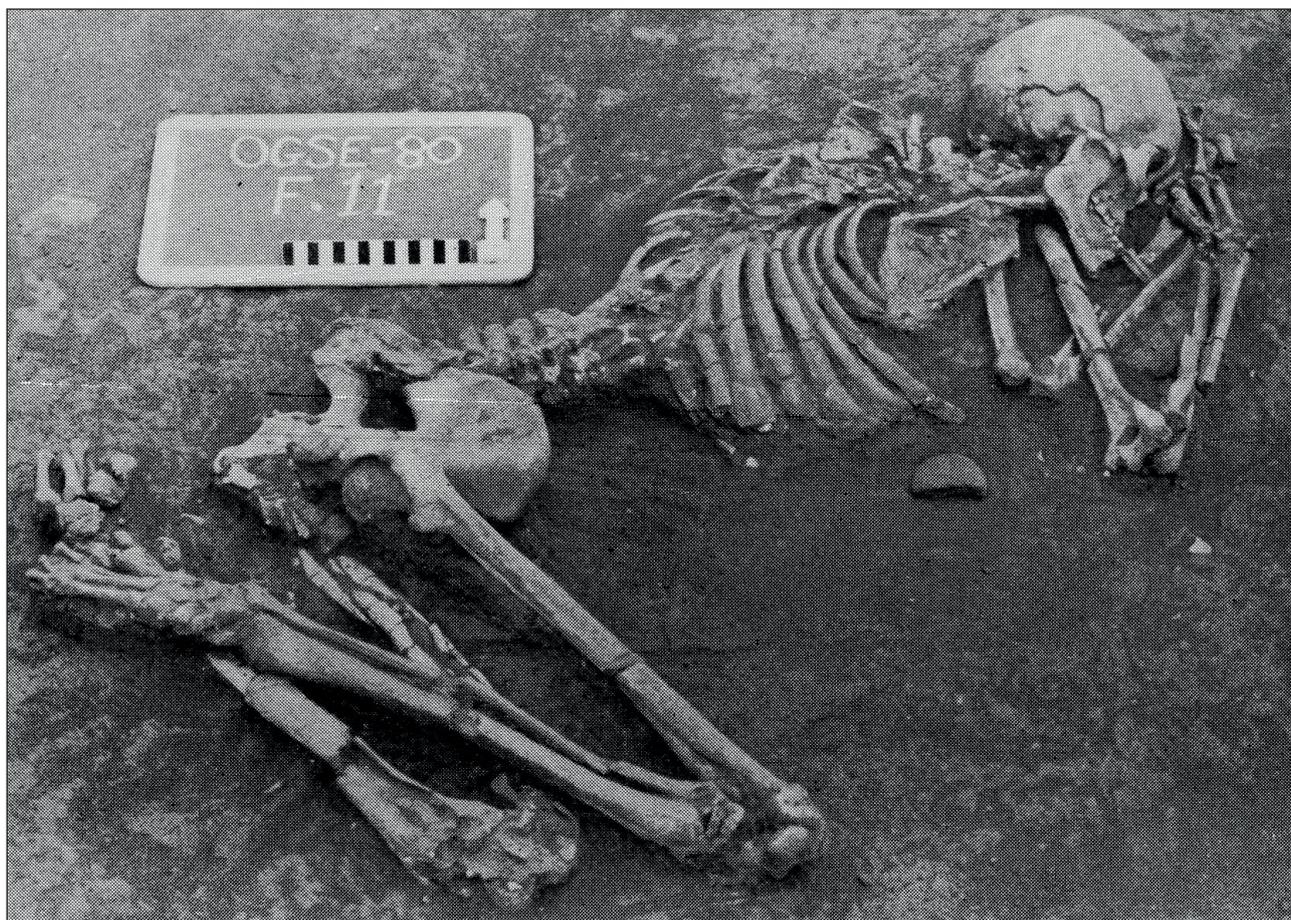

Рис. 3. Погребение культуры лас-вегас (памятник OGSE №80) [10, р. 137]

боку, вытянутые на спине). Значительная часть погребений связана с территорией поселений, стоянок и отдельных жилищ. Кроме того, существуют заметные особенности, повторяющиеся в ряде культур: активная эксплуатация морских ресурсов древними жителями тихоокеанского побережья континента (12800–6600 л.н.), общие черты в положении тел погребенных, в регулярном присутствии в ряде погребений морских раковин и изделий (украшений, инструментов) из них.

Так, для культуры пайхан, распространенной в северной части побережья Перу в период позднего плейстоцена и раннего голоцена (12800–9600 л.н.), характерно скорченное положение скелетов погребенных, в большом количестве захоронений присутствуют остатки охры. В погребальном обряде культуры лас-вегас (10800–6600 л.н.) можно наблюдать следы широко распространенной практики вторичных погребений, а также признаки манипуляций с частями скелета и черепом. Существуют также отдельные факты, свидетельствующие о том, что погребения маркировались мелкими гальками по периметру и более крупными – сверху.

В целом можно заключить, что в XX в. у исследователей-первооткрывателей докерамических культур тихоокеанского побережья Южной Америки не было столь обширных возможностей для максимально достоверного датирования обнаруженных материалов, в том числе и для проведения точных генетических исследований. На современном этапе исследований подобные работы ведутся: в процесс вовлекаются отечественные и зарубежные специалисты в области генетики, антропологии, трасологии и т.д.

Кроме того, анализ особенностей сопроводительного инвентаря представляет беспрецедентную важность для интерпретации погребальных ритуалов и социальной структуры обществ докерамического периода. Помимо этого, актуальным на сегодняшний день остается изучение социальных механизмов, связанных не только непосредственно с погребением умерших, но и с их посмертным поминовением в среде соплеменников. Одной из наиболее приоритетных задач для современных исследователей является расширение источниковой базы, предполагается в том числе привлечение и трактовка старых антропологических коллекций. В числе дальнейших перспектив для исследований – территория Колумбии с пестрой картиной археологических

памятников (Агуазуке, Чекуа и т.д.) и фактурным погребальным обрядом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилина Т.А. Погребальный комплекс Лома-Атауальпа, докерамическая культура лас-вегас, Эквадор (по материалам российско-японско-эквадорской экспедиции 2018 г.) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск-Хэйхэ, 8–12 апреля 2019 г. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 54–56.
2. Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки: Анды и тихоокеанское побережье: учебное пособие. Новосибирск: Сибирская научная книга, 2006.
3. Briceño, J. and Millones, M., 1999. Los restos humanos mas tempranos del norte del Peru: balance y proyecciones. Boletin de Arqueologia PUCP, no. 3, pp. 55–67.
4. Chauchat, C. and Pelegrin, J., 2004. Projectile Point technology and economy: a case study from Paiján, North Coastal. College Station: Texas A&M University Press.
5. Lanning, E., 1967. Peru before the Incas. Englewood Cliffs: Prentice Hall Inc.
6. Lacombe, J.P., 1994. Antropologie physique des hommes précéramiques anciens du Pérou. Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise, Vol. 91, no. 4–5, pp. 281–289.
7. León Canales, E.A., 2007. Orígenes humanos en los Andes del Perú. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
8. Marcos, J.G., 1988. Real Alto: la historia de un centro ceremonial Valdivia. Part 1. Guayaquil: Escuela Politécnica del Litoral.
9. Stahl, P., 2020. Mammalian archaeofaunal accumulations, taphonomy, and early human/animal relationships. In: Stahl, P.V. and Stothert, K.E. eds., 2020. Las Vegas: the early Holocene archaeology of human occupation in coastal Ecuador. Pittsburgh: University of Pittsburgh Center for Comparative Archaeology, pp. 107–126.
10. Stothert, K., 1988. La prehistoria temprana de la Península de Santa Elena: cultura Las Vegas. Guayaquil: Museos del Banco Central del Ecuador.
11. Tabarev, A.V. and Kanomata, Y., 2020. La litica de Las Vegas: la vision desde el otro lado del Pacifico. In: Stahl, P.V. and Stothert, K.E. eds., 2020. Las Vegas: the early Holocene archaeology of human occupation in coastal Ecuador. Pittsburgh: University of Pittsburgh Center for Comparative Archaeology, pp. 155–166.

REFERENCES

1. Gavrilina, T.A., 2019. Pogrebal'nyi kompleks Loma-Ataual'pa, dokeramicheskaya kul'tura las-vegas, Ekvador (po materialam rossiisko-yaponsko-ekvadorskoi ekspeditsii 2018 g.) [Loma-Atahualpa burial complex, pre-ceramic culture Las Vegas, Ecuador (based on the materials of the Russian-Japanese-Ecuadorian expedition of 2018)]. In: Materialy LIX Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh. Blagoveshchensk-Heihe, 8–12 aprelya 2019 g. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, pp. 54–56. (in Russ.)
2. Tabarev, A.V., 2006. Vvedenie v arkheologiyu Yuzhnoi Ameriki. Andy i tikhookeanskoe poberezh'e: uchebnoe posobie [Introduction to the archaeology of South America. The Andes and the Pacific coast: a textbook]. Novosibirsk: Sibirskaya nauchnaya kniga. (in Russ.)
3. Briceño, J. and Millones, M., 1999. Los restos humanos mas tempranos del norte del Peru: balance y proyecciones. Boletin de Arqueologia PUCP, no. 3, pp. 55–67.
4. Chauchat, C. and Pelegrin, J., 2004. Projectile Point technology and economy: a case study from Paiján, North Coastal. College Station: Texas A&M University Press.
5. Lanning, E., 1967. Peru before the Incas. Englewood Cliffs: Prentice Hall Inc.
6. Lacombe, J.P., 1994. Antropologie physique des hommes précéramiques anciens du Pérou. Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise, Vol. 91, no. 4–5, pp. 281–289.
7. León Canales, E.A., 2007. Orígenes humanos en los Andes del Perú. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
8. Marcos, J.G., 1988. Real Alto: la historia de un centro ceremonial Valdivia. Part 1. Guayaquil: Escuela Politécnica del Litoral.
9. Stahl, P., 2020. Mammalian archaeofaunal accumulations, taphonomy, and early human/animal relationships. In: Stahl, P.V. and Stothert, K.E. eds., 2020. Las Vegas: the early Holocene archaeology of human occupation in coastal Ecuador. Pittsburgh: University of Pittsburgh Center for Comparative Archaeology, pp. 107–126.
10. Stothert, K., 1988. La prehistoria temprana de la Península de Santa Elena: cultura Las Vegas. Guayaquil: Museos del Banco Central del Ecuador.
11. Tabarev, A.V. and Kanomata, Y., 2020. La litica de Las Vegas: la vision desde el otro lado del Pacifico. In: Stahl, P.V. and Stothert, K.E. eds., 2020. Las Vegas: the early Holocene archaeology of human occupation in coastal Ecuador. Pittsburgh: University of Pittsburgh Center for Comparative Archaeology, pp. 155–166.

И.Ю. Понкратова*

ПОЗДНИЙ НЕОЛИТ ПОЛУОСТРОВА КАМЧАТКА

На основе радиоуглеродного и тефрохронологического датирования, изучения особенностей материальных комплексов археологических памятников автор уточняет хронологические рамки эпохи позднего неолита полуострова Камчатка в пределах ~ 50–1020 гг. В статье прослежена преемственность использования в позднем неолите присваивающей, основанной на речном рыболовстве, морском промысле, сухопутной охоте и собирательстве, экономики, а также традиций строительства наземных и полуподземных жилищ, тотемистических верований, характерных для населения тарьинской археологической культуры в среднем неолите на Камчатке. Несмотря на экологическую катастрофу, вызванную последствиями извержения вулкана Ксудач около 1800 л.н., население с высокоспециализированной комплексной присваивающей экономикой сумело сохранить свою целостность.

Ключевые слова: Камчатка, поздний неолит, периодизация, тефрохронология, радиоуглеродное датирование

Late Neolithic of the Kamchatka Peninsula. IRINA Yu. PONKRATOVA (North-Eastern State University)

Basing on the analysis of tephrochronology and radiocarbon dates of the archaeological sites of Kamchatka, the author specifies the chronological framework of the Late Neolithic epoch on the Kamchatka Peninsula in the range of ~ 50-1020. The article studies the features of the material complexes of the Late Neolithic sites that allows making a suggestion on the continuity of economy based on river and sea fishing, land hunting and gathering, traditions of building land and semi-underground dwellings, totemistic beliefs, which were typical for the representatives of the Tarinskaya archaeological culture in the Middle Neolithic. Despite the ecological disaster caused by the consequences of the eruption of the Ksudach volcano around 1800 BC, the population with a highly specialized complex hunter-gatherer economy managed to maintain its integrity.

Keywords: Kamchatka, Late Neolithic, periodization, tephrochronology, radiocarbon dates

Введение

Периодизация неолита Камчатки предлагалась Н.Н. Диковым, который разделил его на ранний («первая ушковская мезолитическая культура»), средний («вторая ушковская мезо-

литическая культура»), развитый («тарьинская культура») и пережиточный [2, с. 61, 72; 3, с. 106–128, 169]. Т.М. Дикова выделила этапы неолита юга Камчатки: ранний (5200±100 (МАГ–306) – 4210±135 (МАГ–317)), средний

* ПОНКРАТОВА Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научного отдела Северо-Восточного государственного университета.

E-mail: ponkratova1@yandex.ru

© Понкратова И.Ю., 2021

(3450±100 (МАГ-310) – 1050±100 (МАГ-722)) и поздний (950±70 (МАГ-305) – 380±50 (МАГ-315)) [4, с. 167–168]. А.К. Пономаренко разделил неолит Камчатки на ранний – «ушковско-авачинская культура бродячих охотников» и развитый – «тарьинская культура оседлых рыболовов». В свою очередь в развитом неолите им были выделены развитый – тарьинский (5200±100 л.н. – 2070±90 л.н.), поздний – кроноцкий (I тыс. н.э.) и пережиточный – налычевониккульский (со II тыс. н.э. до XVII в.) этапы [13, с. 268–291; 14, с. 114–137].

Данные, полученные автором при изучении многослойных стоянок Ушки и других исследованных в предыдущие годы археологических памятников Камчатки [2; 4; 10; 11–14 и др.], сравнительный анализ с процессами, происходящими синхронно на сопредельных территориях в каменном веке, позволили конкретизировать хронологию и особенности неолита Камчатки. Цель данной статьи – на основе материалов археологических памятников определить временные рамки, критерии и особенности заключительного этапа каменного века Камчатки – позднего неолита.

К настоящему времени на Камчатке известно около 20 памятников, датированных радиоуглеродным и тефрохронологическим методами, которые возможно отнести к периоду позднего неолита (Табл. 1). Это стоянки у озера Култук, Ушки I и II (слой II), Крутоберегово (т. 118/08), Галган, Анадырка, Андриановка (слой II), Жупаново (слой II) и др.

Наиболее ранние даты по ^{14}C угля получены из культурного слоя на стоянках Анадырка – 1780±70 (ГИН-8037) или 84–403 гг., Андриановка (слой II) – 1880±60 (МАГ-309) или 1–257 гг.¹. Верхняя граница позднего неолита Камчатки может быть определена по датам угля ^{14}C стоянок Ушки II (слой II) – 1052 ± 25 (МАГ-32) или 961–1024 гг.², Галган – 1000±50 (ГИН-6881) или 961–1162 гг., Жупаново (слой II) – 1000±20 (ИВАН-171) или 989–1044 гг. и др. (Табл. 1). Допускаем, что хронологические рамки эпохи ограничены временем около 50–1020 гг.

¹ Полученные по ^{14}C раковинам, собранным на стоянке Галган выше пепла вулкана Ксудач (извержение около 1800 л.н.), даты 1900±100 (ГИН-8146), 1820±100 (ГИН-8142) [12, с. 50] при этом не учитывались.

² Здесь и далее переход на календарный возраст произведен с помощью Calib Radiocarbon Calibration Program [21].

Палеоклимат и природная среда

Согласно климатической периодизации голоцена Блитта-Сернандера [17], эпоха позднего неолита на Камчатке пришлось на субатлантический период, начавшийся около 2,5 тыс. л.н. и продолжающийся по настоящее время.

Климат был в целом прохладным и влажным [5]. Между 3000 и 1500 л.н. лето становится более теплым, зимой уменьшается количество снега. Расширяются березовые леса с преобладанием кустарниковой березы (*Betula nana/humilis*, ~50%). С ~10% до >40% увеличиваются площади кустарников. Распространены полынь (*Artemisia*), камнеломковые (*Saxifragaceae*), розоцветные (*Rosaceae*), сфагнум (*Sphagnum*). Малочисленную по сравнению с предыдущими периодами группу составляют мхи зеленые (*Bryidae*), вахта трехлистная (*Menyanthes trifoliata*), хвощ (*Equisetum*). Современные пейзажи были созданы около 1500 л.н. и характеризуются уменьшением березового лесного покрова, кустарниковых ольховых зарослей, мозаикой лугов и болот с преобладанием осоки и восковницы (*Myrica*). Отмечена низкая пожарная активность, за исключением периодов, связанных с извержением вулканов и отложением пеплов [20].

В позднем голоцене Камчатки обитали снежный баран, и, возможно, овцебык, северный олень, заяц, волк, россомаха, лисица, песец, горностай, длиннохвостый суслик, выдра, соболь, сибирский лемминг, полевки и др. В ихтиофауне доминирующее место занимали тихоокеанские лососи [16]. Основные виды морских млекопитающих – тюлени, северные морские котки, сивучи, каланы и др.; в числе промысловых птиц – чистики, трубконосы, бакланы и морские утки; рыбы – тихоокеанская треска, бровастый терпуг, бычок, морской окунь и др. Общая биопродуктивность морских экосистем в северо-западной части Тихого океана, начавшая расти около 4800 л.н., продолжает увеличиваться [8].

В голоцене на Камчатке произошло более 40 крупных вулканических извержений с объемами тефры 0,5–170 км³. 34 извержения произошло в неолите, из них два пришлось на период позднего неолита. Это извержения вулканов Опала (^{14}C 1478±18 л.н. или 552–632 гг.) и Шивелуч (^{14}C 1404±27 л.н. или 601–664 гг.) [18]. Предшествовало позднему неолиту извержение вулкана Ксудач (^{14}C 1806±16 л.н. / 134–249 гг., далее – КС¹), оцениваемое как экологическая катастрофа [15, с. 231].

Радиоуглеродная хронология позднего неолита п-ова Камчатка

№	Археологические объекты	Индекс и номер ¹⁴ C даты	¹⁴ C дата, л.н.	Калиброванная дата, гг. н.э. ±2σ
Северо-восточная Камчатка				
1	Култук III	Над пеплом вулкана Ксудач (извержение 1800 л.н.)		
2	Култук V	Над пеплом вулкана Ксудач (извержение 1800 л.н.)		
3	Култук VI	NOSAMS-85975	1080 ± 25	936 – 1017
4	Крутоберегово (т. 118/08)	Над пеплом вулкана Ксудач (извержение 1800 л.н.)		
5	Столбовая I, жилище 2	Над пеплом вулкана Ксудач (извержение 1800 л.н.)		
6	Ажабачье XXXII	ГИН-10797	1710 ± 30	253 – 404
Северо-западная и западная Камчатка				
7	Анадырка	ГИН-8037	1780 ± 70	84 – 403
		ГИН-8036	1350 ± 50	604 – 774
		ГИН-8035	1180 ± 40	768 – 907
8	Галган	ГИН-8145	1350 ± 40	614 – 723
		ГИН-6882	1080 ± 40	889 – 1021
		ГИН-8140	1200 ± 50	687 – 900
		ГИН-6881	1000 ± 50	961 – 1162
		ГИН-8144	1480 ± 50	528 – 654
		ГИН-8142	1820 ± 100	3 – 422
9	Тихая X, слой II	ИВАН-872	1620 ± 60	116 – 349
				321 – 569
Центральная Камчатка				
10	Ушки I, слой II	Нет данных		
11	Ушки II, слой II	МАГ-32	1052 ± 25	961 – 1024
12	Доярки	МАГ-229	1340 ± 50	604 – 778
		ЛЕ-71	1145 ± 80	760 – 1021
		МАГ-36	1052 ± 70	856 – 1156
Восточная Камчатка				
13	Жупаново, слой II	ИВАН-172	1550 ± 100	320 – 660
		ИВАН-171	1450 ± 70	431 – 679
		Нет данных	1000 ± 20	989 – 1044
Южная и юго-восточная Камчатка				
14	Оз. Налычева, жилище 1	МАГ-311	1160 ± 50	326 – 433
15	Мыс Желтый	ГИН-6383	1730 ± 40	224 – 412
16	Андриановка, слой II	МАГ-318	1860 ± 60	20 – 261
		МАГ-309	1880 ± 60	1 – 257
17	Явино III	МАГ-721	1700 ± 100	123 – 562
		МАГ-722	1050 ± 100	722 – 1211
18	Явино IV	МАГ-723	1650 ± 80	223 – 582
19	Явино V	МАГ-724	1300 ± 100	569 – 903
20	Плотникова II, слой I	Нет данных		
			1010 ± 80	870 – 1217

Примечание: составлено по: [1; 2; 3; 4; 10; 11; 12; 13; 14; 19].

Археологические памятники позднего неолита Камчатки

Выявление особенностей эпохи позднего неолита стало возможным благодаря анализу материалов археологических памятников Камчатки [1; 2; 3; 4; 10; 11; 12; 13; 14; 19] (Рис. 1).

Стоянки северо-восточной Камчатки – Култук III, V, VI, Крутоберегово (т. 118/08), Столбовая I (жилище 2) обследовались в рамках «Международного совместного северного археологического проекта (ИССАР): российско-американские исследования на Камчатке» (Грант NSF 0915131) тестированием [19; 20]. В связи с этим полученные артефакты немногочисленны. В основном это отщепы из халцедона, кремня, базальта и пр.

На озере Култук археологические памятники были открыты А.К. Пономаренко [12, с. 12]. В 2009–2011 гг. здесь были обследованы 6 стоянок, расположенных на первой морской террасе высотой 0,5–3 м. Стоянка Култук III (Рис. 1: 1) состоит из 11 разновременных жилищных западин. Было заложено 6 шурфов, в трех из которых культурные слои обнаружены выше пепла вулкана Ксудач (КС¹). Стоянка Култук V (Рис. 1: 2) состоит из 45 жилищных котлованов на террасах с видом на озеро. Зафиксировано несколько небольших неглубоких западин с культурными слоями между пеплом вулкана Шивелуч (Шдв, извержение около 4861–4589 кал. л.н.) и пеплом вулкана Ксудач (КС¹). Большинство расположенных группами западин глубокие и относятся ко времени до извержения вулкана Ксудач (КС¹). Стоянка Култук VI (Рис. 1: 3) состоит из 16 жилищных котлованов на отдельных низких вершинах холмов в устье ручья, впадающего в оз. Култук. Основное скопление западин зафиксировано на востоке, ближе к озеру. Оно состоит из больших и очень глубоких западин с культурными слоями возрастом до 1000 л.н. По ¹⁴С угля получена дата: 1080±25 л.н. (NOSAMS–85975) или 936–1017 гг. н.э.

Стоянка Крутоберегово (т. 118/08) (Рис. 1: 4) находится в 5 км от пос. Крутоберегово на северо-восток. Ранее эти стоянки описаны А.К. Пономаренко, названы им Крутоберегово-1–17, но не раскопаны [12, с. 13]. Исследованная нами стоянка находится на третьей водно-ледниковой террасе на высоте 13 м над уровнем моря. В качестве объекта изучения был выбран геологический шурф Т.К. Пинегиной – точка 118/08 (118 – номер шурфа, 08 – год исследования). Были зачищены его стенки, описана страти-

графия, проверен грунтовый выброс. Среди артефактов, найденных в отвале геологического шурфа, – аморфный нуклеус (Рис. 2: 1), листовидный наконечник (Рис. 2: 2); фрагменты наконечников (Рис. 2: 3, 4), нож (?) (Рис. 2: 5); отщепы со следами использования (Рис. 2: 6–10; Рис. 3: 1–5), скребок на отщепе (Рис. 3: 6); зооморфные фигурки (?) (Рис. 3: 7, 8). Изготовлены артефакты из халцедона, базальта, кремня.

В устье р. Столбовой на северо-восточном побережье полуострова А.К. Пономаренко были открыты две стоянки [12, с. 18]. В 2010 г. устье реки и вся бухта Столбовая были обследованы. Всего выявлено 15 стоянок на 15–20 метровых водно-ледниковых террасах. Двенадцать стоянок, состоящих из 3–20 жилищ, располагались на верхней террасе [19]. На стоянке Столбовая I (Рис. 1: 5), расположенной на верхней террасе, найдены 3 разновременные жилищные западины. Возле жилища 2 зафиксирован культурный слой с элементами очажной конструкции выше пепла извержения вулкана Ксудач (КС¹); артефакты не найдены [10].

Стоянка Ажабачье XXXII (Рис. 1: 6) открыта А.К. Пономаренко в результате разведки у озера Ажабачье на северо-восточной Камчатке. Она расположена на аллювиальной 4-х метровой террасе озера. По углю из очажной ямы не выраженного на дневной поверхности жилища получена дата ¹⁴С 1710±30 (ГИН-10797) или 253–404 гг. [14, с. 60].

На северо-западном побережье Камчатки на останце второй надпойменной террасы справа от устья р. Анадырка в 17 км к северу от п. Палана в 1994 г. найдена стоянка Анадырка (Рис. 1: 7). Изучались культурный слой площадью 40 м² и «обширный оползень культурного слоя» площадью около 80 м². Собрана коллекция из каменных, костяных и деревянных изделий *in situ*, а также кости морских животных – целые черепа, челюсти и их фрагменты. Обнаружен неполный скелет человека без черепа. В составе каменного инвентаря – обсидиановые листовидные наконечники, листовидно-черешковые ретушированные ножи из обсидиана и кремня, листовидные бифасы и резцы из халцедона, цилиндрической формы ретушеры из халцедона, скребки из кремня, проколки с ретушированной рукоятью из халцедона, шлифованные тесла и ножи из сланца, грузила из вулканической породы. Обнаружены аморфные нуклеусы из халцедона и обсидиана, абразивы. Из кости изготовлены наконечники с простым

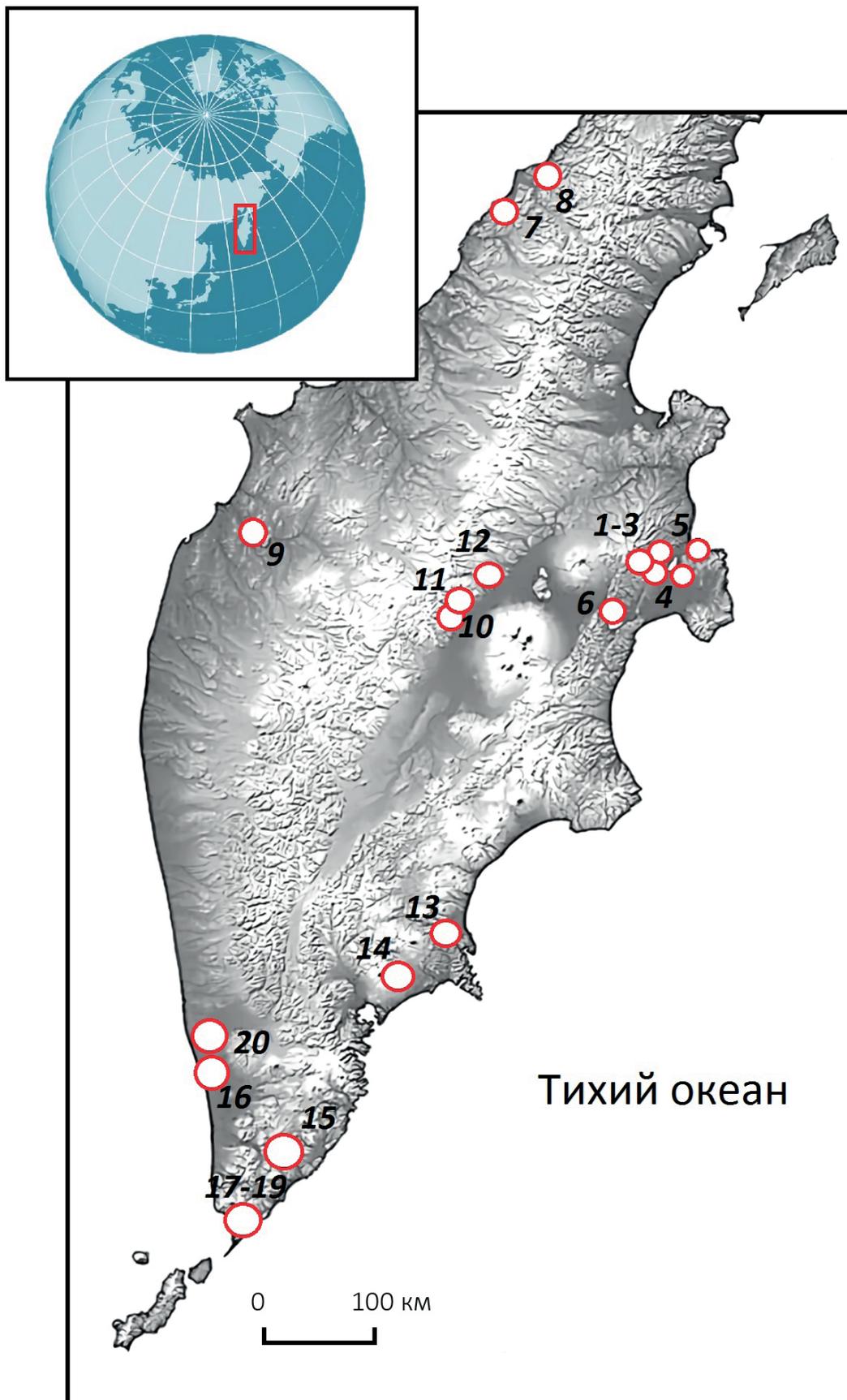

Рис. 1. Карта расположения памятников раннего неолита на полуострове Камчатка:
 1 – Култук III; 2 – Култук V; 3 – Култук VI; 4 – Крутоберегово (т. 118/08); 5 – Столбовая I, жилище 2;
 6 – Ажабачье XXXII; 7 – Анадырка; 8 – Галган; 9 – Тихая X, слой II; 10 – Ушки I, слой II; 11 – Ушки II, слой II;
 12 – Доярки; 13 – Жупаново, слой II; 14 – Оз. Налычева, жилище 1; 15 – Мыс Желтый; 16 – Андриановка, слой II;
 17 – Явино III; 18 – Явино IV; 19 – Явино V; 20 – Плотникова II, слой I

жалом, бородчатые наконечники гарпунов, колки поворотного гарпуна, заготовки поворотных гарпунов, ложила из рога оленя, игольник из трубчатой кости, проколки из тонких трубчатых костей, гребни для обработки травы, ретушеры и пр. Найдены фрагменты нарт, берестяного сосуда, кожаной обуви, плетеной веревки, деревянные изделия, в том числе ложка, ковши, ритуальный макет лодки с вырезанными в средней части дна фигурками, древки стрел и пр. По ^{14}C угля стоянка датирована 1780 ± 70 (ГИН-8037) или $84\text{--}403$ гг., 1180 ± 40 (ГИН-8035) или $768\text{--}907$ гг. н.э. и 1350 ± 50 (ГИН-8036) или $604\text{--}774$ гг. н.э. [12, с. 63–74].

Стоянка Галган (Рис. 1: 8) находится в Тигильском районе Камчатской области (Корякский автономный округ), в 16,5 км к юго-западу от м. Тэви и в 17,5 км к северо-востоку от с. Лесная. Раскопки проводились А.В. Пташинским и А.К. Пономаренко [12, с. 45]. Стоянка расположена на надпойменной террасе правого борта приустьевой долины р. Галган. Высота южного и юго-западного склона террасы 4,5–5 м, северного и северо-западного – от 6 до 13 м. Датируется стоянка по ^{14}C угля в диапазоне 1900 ± 100 (ГИН-8146) / $116\text{--}349$ гг. н.э. – 1000 ± 50 (ГИН-6881) / $961\text{--}1162$ гг. н.э. По мнению автора раскопок, «крайние календарные даты формирования слоя стоянки: около $223\text{--}1015$ гг. н.э.» [12, с. 50]. Найдены каменные орудия из базальта, обсидиана, кремня, яшмы, в том числе грузила, скребки, ножи и пр., а также абразивные плиты, стрелы с деревянным тупым наконечником, веревки, кожаные фрагменты, деревянные и берестяные сосуды, деревянные и костяные лопаты, антропоморфные деревянные фигурки, плетеные изделия, фрагменты обуви из нерпичьей шкуры и пр. Обнаружены экофакты – шкуры и кости животных, многочисленные раковины моллюсков, солома, обломки веток, щепки, хвоя, шишки кедрового стланика и их шелуха, фрагменты бересты, шерсть шкур животных, ягоды шикши, волосы и экскременты человека [12, с. 45–63, 124–145].

Стоянка Тихая X (слой II) (Рис. 1: 9) расположена на второй надпойменной террасе правого берега р. Тихой к юго-востоку в 4,5 км от с. Верхнее Хайрюзово. Жилище – прямоугольной формы, полуподземное, выражено на поверхности. Найдены аморфные отщепы из кремня, обсидиана, халцедона. Датируется стоянка по ^{14}C угля 1620 ± 60 (ИВАН-872) или $321\text{--}569$ гг. [12, с. 77–84; 14, с. 128].

В центральной Камчатке на берегу Большого Ушковского озера на стоянках Ушки I и II в слое II находки залегали в желтовато-серой слоистой супеси «между IV и V слоями пепла»³. На стоянке Ушки I (Рис. 1: 10) прослежены 17 деревянных жердей (диаметром 15–20 см) и четыре ямки от столбов такой же толщины. Вероятно, это было «жилище на столбах». Рядом обнаружено десять ям, из которых семь – хозяйственного назначения. Ямы разного размера и формы, в них встречены рыбьи кости и угли. Три другие ямы – округлые, чашевидной формы, четырехслойные: внутри внешней, большей по диаметру (1,6 м) ямы, устланной остатками бересты, устроены три чашевидных углубления меньших диаметров (1,2 м, 0,8 м и 0,4 м). Найдены ножевидные пластинки, два скребка из обсидиана, «два шлифованных обломка из желтого песчаника» (?) [2, с. 61, 72]. На стоянке Ушки II (Рис. 1: 11) обнаружены остатки землянки площадью 16 м^2 , с очагом глубиной 20 см и 40 см в ширину и отдельными скоплениями угольков и утиных косточек, рыбьих костей, ножевидных пластин и отщепов. В центре землянки выявлено 4 ямки диаметром 10–15 см от столбов и одна ямка в северо-восточном углу жилища. В западной части землянки находилось три каменных кладки из речных галек, в одной из которых обнаружено скопление мельчайших отщепов из обсидиана. Найдены также ножевидные пластинки разных размеров, наконечники стрел ромбического сечения и листовидный с черешком из обсидиана, лабретка, фрагмент тесла, трапециевидное тесло и листовидный нож из глинистого сланца, плоская окрашенная охрой «галька-палетка» для растирания охры, концевые скребки из кремня, халцедона и обсидиана. Датируется слой 1052 ± 25 л.н. (МАГ–32) или $961\text{--}1024$ гг. [2, с. 73–74].

Стоянки в Доярках (Рис. 1: 12) зафиксированы Н.Н. Диковым на правом низком берегу р. Камчатки с двух сторон впадающего в реку ручья [2, с. 89–90]. Обнаружены жилища с очагами, в которых находились скопления камней, уголь и зола с рыбьими костями. Там же найдены обсидиановые отщепы, грузило, скребок из кремнистого сланца, наконечники стрел, ножи, обломки тесел, грубые ножевидные пластинки. На одной из стоянок выявлены кости собаки,

³ Исходя из ^{14}C даты, можно предположить, что культурный слой II на стоянках Ушки I и II залегал между пеплами двух извержений вулкана Шивелуч – около 1400 л.н. (Ш₃) и 950 л.н. (Ш₂).

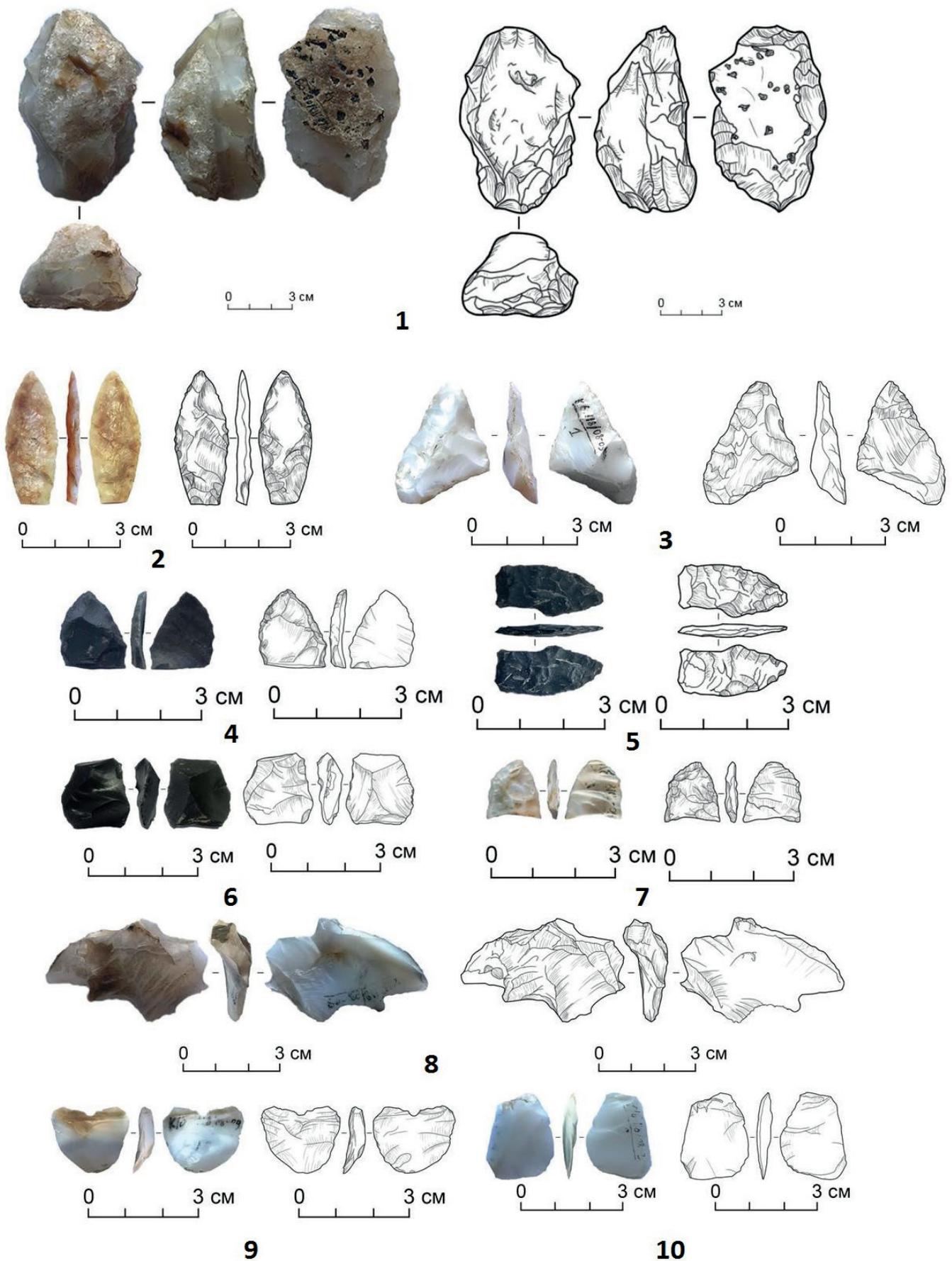

Рис. 2. Артефакты стоянки Крутоберегово (т. 118/08) из раскопок автора:

1 – нуклеус; 2 – наконечник; 3–4 – фрагменты наконечников; 5 – нож (?); 6–10 – отщепы со следами использования

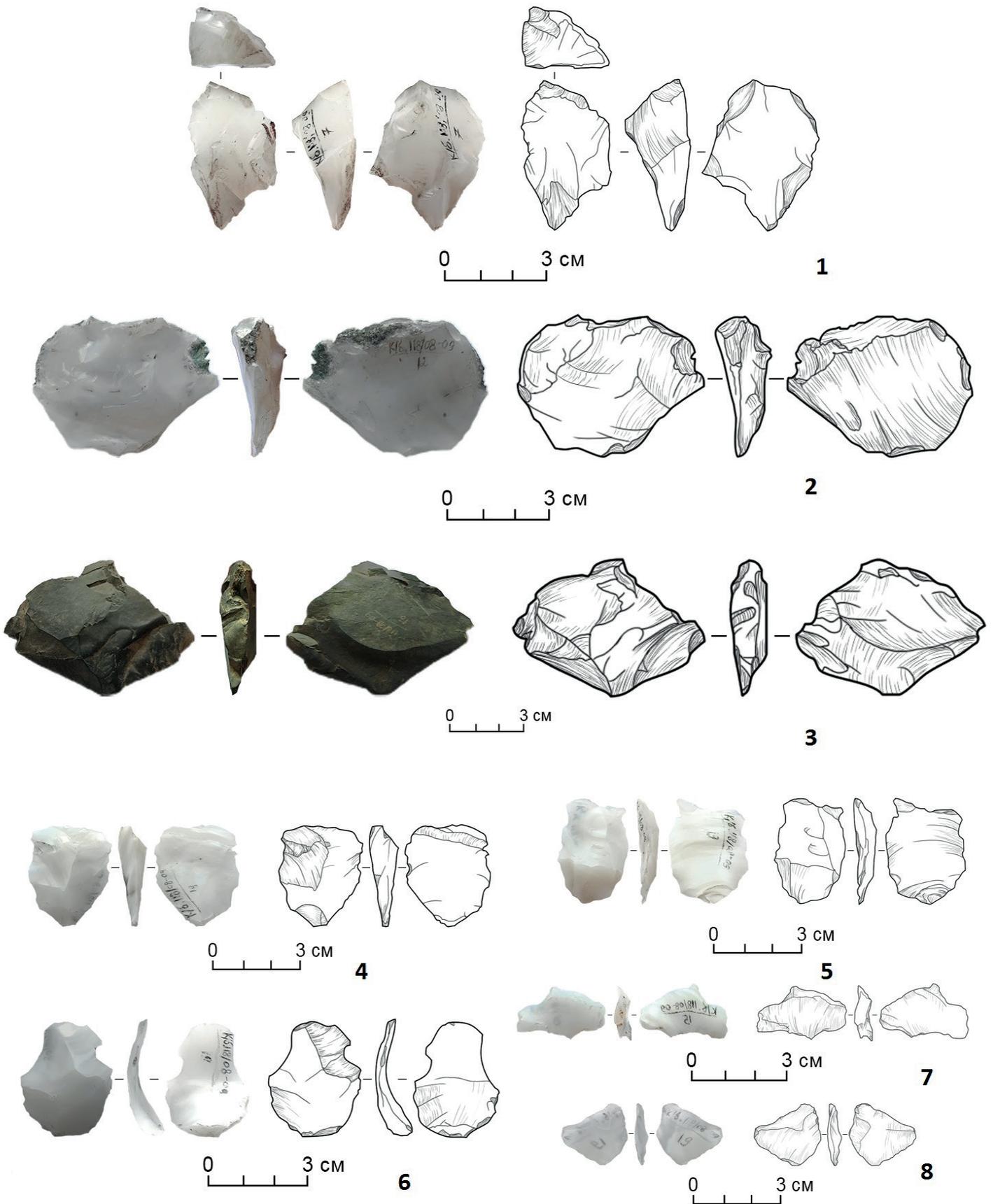

Рис. 3. Артефакты стоянки Крутоберегово (т. 118/08) из раскопок автора:
 1–5 – отщепы со следами использования; 6 – скребок на отщепе; 7, 8 – зооморфные фигурки (?)

соболя, лисицы. Датированы стоянки ^{14}C угля 1340 ± 50 (МАГ-229) или 604–778 гг., ^{14}C 1145 \pm 80 (ЛЕ-71) или 760–1021 гг., 1052 ± 70 (МАГ-36) или 856–1156 гг.

Трехслойная стоянка Жупаново (Рис. 1: 13) расположена в Елизовском районе на восточном побережье полуострова в Кроноцком заливе на мысе Памятник в бывшем селе Жупаново в 200 км от г. Петропавловска-Камчатского. Общая площадь раскопов составила 148 м^2 [12, с. 90]. Стоянка исследовалась А.К. Пономаренко и считается опорной для неолита полуострова Камчатка [14, с. 110]. Культурный слой II мощностью 60–80 см зафиксирован «в темно-бурой супеси с включениями сгнивших костей, обломков дерева, отщепов и орудий труда из камня, кости и рога» на глубине около 130 см. Датирован палеомагнитным методом 1000 ± 20 л.н. или 989–1044 гг. н.э. и по ^{14}C угля 1450 ± 70 (ИВАН-171) или 431–679 гг. и 1550 ± 100 (ИВАН-172) или 320–660 гг. [14, с. 112]. Обнаружены каменные наконечники стрел усеченно-листовидные с прямым основанием, треугольные с вогнутым и прямым основанием, листовидные, ромбовидные, черешковые с прямым и с сужающим черешком. Скребки – комбинированные со скребковым и резцовыми лезвиями, круглые, овальные и трапециевидные с одним или двумя шипами на рабочем лезвии, круглые, с право – и левосторонним скошенным выпуклым лезвием, круглые с черешком, грушевидные, овальные концевые, трапециевидные, прямоугольные. Ножи – листовидные бифасы, «горбатые», узко – и ширококлиновые с прямыми или вогнутыми сторонами черешка, черешковые с трапециевидным лезвием, строгальные ножи-унифасы. В единичных экземплярах найдены треугольный с черешком и шлифованный ножи. Проколки – с ретушированными прямыми черешками, с вогнутыми краями черешков, на отщепах. Тесла – острообушковые с треугольным, одно – и двусторонне выпуклым сечением, топор с перехватом. Также найдены аморфные нуклеусы и отщепы. Сырьем для каменных орудий служили кремь и кремнистый сланец, обсидиан, халцедон, базальт, яшма [14, с. 113]. Также в жилище найдены остатки оленьих шкур, деревянное блюдо, прикрывающее кости рыб, берестяной туесок, трубчатые кости с заостренными и заполированными концами [11, с. 53]. Выявлены тысячи костей преимущественно морских животных и птиц. Определены чернозобая гагара (*Gavia arctica L.*), берин-

гийский баклан (*Phalacrocorax pelagicus Pall.*), альбатрос (*Diomedea sp.*), буревестник (*Puffinus sp.*), тундровый лебедь (*Cygnus bewickii Varr.*), шилохвость (*Anas acuta L.*), свиязь (*Anas penelope L.*), широконоска (*Anas clypeata L.*), хохлатая чернеть (*Aythya fuligula L.*), морянка (*Clangula hyemalis L.*), обыкновенный гоголь (*Bucephala clangula L.*), длинноносый крохаль (*Mergus serrator*), чайка-бургомистр (*Larus hyperboreus Gunn.*), тихоокеанская чайка (*Larus schistisagus Stejnege*), тонкоклювая кайра (*Uria aalge Pontopp.*), толстоклювая кайра (?) (*Uria lomvia*), тихоокеанский чистик (*Cerpphus gryll L.*), камчатский каменный глухарь (*Tetrao parvirostris kamtschaticus kittlitz*), черная ворона (*Corvus corone cornis L.*) [14].

Поселение у оз. Налычева (Рис. 1: 14) изучалось Т.М. Диковой [4]. Исследовано слегка углубленное округлое в плане жилище наземного типа с входом шириной 1,2 и длиной 2 м, ориентированным на юго-восток в сторону океана. Жилище датируется ^{14}C угля 1160 ± 50 (МАГ-311) или 326–433 гг. В расположенном в центре жилища очаге-яме размером 1 x 1 м и глубиной 20 см обнаружены угли, кальцинированные кости и растрескавшиеся гальки, которые, вероятно, использовались для нагрева жидкости в деревянной посуде. Найдены скопления микроотщепов из обсидиана и камни-наковальни возле них, фрагмент жирника из мягкой породы камня, листовидные каменные ножи, округлый скребок, листовидный наконечник стрелы из цветного кремня, обломок тесла из глинистого сланца, фрагмент гематита [4, с. 114–118].

Стоянка мыс Желтый (Рис. 1: 15) расположена на 15-метровой абразионной террасе в северной части бухты Вестник (южная Камчатка). Была обнаружена во время разведочных работ А.К. Пономаренко и датирована по костям животных из раковинной кучи ^{14}C 1730 \pm 40 (ГИН-6383) или 224–412 гг. [14].

Поселение Андриановка (Рис. 1: 16) находится на северной части м. Лопатка (южная Камчатка). Обнаружено в 1973 г. Т.М. Диковой на правом берегу безымянного ручья. Слой II датирован ^{14}C угля 1860 ± 60 (МАГ-318) или 20–261 гг. и ^{14}C 1880 \pm 60 (МАГ-309) или 1–257 гг. Было исследовано наземное жилище с кольцевым, обложенным камнями очагом. Явных следов конструкции не обнаружено, на отдельных участках – немногочисленные остатки дерева и ямки от столбов. Фаунистический материал представлен обломками рогов оленя, os penis

нерпы, килевыми грудными костями птиц (гусей?) [4, с. 50–65].

В устье р. Явино (Южная Камчатка) на левом берегу безымянного ручья обнаружены разновременные местонахождения, два из которых датированы: ^{14}C 1700 ± 100 (МАГ-721) или 123–562 гг., 1050 ± 100 (МАГ-722) или 722–1211 гг. – Явино III (Рис. 1: 17) и ^{14}C 1650 ± 80 (МАГ-723) или 223–582 гг. – Явино IV (Рис. 1: 18). Здесь обнаружены шлифованные тесла, листовидные наконечники с черешком и без него из обсидиана, андезито-базальта, реже – из халцедона, скребок грушевидной формы из обсидиана, небольшой двусторонне обработанный нож со слегка обозначенной рукоятью. На местонахождении Явино V (Рис. 1: 19) из шурфа по углю получена дата ^{14}C угля 1300 ± 100 (МАГ-724) или 569–903 гг. [4].

Стоянка Плотникова II (Рис. 1: 20) расположена на левом берегу р. Плотникова в приустьевой части ручья. В слое I, датированном ^{14}C угля 1010 ± 80 или 870–1217 гг., найдены отщепы, сколы обсидиана, каменные орудия: скребок из халцедона, отбойник, отщепы с ретушью [1, с. 275–276].

Не исключено, что к позднему неолиту Камчатки могут быть отнесены стоянки Белоголовая 11, Тигиль 11, Озерная (восточная) (слой II) и др. [14, с. 124], для которых пока не получены радиоуглеродные даты и нет тефрохронологических данных.

Обсуждение результатов

Анализ радиоуглеродных дат и применение тефрохронологического метода к особенностям материальных комплексов археологических памятников Камчатки уточняют хронологические рамки эпохи позднего неолита полуострова Камчатка в пределах ^{14}C угля 1880 ± 60 (МАГ-309) – 1000 ± 20 (ИВАН-171) или I тысячелетия н.э.

В неолите Камчатки ранее выделены – начальный (~9900–8600 л.н.), ранний (~7800–4500 л.н.), средний (~4000–1500 л.н.) этапы, между которыми фиксируются временные промежутки в 500–800 лет, возможно, связанные с катастрофическими извержениями вулканов. Между средним и поздним неолитом отмечается небольшой временной промежуток, который также, возможно, был связан с извержением вулкана Ксудач (КС¹) около 1800 л.н., ставшим причиной уменьшения населения и перемещения людей на менее пострадавшие территории северных и южных побережий [19] и далее за

пределы полуострова, например, на Курильские острова или Чукотку. Расположение разновременных стоянок на одних и тех же местах свидетельствует, что эти территории оставались стабильно привлекательными для повторного заселения: как только растительность восстанавливалась, человек приходил сюда снова.

Археологические объекты исследуемого периода разнообразны по характеру и состоят из скоплений жилищных котлованов – от двух-трех до двадцати и более. Для жилищных котлованов характерны большие глубины, до 2–3 м, округлая и квадратная форма размером 10 x 15 м. Отмечается соединение больших котлованов с небольшими западинами, служившими, возможно, коридором-выходом или помещением для хранения инвентаря. Эти объекты расположены в непосредственной близости от нерестовых рек, озер, моря, океана.

Для хранения хозяйственного инвентаря, плавательных средств, запасов продовольствия и зимней одежды строились наземные балаганы «ительменского типа». Такие постройки могли использоваться и для проживания летом: расположенные на высоких настилах, они служили убежищем от внезапного нападения дикого зверя (п. Анавгай, личное наблюдение). Для проживания в холодное время года использовались утепляемые шкурами животных полуподземные жилища с очагами в центре.

Каменные орудия изготавливались здесь же на стоянках. Об этом свидетельствуют скопления заготовок и продуктов расщепления около наковален. Продолжают использоваться каменные трехгранные и пластинчатые черешковые наконечники стрел, боковые резцы, ножевидные пластины, двусторонне ретушированные вкладыши, листовидные ножи-бифасы, шлифованные тесла, скребки с выпуклым лезвием, проколки. Сырьем для их изготовления служили халцедон, кремль, обсидиан, сланец.

Преобладающими формами экономической деятельности населения являются речное и морское рыболовство, охота на морского зверя и собирательство моллюсков на побережье морей и океана. В то же время находки останков оленей (шкура, кости, рога), соболя, лисицы свидетельствуют об охоте на сухопутных животных. На побережье морей добывали нерпу, а также охотились на морских птиц, разнообразие которых подтверждается их определением на стоянке Жупаново. При охоте и рыбной ловле использовались стрелы, поворотные гарпу-

ны, сети из травы, удочки, поплавки из дерева, сачки, грузила.

Заготовление и приготовление пищи происходило, вероятно, без использования керамической посуды, изготовление которой было достаточно трудоемко в условиях постоянной сырости морского климата. Найденные в очагах жилищ растрескавшиеся гальки, берестяная и деревянная посуда, этнографические наблюдения [9] позволяют предположить приготовление пищи в эпоху позднего неолита при помощи раскаленных камней. Уникальны округлые чашевидные устланные берестой четырехслойные ямы (стоянка Ушки I), которые могли служить резервуарами для жидкости или для разогревания большого количества воды при помощи раскаленных камней [2, с. 62] или выварки рыбьего жира [6; 7]. Для освещения и обогрева жилищ использовались жирники из мягкой породы камня.

О средствах передвижения населения свидетельствуют находки фрагментов нарт, ступательных лыж, а также останки собак, что предполагает их использование в упряжке.

О мировоззрении населения можно судить по антропоморфным и зооморфным фигуркам, сосудам, макету лодки с фигурками из дерева. Эти предметы могли использоваться при исполнении особых обрядов, связанных с морским и рыбным промыслом и характерных впоследствии для носителей древнеительменской культуры [6].

Заключение

В целом, в позднем неолите Камчатки прослеживается тенденция использования населением одних и тех же мест при повторном заселении территории, а также преемственность традиций в домостроительстве, хозяйстве, верованиях, характерных для населения тарьинской культуры среднего неолита. Несмотря на экологическую катастрофу, вызванную последствиями извержения вулкана Ксудач (КС¹) около 1800 л.н., населению с высокоспециализированной комплексной присваивающей экономикой удалось сохранить свою целостность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусев С.В., Барышев И.Б., Макаров И.В. Исследования Берингийской экспедиции на Камчатке // Археологические открытия 2009 года. М., 2013. С. 275–276.
2. Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Ч. 1.

Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1977.

3. Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979.

4. Дикова Т.М. Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.: Наука, 1983.

5. Дирксен В.Г. Эволюция климата и природной среды Камчатки в голоцене по данным изучения озерных отложений // Материалы XX региональной научной конференции «Вулканизм и связанные с ним процессы» (30–31.03.2017). Петропавловск-Камчатский: ИВиС ДВО РАН, 2017. С. 34–37.

6. История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1990.

7. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. Т. 1. Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1994.

8. Крылович О.А. Динамика фауны позвоночных Командорско-Алеутской островной гряды в среднем и позднем голоцене: автореф. дис. ... канд. биол. н. М., 2013.

9. Понкратова И.Ю. Традиционная посуда древнего населения полуострова Камчатки // Словесница Искусств: культурно-просветительский журнал. 2016. № 2. С. 65–69.

10. Понкратова И.Ю. Археологические исследования на северо-восточном побережье полуострова Камчатки в 2009–2011 годах // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. СПб.: Росток, 2018. С. 229–236.

11. Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М.: Наука, 1985.

12. Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский: «Оперативная типография» ИП М.И. Романенко, 2000.

13. Пономаренко А.К. Неолит Камчатки: периодизация и основные особенности эволюции древних культур // Российский Дальний Восток в древности и Средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 268–291.

14. Пономаренко А.К. Тарьинская культура неолита Камчатки. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2014.

15. Пономарева В.В., Мелекесцев И.В., Базанова Л.И., Биндеман И.Н., Леонов В.Л., Сулержицкий Л.Д. Вулканические катастрофы на

Камчатке в среднем плейстоцене – голоцене // Экстремальные природные явления и катастрофы. Т. 1. М.: Изд-во ИФЗ РАН, 2010. С. 219–238.

16. Сметанин А.Н. Функциональная структура биоты в природных экосистемах Камчатки: автореф. дис. ... д-ра биол. н. М., 2011.

17. Шкала Блитта – Сернандера // Геологический словарь. URL: https://vsegei.ru/ru/public/sprav/geodictionary/article.php?ELEMENT_ID=93919

18. Braitseva, O.A., Ponomareva, V.V., Sulerzhitsky, L.D., Melekestsev, I.V. and Bailey, J., 1997. Holocene key-marker tephra layers in Kamchatka, Russia. *Quaternary Research*, Vol. 47, no. 2, pp. 125–139.

19. Pendea, I.F., Harmsen, H., Keeler, D., Zubrow, E.B., Korosec, G., Ruhl, E., Ponkratova, I. and Hulse, E., 2016. Prehistoric human responses to volcanic tephra fall events in the Ust-Kamchatsk region, Kamchatka Peninsula (Kamchatsky Krai, Russian Federation) during the middle to late Holocene (6000–500 cal BP). *Quaternary International*, Vol. 394, pp. 51–68.

20. Pendea, I.F., Ponomareva, V., Bourgeois, J., Zubrow, E.B., Portnyagin, M., Ponkratova, I., Harmsen, H. and Korosec, G., 2017. Late Glacial to Holocene paleoenvironmental change on the northwestern Pacific seaboard, Kamchatka Peninsula (Russia). *Quaternary Science Reviews*, Vol. 157, pp. 14–28.

21. Reimer, P.J. et al., 2009. IntCal09 and Marine09 radiocarbon age calibration curves, 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon*, Vol. 51, no. 4, pp. 1111–1150.

REFERENCES

1. Gusev, S.V., Baryshev, I.B. and Makarov, I.V., 2013. Issledovaniya Beringiiskoi ekspeditsii na Kamchatke [Bering expedition's research in Kamchatka]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 2009 goda*. Moskva, 2013, pp. 275–276. (in Russ.)

2. Dikov, N.N., 1977. *Arkheologicheskie pamyatniki Kamchatki, Chukotki i Verkhnei Kolymy*. Ch. 1. Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti [Archaeological sites of Kamchatka, Chukotka, and Upper Kolyma. Part 1. Asia at the intersection with America in ancient times]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

3. Dikov, N.N., 1979. *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii: Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti* [Ancient cultures of North-East Asia: Asia at the intersection with America in ancient times]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

4. Dikova, T.M., 1983. *Arkheologiya yuzhnoi Kamchatki v svyazi s problemoi rasseleniya ainov* [Archaeology of southern Kamchatka in connection with the problem of Ainu migrations]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

5. Dirksen, V.G., 2017. *Evolutsiya klimata i prirodnoi sredy Kamchatki v golotsene po dannym izucheniya ozernykh otlozhenii* [Evolution of the climate and environment of Kamchatka in the Holocene according to the study of lake deposits]. In: *Materialy XX regional'noi nauchnoi konferentsii «Vulkanizm i svyazannye s nim protsessy»* (30–31.03.2017). Petropavlovsk-Kamchatskii: IViS DVO RAN, 2017, pp. 34–37. (in Russ.)

6. *Istoriya i kul'tura itel'menov. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of the Itelmen. Historical and ethnographic essays]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

7. Krashennikov, S.P., 1994. *Opisanie zemli Kamchatki* [Description of the land of Kamchatka]. T. 1. Petropavlovsk-Kamchatskii: Kamshat. (in Russ.)

8. Krylovich, O.A., 2013. *Dinamika fauny pozvonochnykh Komandorsko-Aleutskoi ostrovnogo gryady v srednem i pozdnem golotsene* [Dynamics of the vertebrate fauna of the Commander and Aleutian island range in the middle and late Holocene], avtoreferat dissertatsii kandidata biologicheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

9. Ponkratova, I. Yu., 2016. *Traditsionnaya posuda drevnego naseleniya poluostrova Kamchatki* [Traditional tableware of the ancient population of the Kamchatka Peninsula], *Slovesnitsa Iskusstv*, no. 2, pp. 65–69. (in Russ.)

10. Ponkratova, I.Yu., 2018. *Arkheologicheskie issledovaniya na severo-vostochnom poberezh'e poluostrova Kamchatki v 2009–2011 gg.* [Archaeological research on the Northeastern coast of the Kamchatka Peninsula in 2009–2011]. In: *Vostok Azii: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya regiona*. Sankt-Peterburg: Rostok, 2018, pp. 229–236. (in Russ.)

11. Ponomarenko, A.K., 1985. *Drevnyaya kul'tura itel'menov Vostochnoi Kamchatki* [The ancient culture of the Itelmens of Eastern Kamchatka]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

12. Ponomarenko, A.K., 2000. *Drevnyaya kul'tura itel'menov Kamchatki* [The ancient culture of the Itelmens of Kamchatka]. Petropavlovsk-Kamchatskii: Operativnaya tipografiya. (in Russ.)

13. Ponomarenko, A.K., 2005. *Neolit Kamchatki: periodizatsiya i osnovnye osobennosti evolyutsii*

drevnikh kul'tur [Neolithic of Kamchatka: periodization and the main features of the ancient cultures evolution]. In: Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e. Otkrytiya, problemy, gipotezy. Vladivostok: Dal'nauka, 2005, pp. 268–291. (in Russ.)

14. Ponomarenko, A.K., 2014. Tar'inskaya kul'tura neolita Kamchatki [Tarya Neolithic culture of Kamchatka]. Vladivostok: Dal'nevost. federal'nyi un-t. (in Russ.)

15. Ponomareva, V.V., Melekestsev, I.V., Bazanova, L.I., Bindeman, I.N., Leonov, V.L. and Sulerzhitskiy, L.D., 2010. Vulkanicheskie katastrofy na Kamchatke v srednem pleistotsenogolotsene [Volcanic disasters in Kamchatka in the middle Pleistocene-Holocene]. In: Ekstremal'nye prirodnye yavleniya i katastrofy. T. 1. Moskva: Izd-vo IFZ RAN, 2010, pp. 219–238. (in Russ.)

16. Smetanin, A.N., 2011. Funktsional'naya struktura bioty v prirodnykh ekosistemakh Kamchatki [Functional structure of biota in natural ecosystems of Kamchatka], avtoreferat dissertatsii doktora biologicheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

17. Shkala Blitta – Sernandera [Blytt–Sernander system]. URL: <https://vsegei.ru/ru/public/sprav/>

geodictionary/article.php?ELEMENT_ID=93919 (in Russ.)

18. Braitseva, O.A., Ponomareva, V.V., Sulerzhitskiy, L.D., Melekestsev, I.V. and Bailey, J., 1997. Holocene key-marker tephra layers in Kamchatka, Russia. Quaternary Research, Vol. 47, no. 2, pp. 125–139.

19. Pendea, I.F., Harmsen, H., Keeler, D., Zubrow, E.B., Korosec, G., Ruhl, E., Ponkratova, I. and Hulse, E., 2016. Prehistoric human responses to volcanic tephra fall events in the Ust-Kamchatsk region, Kamchatka Peninsula (Kamchatsky Krai, Russian Federation) during the middle to late Holocene (6000–500 cal BP). Quaternary International, Vol. 394, pp. 51–68.

20. Pendea, I.F., Ponomareva, V., Bourgeois, J., Zubrow, E.B., Portnyagin, M., Ponkratova, I., Harmsen, H. and Korosec, G., 2017. Late Glacial to Holocene paleoenvironmental change on the northwestern Pacific seaboard, Kamchatka Peninsula (Russia). Quaternary Science Reviews, Vol. 157, pp. 14–28.

21. Reimer, P.J. et al., 2009. IntCal09 and Marine09 radiocarbon age calibration curves, 0–50,000 years cal BP. Radiocarbon, Vol. 51, no. 4, pp. 1111–1150.

Х. Бёттхер*

МАЛИНА И МЕДВЕДИ. О РАЦИОНЕ ИОГАННА КЕГЕЛЯ
ВО ВРЕМЯ ЕГО ПУТЕШЕСТВИЙ ПО КАМЧАТКЕ (1841–1847 гг.)

Во время путешествия по полуострову Камчатка в начале XIX в. немецкий агроном Иоганн Карл Эренфрид Кегель (1784–1863) столкнулся с большими трудностями, одной из которых было обеспечение достаточного количества продовольствия. В данной статье на основе анализа путевых записок Кегеля рассматривается вопрос о том, как агроном добывал основные продукты питания и какие ресурсы при этом использовал. Исследование показывает, что, в зависимости от обстоятельств, Кегель либо покупал продовольствие у местных общин, либо полагался на товары, импортируемые торговыми судами, либо собирал дикие ягоды и охотился.

Ключевые слова: Иоганн Кегель, питание, Камчатка, Сибирь, экспедиция, инфраструктура

Berries and bears. On Johann Karl Ehrenfried Kegel's food supplies during his voyages in Kamchatka, 1841–1847. HENDRIK BÖTTCHER (University of Bonn)

Journeys through the Kamchatka peninsula in the early XIXth century presented the German agronomist Johann Karl Ehrenfried Kegel (1784–1863) with great challenges. Among the most crucial was the securing of sufficient food supplies. Based on Kegel's travel journals, this article examines how he organized his provisions and which resources and infrastructure he made use of. It concludes that, depending on the circumstances, Kegel either drew on local communities' stocks, relied on goods imported by merchant ships, or gathered and hunted himself.

Keywords: Johann Kegel, provisions, food, Kamchatka, Siberia, expedition, infrastructure

Введение

В 1841–1847 гг.¹ немецкий агроном Иоганн Карл Эренфрид Кегель (1784–1863) совершил поездку на восток Российской империи. Целью его путешествия было исследование природы

полуострова Камчатка. Отдаленность населенных пунктов, перебои с поставкой продуктов и холодный климат побережья Тихого океана существенно усложнили задачу Кегеля. Важным фактором успеха стала предприимчивость ученого, добывавшего пропитание в трудных природных условиях, и помощь местного населения, часто снабжавшего его продуктами. Данная статья имеет своей целью проанализировать

¹ Даты в данной статье следуют григорианскому календарю. Сноски и ссылки, приводимые в конце абзаца, относятся ко всему абзацу и, если не указано иное, к цитатам, использованным в нем.

* БЁТТХЕР Хендрик, младший научный сотрудник кафедры конституционной, социальной и экономической истории Университета Бонна (Германия).

E-mail: hboettch@uni-bonn.de

© Бёттхер Х., 2021

зировать рацион Иоганна Кегеля во время его путешествия по Камчатке. При этом основное внимание будет уделено не только составу его рациона, но и тому, как Кегель взаимодействовал с жителями полуострова для приобретения продовольствия.

Данное исследование базируется на отчете, составленном Кегелем о своей поездке, и двух дневниках, которые ученый вел, будучи на Камчатке. Эти дневники, среди прочего, описывают пребывание Кегеля в Мильково (1844–1845 гг.) и Петропавловске (1846 г.). Кегель, вероятно, написал свой отчет после возвращения в Одессу (1847 г.) на основе дневниковых записей. Этот отчет можно считать одним из самых подробных описаний полуострова Камчатка XIX в., однако до сих пор он редко служил основой для научных исследований. Будучи по профессии агрономом, Кегель был экспертом в вопросах питания, поэтому в своих трудах он сообщал необычайно подробную информацию о традиционной еде жителей Камчатки и о своем рационе. Наблюдения Кегеля позволяют по-новому взглянуть не только на инфраструктуру путешествий XIX в., но и на личность самого агронома, а также на экономические структуры Камчатки в исследуемый период. Отчет о поездке и дневниковые записи были впервые опубликованы в сборнике 2011 г. [13], что сделало возможным доступ к ним широкого круга читателей². Количество второстепенных источников, посвященных личности Иоганна Кегеля и в целом режиму питания исследователей во время поездок в отдаленные районы в начале XIX в., ограничено³.

На Дальнем Востоке России

О жизни Кегеля известно немного. Он родился 3 октября 1784 г. во Фрисдорфе в Германии и сначала учился в Хальберштадте, затем в

² Отчет о поездке, без дневников, был опубликован ранее, в 1992 г. Вернером Ф. Гюльденом под тем же названием.

³ Урсула Тимер-Заксе, например, исследовала питание немецкого географа Александра фон Гумбольдта (1769–1859) во время его поездки в Америку [29]. Вопросы логистики и рациона путешественников в научных исследованиях обычно упоминаются лишь вскользь; в контексте Камчатки, см., напр.: [28, р. 157–158]. О личности Кегеля, см. публикации Вернера Ф. Гюльдена и Эриха Кастена, данные в: [9, р. 11–14; 29, р. 77–83]. Доступ автора статьи к существующей русскоязычной литературе по исследуемой теме был ограничен.

коммерческом колледже в Копенгагене (Дания). Будучи купцом, Кегель много путешествовал и в 1826 или 1827 гг. приехал в Россию. Поводом для этой поездки стал дядя его жены, Мельхор Адам фон Мерц, служивший тогда при Государственном Совете Российской империи. Кегель жил сначала в Петербурге, затем в Саратове и Одессе. В ноябре 1840 г. Сибирский комитет принял решение послать эксперта для исследования полуострова Камчатка. Этот эксперт должен был в течение двух лет изучить возможности развития производства продуктов питания на полуострове и поддержать местное население в расширении сельского хозяйства. В первой половине XIX в. снабжение продуктами питания имело большое социальное значение: массовый голод был обычным явлением и нарушал не только экономическое развитие, но и политическую стабильность целых регионов. Более того, Камчатка была стратегически важна для российского правительства при Николае I. В долгосрочной перспективе полуостров должен был превратиться в оборонительный бастион России на востоке. Прогресс в этом направлении задерживался из-за того, что дальневосточные провинции были экономически неразвиты и зависели от дорогостоящих поставок продовольствия из других регионов. Решение этой проблемы, как считали эксперты того времени, могло быть достигнуто посредством укрепления местного сельского хозяйства⁴. Поэтому комитет поручил Иоганну Кегелю провести запланированное исследование, и весной 1841 г. он был отправлен в Сибирь [12, р. 207]⁵.

Камчатка к 1841 г. отнюдь не была неизведанной. С начала XVIII в. регион регулярно посещали корабли русских тихоокеанских экспедиций; позже кругосветные путешествия привели на полуостров таких исследователей, как Адельберт фон Хамиссо (1781–1838), Фёдор (Фридрих) Плениснер (ок. 1711 – ок. 1779)⁶ и Фридрих Генрих Фрейхер фон Киттлици (1799–

⁴ В особенности сторонником идеи экономической автономии России был тогдашний министр финансов Егор Францевич Канкрин (1774–1845). Ожидаемое уменьшение трат государственной казны на поддержание региона было дополнительным стимулом для развития Камчатки. О Канкрине см., напр.: [31, р. 187–192].

⁵ См.: [12, р. 207; 9, р. 11, 13; 26, р. 456; 25, р. 52, 55].

⁶ Подробнее о нем см.: [2].

1874). На протяжении XIX в. все большее значение приобретало интенсивное освоение уже заселенных территорий, и путешественники все чаще пользовались разрастающейся инфраструктурой полуострова⁷.

В мае 1841 г. Кегель выехал из Петербурга на Урал; во время путешествия на Дальний Восток Кегеля сопровождали сменяющиеся попутчики. Чем больше он отдалялся от центра Российской империи, тем чаще его компаньонами становились местные проводники, помогавшие ему продвигаться по слаборазвитым маршрутам. В дальнейшем, уже на полуострове Камчатка, этот вид путешествий стал для Кегеля стандартным способом передвижения. Несмотря на дальнее расстояние, которое агроному требовалось преодолеть, он взял с собой большое количество продуктов, посуду и даже самовар [13, р. 32].

После тяжелого путешествия через Тобольск, Якутск и Охотск, а также кораблекрушения у западного побережья Камчатки, Кегель в декабре 1841 г. прибыл в Петропавловск. Здесь он перезимовал и следующим летом посетил центр и побережье полуострова. В 1842–1843 гг. Кегель исследовал север и запад Камчатки. В 1844 г. по просьбе администрации он попытался создать в деревне Мильково модельную ферму. Летом 1844 г. он отправился на крайний юг полуострова и, после повторного пребывания в Петропавловске, начал свой путь обратно в Европу в 1847 г. [13].

На Камчатке Кегелю пришлось адаптировать свой способ передвижения к особенностям местной инфраструктуры. В частности, значительно уменьшился объем его багажа. Большая часть исследований могла проводиться только в теплое время года, так как агроном стремился увидеть собственными глазами цветение местной флоры и процесс сельскохозяйственных работ; этот факт серьезно ограничивал свободу

⁷ Среди наиболее крупных экспедиций стоит упомянуть, напр., первую и вторую Камчатские экспедиции (1728–1730 и 1733–1743 гг.), академическую экспедицию Петра Симона Палласа (1768–1774 гг.) и экспедиции Биллингса-Сарычева (1785–1795 гг.). См.: [3, р. 116–142; 30, р. 80–85]. Существуют также многочисленные упоминания о Камчатке, произведенные в этот период, в том числе Георгом Вильгельмом Стеллером, Отто фон Коцебу и Адельбертом фон Хамиссо. Выдержки из отчетов о поездках на Камчатку можно найти, напр., в: [15]; об исследовательских поездках см.: [2, с. 50; 24, р. 19–21]. В качестве примера освоения уже известных областей Сибири см. также информацию об экспедиции Александра фон Гумбольдта (1769–1859) в 1829 г. [9].

передвижений Кегеля по Камчатке. Зимой земля была промерзшей, и по ней легко было проехать на собачьих упряжках, но с началом лета полуостров превращался в кишасшие комарами болота. Таяние снега в горах регулярно вызывало наводнения, которые часто делали дороги непроходимыми на несколько дней. Однако исследователь имел право полагаться на поддержку местного населения во время путешествий и часто пользовался им.

Зимой он передвигался на собачьих упряжках, летом – на лодке и лошадях. В отличие от путешествий по Западной Сибири, на Камчатке Кегель обычно не арендовал лошадей, а покупал и продавал их. Жители мест, которые Кегель посещал, сопровождали его на некоторых участках пути и служили ему проводниками. Кегель зависел от этих путеводителей, но оценивал их критически. Многочисленные служебные обязанности так обременяли людей, что они с трудом могли позаботиться о самих себе⁸.

Кегель часто оплачивал расходы из своей зарплаты, поскольку гарантированные дорожные деньги удерживались в течение длительного времени. В дороге он обычно ночевал в палатках или останавливался в деревнях. В некоторых населенных пунктах он проверял посевы, консультировал фермеров и пытался помочь в решении сельскохозяйственных проблем. Выводы о развитии сельского хозяйства на полуострове, к которым он пришел в конце поездки, были неутешительны: по мнению Кегеля, вместо того, чтобы обрабатывать поля, жители предпочитали охотиться на соболя и напиваться на вырученные от охоты деньги [13, р. 92–93, 121, 167–168].

Администрация Камчатки не только мало поддерживала агронома, но, как описывает это сам Кегель, пыталась максимально затруднить его работу. Причиной такого отношения к ученому стал конфликт, существовавший между реформистским российским правительством и административными структурами в провинции. Особенно в отдаленных районах царской империи, в начале XIX в. – как это было и в XVIII в. – администрация была полна коррумпированными или некомпетентными чиновниками, которые прежде всего занимались собственным обогащением в течение срока своих

⁸ Схожее наблюдение сделал и Фридрих Генрих фон Киттлиц, исследовавший как орнитолог внутренние районы Камчатки в 1828 г. [28, р. 151–155]. О служебных обязанностях см., напр.: [13, р. 105–106].

полномочий и отвергали любые изменения. Правительство пыталось противостоять этому путем частых ревизий и контроля [11, р. 775–776; 10, р. 100–114; 13, р. 199–202].

Кегель отказывался покрывать упущения тогдашнего начальника Камчатки, Николая Василевича Страннолюбского (1802–1846)⁹, и поэтому в глазах местной администрацией был очередным малоприятным ревизором. Решения администрации не раз создавали опасные для жизни ученого ситуации. Кегель, в свою очередь, не пожалел критики в адрес Страннолюбского и в своих записях отметил, что место этого «подлеца» («Schuft») ¹⁰ было не в администрации, а в шахте [13, р. 339; 3, р. 13].

Гость на Камчатке

Во время путешествий по Камчатке Кегелю приходилось регулярно приспосабливать свой рацион питания к сложившимся обстоятельствам. Далее мы рассмотрим три основных источника продовольствия, на которые агроном полагался во время своего путешествия.

Помощь местного населения не ограничивалась только транспортными услугами. Часто Кегель ночевал в деревнях, которые он посещал во время путешествий. Хозяева домов, в которых он останавливался, были в основном главами поселений или богатыми фермерами и купцами. Его часто угощали традиционной местной едой; Кегель всегда с интересом изучал особенности традиционной кухни и описывал в своем дневнике важные для отдельного поселения продукты. Блюда различались в зависимости от географического расположения поселений и этнических групп, проживавших в них. Кегель был чаще всего гостем в русских, камчадалских¹¹ и корякских¹² селениях. Там

ему предлагали мясные и молочные блюда, рыбу, овощи, а также алкогольные напитки. За помощь и предложенную еду он обычно отвечал подарками; часто это были чай, сахар и другие труднодоступные продукты¹³.

Мясо и молочные продукты в деревнях не всегда были в достатке из-за небольшого поголовья скота на Камчатке. Основным препятствием для содержания крупного рогатого скота, а также свиней и кур, было бесчисленное количество собак в поселениях. Собаки были незаменимы для передвижения зимой на санях, но в то же время представляли опасность для молодняка сельскохозяйственных животных. Зимой 1842/1843 г. Кегель обнаружил, что собаки были «очень опасны даже для маленьких детей, двоих из которых [псы] разорвали и съели в Петропавловске» («Denn sie zerreißen und verzehren alles und sind selbst für kleine Kinder sehr gefährlich, wovon sie in Peterpaulshafen zwei zerrissen und verzehrt haben») [13, р. 86–89, 166].

Даже в таких крупных селениях, как Петропавловск, Кегель испытывал сложности в покупке продуктов. Непосредственно в этом городе упомянутый ранее капитан Страннолюбский получил право преимущественной покупки мяса, доставляемого в Петропавловск, и поэтому контролировал местную торговлю. Из-за плохих отношений с администрацией исследователь был ограничен в снабжении [13, р. 166].

Однако Кегель любил есть мясо и надеялся, что этот продукт, помимо прочего, улучшит его слабое здоровье. Поэтому он не упускал возможности приобрести мясо оленей, стада которых обычно паслись вдали от деревень. В частности, у коряков, живущих преимущественно в горах, были стада северных оленей; но даже у них Кегелю не всегда удавалось разнообразить свой рацион мясом: «Коряки готовят с кровью все съедобное желудка [оленья], и считают такую пищу вкусной и полезной. Нужен хороший аппетит [чтобы есть такое]» («Die Korjaken kochen aber den ganzen Inhalt des Magens mit dem Blut und finden das Essen daraus gut und gesund; freilich ein eigener Appetit gehört schon dazu») [13, р. 146]¹⁴.

⁹ Николай Васильевич Страннолюбский, капитан 1 ранга, командовал морской администрацией в г. Петропавловск. В своих отчетах Кегель обычно называет его только «шефом» («Chef»). Во время пребывания Кегеля на Камчатке Страннолюбский был заменен в должности. В 1850 г. на Камчатке был назначен отдельный губернатор [12, р. 208; 9, р. 11].

¹⁰ Здесь и далее перевод с немецкого автора статьи.

¹¹ К «камчадалам» Кегель относит как ительменов, так и смешанное население, образовавшееся в результате браков между ительменами и русскими, см.: [13, р. 94, 183]. В данной статье мы придерживаемся этого определения.

¹² Под «коряками» здесь понимается коренной народ, проживающий на севере полуострова и ведущий частично кочевой образ жизни. См., напр.: [3, р. 87–88].

¹³ Особенно славились своим гостеприимством камчадалы. Более критично Кегель относился к русским деревням, в которых часто селились ссыльные преступники. См., напр.: [13, р. 103, 130, 174]. О ссыльных на Камчатке см.: [6, р. 168–169, 184]; о гостеприимстве камчадалов см. отчеты Крузенштерна и Киттлица в: [18, р. 104; 28, р. 157].

¹⁴ См. также: [13, р. 81].

Отсутствие домашнего скота и птицы также сказывалось на доступности молочных продуктов и яиц. В частности, большой редкостью было сливочное масло, и Кегель чрезвычайно сожалел об этом. В своей заметке о селе Авача под Петропавловском он отметил: «Свежее масло, сыр и яйца полностью отсутствуют. Из-за нехватки скота в этом районе, как и на всей Камчатке, эту продукцию невозможно поставлять из [близлежащих селений]. Масло поставляется из Якутска, и небольшое количество яиц привозят с островов» («Frische Butter, Käse, Eier fehlen gänzlich. Wegen des Mangels an Vieh in der Nähe – wie überhaupt in ganz Kamtschatka – können diese Produkte nicht aus dem Land geliefert werden. Die Butter wird aus Jakutsk und die wenigen Eier werden von den Inseln des Meeres geholt») [13, p. 286]¹⁵. Поэтому он очень радовался, когда ему предлагали масло. О своем пребывании у жителей села Ключевское он писал, среди прочего: «В приготовлении молочных продуктов они настоящие мастера и, я бы сказал, превосходят в этом швейцарцев» («In der Bereitung der Milchspeisen sind sie wahre Meister und übertreffen, so möchte ich sagen und behaupten, die Schweizer») [13, p. 130]¹⁶.

Вместо мяса Кегель чаще всего ел рыбу. В многочисленных заметках он отмечает богатство полуострова различными видами рыб – от речных сортов, таких как форель и хариус, до лосося, который регулярно мигрирует из моря во внутренние воды. Рыба была основным видом пищи и для большинства жителей Камчатки. Летом ее вылавливали в больших количествах, в основном путем строительства заграждений на реках; затем улов сушили на зиму. Сушка происходила в темных и сухих помещениях, где рыбу вешали на длительное время. Если не было ветра, то запах рыбы мог быть нестерпимым. Так Кегель описывает свое пребывание в Караке на северо-востоке Камчатки в августе 1843 г.: «Привыкаешь к обычному, не совсем приятному, рыбному запаху. Но когда рыба гниет на жаре без ветра, вонь становится невыносимой. [...] Поразительно, но [местные] не страдают от мух, хотя их миллиарды, и рыба, которая сушится, полностью ими покрыта» («An den üblichen, nicht gerade angenehmen Fischgeruch gewöhnt man sich. Wenn aber die Fische bei Hitze

ohne Wind in Fäulnis übergehen, ist der Gestank unerträglich. [...] Auffallenderweise wird man von Fliegen nicht geplagt, obwohl es Milliarden davon gibt und die aufgehängenen Fische davon ganz bedeckt sind») [13, p. 197–198]¹⁷.

Выбор способа приготовления рыбы не в последнюю очередь зависел от ее размера. Мелкую рыбу Кегель ел в основном в супах, приготовленных с щавелем или луком. Более крупную рыбу, такую как форель, жарили или варили, и ее часто ели с маринованными огурцами или молочными продуктами, такими как сыр и сливки. От регулярного употребления жирной рыбы у Кегеля развилось множество проблем со здоровьем. Помимо запора, он часто страдал от язв, которые не позволяли ему «сидеть или ездить верхом в течение недели» («Es traten Geschwüre auf, die mir über eine Woche weder Sitzen noch Reiten erlaubten») – трудности, с которыми, по мнению Кегеля, сталкивается почти каждый чужеземец [13, p. 151]. Тот факт, что Кегель, несмотря на проблемы со здоровьем, по-прежнему регулярно ел рыбу в своих путешествиях, в основном объясняется отсутствием других продуктов [13, p. 105, 111, 114, 121, 129, 180–182].

По мнению Кегеля, питаться овощами было гораздо полезнее, чем рыбой, однако земледелие на Камчатке не всегда было плодотворным занятием из-за прохладного климата. Намного проще было собирать плоды дикорастущих растений. Кегель сообщает, среди прочего, о тушеных корнях калужницы и других болотных растений, но прежде всего – о различных лилиях, таких как рябчик камчатский (*Fritillaria camtschatcensis*). Камчадалы, в частности, собирали луковицы лилий или брали их из зимних запасов мышей. По словам Эриха Кастена, эта практика на Камчатке наблюдается и сегодня. Кегель ел дикие овощи как в супах, так и в качестве гарнира [13, p. 105, 114–115, 153–154; 12, p. 217]¹⁸.

Но даже несмотря на тяжелые условия для земледелия, исследователь периодически получал овощи с огородов русских и камчадалов. Наиболее распространенными продуктами были картофель, корнеплоды, горох, фасоль, огурцы и капуста. Особенно ценной была ква-

¹⁵ В начале XIX в. транспортировка сливочного масла на большие расстояния была обычным делом, см.: [25, p. 57].

¹⁶ См. также: [13, p. 78–79, 230].

¹⁷ См. также: [13, p. 115, 121]. Джеймс Р. Гибсон и Эрих Кастен равным образом подчеркивают важность рыбы в рационе жителей Камчатки [7, p. 49; 12, p. 217].

¹⁸ О луковицах см., в частности: [13, p. 207–208].

шенная капуста, которая помогала предотвратить симптомы дефицита витаминов зимой. Во время пребывания в Мильково Кегель смог значительно расширить доступный ему ассортимент овощей. Благодаря маленькому саду он наслаждался «обилием не только картофеля, но и красивой цветной капусты, савойской капусты, кудрявой капусты, кольраби, брюквы, корнеплодов, редьки, моркови, огурцов, дыни, артишоков, гороха и табака, а также прекрасного ячменя» («nicht allein einen Überfluss an schönstem Kohl und Kartoffeln in dem kleinen Hausgarten, sondern auch schönen Blumenkohl, Savoyer – und Braunkohl, Kohlrabi, Kohlrüben, Rüben, Rettiche, Möhren, Gurken, Melonen, Artischocken, Erbsen und Tabak, auch schöne Gerste») [13, p. 248]¹⁹.

Помимо рыбы, мяса и овощей, хозяева домов, где останавливался Кегель, часто предлагали ему различные алкогольные напитки, которые были широко распространены как на Камчатке, так и во всей Сибири. Алкоголь либо покупали у торговцев, либо производили сами. Кегель сообщает, среди прочего, о водке на основе очищенного и сушеного борщевика, а также о вине из рейнского региона, мадере, портьейне, шампанском, женевере и роме, которые попадали на Камчатку через морскую торговлю [13, p. 111–112, 163–164, 249–250]²⁰.

Во время своих путешествий по полуострову Кегель регулярно сталкивался с повсеместным употреблением алкоголя и его последствиями. Поэтому он решительно отказался от рома, мадеры и женевера. Тем не менее, в записях Кегеля есть указания на то, что даже он употреблял и возил с собой алкогольные напитки. В январе 1846 г. он отметил в своем дневнике, что вино в бутылке замерзло от холода. В другой раз он пожаловался на кражу, совершенную его попутчиком. Кегель писал, что этот попутчик якобы нашел немногочисленные спиртные напитки, предназначенные на всю поездку, открыл и опустошил часть из них, а часть раздал местным камчадалам, некоторые из которых тоже были пьяны («Er hatte meinen wenigen für die ganze Reise bestimmten Branntwein geöffnet und beinahe

gänzlich geleert, da er auch den Kamtschadalen, die ebenfalls zum Teil betrunken waren, ausgeteilt hatte») [13, p. 190]²¹.

Личные запасы Кегеля

Часть провианта Кегель возил с собой. Сюда входили продукты питания, которые, по его мнению, способствовали поддержанию сбалансированной диеты, но которые невозможно было найти в отдаленных регионах, или же они были доступны только по очень высокой цене. На Камчатке такого рода продуктами были базовые припасы: рис, мука и крупы, а также чай и сахар. Этот дополнительный паек был нужен не только в тех деревнях, где питались в основном рыбой, но и при пересечении безлюдных территорий; в последнем случае требовалось особенно много еды, так как поездка могла неожиданно затянуться²².

Кегель обычно брал с собой рис, крупу, муку, сухари и соль. Муку он транспортировал в легких кожаных мешках. Сухари заменяли быстро портящийся хлеб, на отсутствие которого Кегель регулярно жаловался. Крупа также имела долгий срок хранения и была легка в приготовлении. Количество перевозимых продуктов обычно превышало собственное нужды Кегеля, ибо ему часто приходилось кормить и своих попутчиков-проводников. Люди, у которых он гостил, также часто ожидали, что он поделится с ними своими припасами. Поэтому во время длительного пребывания в Апаче осенью 1845 г. он «очень хотел уехать, тем более что заканчивались мука, чай, сахар и рис» («sehnlichst abzureisen, umso mehr, da mein Mehl, Tee, Zucker und Reis zu Ende gingen») [13, p. 284]²³.

Транспортировать эти продукты питания не всегда было легко. Кегель писал о своей поездке на север полуострова: «Во время сильного шторма дождь проникал во все; сахар таял, а крупа и рис разбухали» («Der Regen durchdrang bei dem heftigen Sturm alles, ließ selbst den Zucker schmelzen und Grütze, Reis und Mehl quellen») [13, p. 194]. Но иметь при себе припасы было необходимо. В своем отчете о поездке

¹⁹ См. также: [13, p. 108, 117, 157, 371; 7, p. 49].

²⁰ Цена на спиртные напитки упала в начале XIX в. в результате технологических достижений в производстве: картофель, зерно и, в частности, отходы сахарных заводов можно было дешево перерабатывать, а полученное спиртное отправлять на экспорт. См.: [21, p. 172–173; 19, p. 165].

²¹ Об отношении Кегеля к алкоголю см.: [13, p. 121, 366, 382, 394].

²² Кегелю часто приходилось сталкиваться с такого рода ситуациями; например, он заблудился в болотах в конце лета 1842 г. [13, p. 152]. См. также: [13, p. 121, 169, 194, 214].

²³ См. также: [13, p. 80, 95, 186, 245, 257–258, 324, 327; 7, p. 50].

на южный конец полуострова он подчеркивает их важность: без дополнительной еды невозможна никакая поездка, «иначе точно умрешь с голоду» («man würde andernfalls verhungern») [13, p. 257].

Как Кегель добывал эти припасы, которые он брал с собой в дорогу? Из-за неразвитости местного сельского хозяйства Камчатка зависела от обширного импорта, особенно от поставок зерна, чая, сахара, табака и масла. Значительная часть необходимых товаров сначала вывозилась из глубин Сибири в Охотск, где их погружали на корабли вместе с добываемой с побережья солью. Затем в августе или сентябре корабли обычно отправлялись на Камчатку, заходили в несколько портов и оставались зимовать на полуострове. В июне следующего года они уходили, нагруженные мехами. Однако путь от Якутска до Охотска был плохо развит, расположение порта было неудобным, а имеющиеся корабли и моряки лишь частично подходили для регулярных рейсов. Нередки были случаи, когда суда сбивались с курса или не доходили до Камчатки по каким-либо другим причинам. Таким образом, Кегель мог удовлетворять только часть своих потребностей за счет импорта из Охотска²⁴.

Другой вариант поставки продовольствия, который до сих пор мало учитывался в исследованиях, возник благодаря многочисленным иностранным судам, которые регулярно заходили в Петропавловск. Согласно описанию Кегеля, это были рыбаки, охотники на тюленей и китов из Германии, Франции, Скандинавии и Америки. В добавок к этому приходили также торговые суда из разных стран. О торговле в Петропавловске Кегель сообщает следующее: «Ежегодно из Америки приходят от одного до трех судов с товарами. Торгуют в основном промышленными изделиями всех видов, вином, мукой, соленым мясом, ветчиной, сухими и консервированными фруктами, английскими и американскими соусами, соленьями, солью, английской глиняной посудой, китайским фарфором, стеклом и изделиями из него, сталью и металлическими изделиями, оружием, порохом и т.п. Взамен они получают деньги или инструкции в Петербург, свежего и малосоль-

ного лосося, а также дрова» («Von Amerika kommen alle Jahre ein bis drei Schiffe mit Waren. Ihr Absatz besteht aus Manufakturwaren aller Art, Wein, Mehl, Salzfleisch, Schinken, trockenen und eingemachten Früchten, englischen und amerikanischen Saucen, Pickles, Salz, englischem Steingut, chinesischem Porzellan, Glas und Glaswaren, Stahl – und Eisenwaren, Gewehre, Pulver und dergleichen mehr. Dafür empfangen sie Geld oder Anweisungen auf Petersburg, frische und gesalzene Lachsarten sowie Brennholz») [13, p. 167].

Рост американской торговли в северной части Тихого океана был неприятностью для российского правительства. Но для Кегеля это было удачей: он получал с этих кораблей значительную часть своей основной еды и других припасов и хвалил, в частности, американскую муку. Однако большинство моряков добиралось до Петропавловска только к началу лета, когда исследователь часто уже покидал город, чтобы воспользоваться остатками снега для путешествий. Поэтому ему приходилось регулярно пользоваться запасами государственных складов или частных петропавловских торговцев, которые закупали свои припасы летом на кораблях и продавали их зимой по значительно более высоким ценам [13, p. 163–164, 354, 376, 393, 395, 403–404, 407]²⁵.

Помимо основных продуктов питания Кегель также брал с собой в путешествия большое количество чая. Его важность ярко проявляется во многих ситуациях, в которых оказывался Кегель во время путешествий. Когда корабль Кегеля по прибытии на Камчатку сел на мель на рифе и грозил затонуть, исследователь сначала послал «на камбуз за горячей водой для чая слугу с самоваром, потому что все промокли и хотели выпить чего-нибудь теплого» («So schickten wir einen Diener mit dem Samowar zur Kombüse, um heißes Wasser für Tee zu besorgen, denn alle waren durchnässt und sehnten sich, etwas Warmes zu trinken») [13, p. 78]. Кегель, будучи в пути, пил чай в любое время дня, но чаще всего вечером. Как и во всей России, чай пользовался большой популярностью у жителей Камчатки. Они потребляли его в значительных количествах, не в последнюю очередь из-за особого способа заваривания. Кегель писал: «Людам очень нравится крепкий [чай], темно-коричневого цвета,

²⁴ Кегель тоже достиг Камчатки, следуя этому маршруту, но потерпел кораблекрушение. Джеймс Р. Гибсон подробно описывает снабжение Камчатки из Якутска и Охотска [7, p. 47, 56–59, 102, 104, 128–129].

²⁵ О конфликте, возникшем вокруг американской торговли в регионе, см.: [30, p. 115–116].

как темное пиво» («Man liebt ihn sehr stark in einer Farbe wie braunes Bier») [13, p. 173]²⁶.

Привезенный чай служил не только предметом роскоши, но и средством обмена. Кегель иногда упоминал чай в одном ряду с деньгами, а также признавал его важность в качестве подарка для местных. Во время путешествий он пришел к выводу, что чай и сахар нужно брать с собой «в больших количествах, потому что камчадалы и русские их очень любят и ими угощают всех, кто приходит к ним в гости. [Существенные запасы чая и сахара] это единственный способ сохранить работоспособность, лояльность и послушность [местных]» («Tee und Zucker muss in großen Quantitäten mitgenommen werden, weil die Kamtschadalen und Russen diese außerordentlich lieben und alle, die hinzukommen, damit bewirtet werden. Nur dadurch erhält man sie dienstfreudig, treu und folgsam») [13, p. 169]²⁷.

Кегель различал два сорта чая. Первый, т.н. «кирпичный», делался из прессованных чайных листьев; полученные блоки было легко транспортировать. Этот «кирпичный» чай был очень распространен в Сибири, но часто имел лишь удовлетворительное качество [13, p. 45, 253]. Качеством получше, но и более высоким в цене был так называемый «цветочный чай», который Кегель покупал при первой возможности. Под этим сортом Кегель, вероятно, понимал, чайные листья, приправленные цветами; такой вид чая, например, производился в Китае. Во время своих путешествий Кегель обычно перевозил чай в коробках [13, p. 45, 253]²⁸.

Важнейшим источником снабжения этим сортом чая были купцы и корабли в Петропавловске [13, p. 34, 57]. Если чай привозили из Охотска, то он в основном поступал от русско-китайской торговли в Средней Азии: так, китайские торговцы завозили его в больших количествах через Кяхту и продавали на территории царской империи. Взамен Россия

²⁶ См. также: [13, p. 184, 277]. Фридрих фон Китлиц тоже брал с собой чай в поездки по Камчатке в 1828 г., см.: [28, p. 158–159]. О чае в России см., в частности: [14, p. 132–132; 1].

²⁷ О ценности чая как подарка см.: [13, p. 152, 324].

²⁸ Люди, окружавшие Кегеля, также время от времени высказывали пренебрежительные комментарии по поводу «кирпичного» чая, см.: [13, p. 327, 331]. О цветочном чае см., напр.: [4, p. 148]. Пил ли Кегель в основном зеленый или черный чай, установить невозможно. Однако во время пребывания Кегеля на Камчатке, черный чай на мировом рынке имел лишь второстепенное значение, см.: [4, p. 133–136].

поставляла в Поднебесную, в частности, меха [16, p. 171–172; 14, p. 132–132; 8, p. 125; 13, p. 34, 57]²⁹.

Иностранные торговые суда, реализовывавшие чай на Камчатке, обычно закупали его непосредственно в Гуандуне. В частности, в десятилетия, предшествовавшие поездке Кегеля на полуостров, американские предприниматели существенно увеличили свою долю в торговле чаем с Китаем. Цены на предметы роскоши на полуострове в целом были значительно выше, чем в Центральной Сибири. Например, Кегель заплатил от 12 до 18 руб. за фунт цветочного чая на Камчатке, что было почти вдвое больше суммы, которую он потратил на то же количество чая в Якутске. Дальнейшая транспортировка чая вглубь полуострова делала его еще дороже [13, p. 83, 173, 284, 392; 14, p. 138–141]³⁰.

При употреблении чая сахар был для Кегеля обязателен. Транспортировать его не всегда было легко из-за влажного климата. После нескольких дней непогоды на севере Камчатки Кегель писал: «К сожалению, из-за постоянного дождя [во время переправки на] байдарке³¹ и мокрых палаток все собранные мною растения были испорчены. Ибо если белые куски сахара вытекают из коробок в виде сиропа, все портится» («Leider waren mir bei dem ständigen Regen in der feuchten Baidara und den nassen Zelten schon alle gesammelten Pflanzen verdorben. Denn wenn schon der weiße Kandis als Sirup aus den Kisten läuft, lässt sich auch nichts anderes bewahren») [13, p. 196].

Кегель предпочитал покупать сахар в Петропавловском порту. Суда, пришвартованные там, поставляли почти исключительно тростниковый сахар. Значение другого сорта, свекловичного сахара, первоначально резко снизилось после окончания наполеоновской континентальной блокады; и хотя популярность его восстановилась впоследствии, процесс этот начался лишь незадолго до поездки Кегеля на Камчатку. Американские корабли, в частности, продавали тростниковый сахар из Карибского бассейна, который добывался там на больших плантациях, а затем очищался. Кегель возил с собой сахар в виде леденцов, так как крупные

²⁹ О торговле чаем через Кяхту см. также: [4, p. 675–676]; в частности, о ситуации в XVIII в. см.: [1].

³⁰ См. также: [10, p. 132–133]. Однако здесь стоит учесть тот факт, что цены в Якутске Кегель описывает как крайне низкие [13, p. 60].

³¹ Небольшая лодка из моржовых шкур с восемью веслами, см.: [13, p. 193].

кристаллы были менее чувствительны к влаге, чем молотый сахар [22, p. 11–17; 21, p. 15–16, 172–175; 13, p. 394; 27, p. 31–36].

В дополнение к основной провизии, чаю и сахару, в путешествия Кегель брал с собой также некоторые продукты, произведенные в деревнях, особенно когда предстояла поездка по безлюдным местам. В отличие от путешествий по внутренней Сибири на Камчатке он не всегда мог запастись садовыми овощами или сушеным мясом³²; вместо этого ему приходилось обходиться в основном сушеной рыбой, упомянутыми выше корнями калужницы болотной (*Caltha palustris*) и небольшими лепешками из кипрея. Наличие этих лепешек было, по словам Кегеля, «удобно в поездке, так как эта еда очень сытная и живящая» («Sie sind sehr nahrhaft und – bloß getrocknet – auf der Reise angenehm, da diese Speise sehr sättigt und erfrischt») [13, p. 114]³³.

Дары природы

Третий способ добычи пропитания, которым Кегель пользовался во время своего путешествия, – сбор дикорастущих растений и охота. Этим способом он пользовался довольно часто. Он и его группа не раз пересекали районы, опустошенные голодом; причина массового голода, по мнению Кегеля, крылась в высокой налоговой нагрузке, а также в нежелании местного населения заниматься земледелием. Более того, часто те припасы, которые Кегель имел при себе, портились из-за проливных дождей или жары. Агроном также иногда ошибался в своих расчетах и брал с собой слишком мало еды. Например, в конце лета 1842 г. он неожиданно вынужден был приостановить путешествие на несколько дней из-за непроходимых болот. Кегель писал: «Мои люди ели только вяленую рыбу, а у меня были с собой только чай и сахар, но не было ни чайника, ни кастрюли. Поскольку нормальный маршрут составляет всего 40 верст, при правильной организации, я взял с собой [чай и сахар] только в том количестве, которого достаточно, чтобы насладиться ими в деревне с Тоджоном и его семьей» («Meine Leute hatten nur einen Imbiss von trockenem Fisch, ich

³² Во время путешествия по внутренним районам Сибири Кегель часто брал с собой полоски сушеной говядины. Переправляясь на Камчатку, он в основном ел соленое мясо, что было обычной пищей на корабле. См.: [13, p. 72, 80]. О соленом мясе см. также: [20, p. 88].

³³ См. также: [13, p. 55, 78, 152, 186].

aber nur Tee und Zucker, doch weder Kessel noch Kanne bei mir. Da die normale Strecke bei richtiger Führung nur 40 Werst lang ist, hatte ich nur dies mitgenommen, um es dort im Dorfe mit dem Tojon und seiner Familie zu genießen») [13, p. 152]³⁴.

К счастью, пока Кегель искал путь через болота, он нашел, по крайней мере, большое количество ягод: «Смородина хотя бы избавила меня от сухости во рту, ибо болотная вода не годилась для питья» («Einige Johannisbeeren erfrischten wenigstens den trockenen Mund, da das Sumpfwasser für mich ungenießbar war») [13, p. 152]. Агроном питался ягодами в основном в тех случаях, когда не было другой еды. Например, когда ему пришлось ждать помощи на берегу в течение нескольких дней после кораблекрушения, а запасы, которые не были испорчены морской водой, заканчивались, он отправился на поиски диких ягод. Позже он писал об этом: «Я нашел клюкву, аронию [...], а также малину и плоды шиповника, похожие на маленькие яблоки сорта *rosa kamtschadalis lor. purpurea* [...]» («Ich fand Preiselbeeren, Zwergvogelbeeren, zweimal größer und besser, sowie Tschickschen, eine Himbeer-Art, auch Hagebutten gleich kleinen Äpfeln der ‚Rosa Kamtschadalis lor. purpurea‘, die nun auch die Weiber zum Sammeln aus den Zelten lockten») [13, p. 81].

Ягоды также были приятным дополнением к трапезе во время путешествий. Благодаря высокому содержанию витаминов они помогали предотвратить цингу, а также улучшить вкус еды. «Множество разновидностей прекрасных ягод, неизвестных в Европе», – писал Кегель проезжая через Сибирь, – «заменяют здесь фрукты» («Die vielen Sorten schöner in Europa unbekannter Beeren ersetzen dort das Obst») [13, p. 69]. Благодаря влажному климату на Камчатке всегда было много ягод, что Кегель неоднократно отмечал во время своих путешествий³⁵.

Наравне с ягодами благодаря влажному климату здесь также хорошо произрастали многочисленные дикорастущие травы. Кегель ел

³⁴ Тимер-Заксе считает, что Александр фон Гумбольдт также небрежно планировал свои запасы продовольствия для путешествий, чего нельзя сказать о научном оборудовании, которое он вез с собой. См.: [29, p. 78]. О голоде в регионе см., напр.: [13, p. 55, 59, 184, 265, 298]. Одна верста соответствует 1066,8 м. Тоджон, упоминаемый Кегелем, был главой поселения, которое агроном хотел посетить [13, p. 417–418].

³⁵ См.: [13, p. 102, 144; 5, p. 133; 7, p. 53]. Среди местного населения полуострова ягоды также пользовались популярностью, см.: [28, p. 158].

крапиву, черемшу и кипрей. Из крапивы можно было приготовить суп или гарнир; черемшу употребляли в качестве салата к рыбным и мясным блюдам. Черемша была настолько популярна у камчадалов и русских из-за высокого содержания витаминов, что ее часто отправляли в Охотск. О свежих побегах кипрея Кегель писал: «Я варил их и ел, как спаржу. Из них получается действительно вкусное блюдо; поскольку [кипрей] растет во многих лесах Германии и России, там тоже стоит ввести [его в рацион]» («Ich benutzte sie gekocht wie Spargel. Das ist eine wahrhaft angenehme Speise, die, da sie in vielen Wäldern Deutschlands und Russlands wächst, es wohl wert ist, auch dort dazu verwendet zu werden») [13, p. 175]³⁶.

Однако сбор ягод и дикорастущих растений был не единственным способом добывания пищи в условиях ее нехватки. Кегель писал о своем пребывании в голодающем селе Ука в июле 1843 г.: «В долгом пути у нас закончилась еда. Чай всем нравился, но он не мог утолить голод. Хорошо, что у меня с собой были удочки, и мы могли ловить рыбу. Нам повезло. Мы быстро поймали более 20 крупных форелей и хариусов, что нас и спасло» («Auf dem weiten Weg waren uns die Lebensmittel ausgegangen. Der Tee war allen zwar angenehm, sättigte aber nicht den Hunger. So war es gut, dass ich Fischangeln bei mir hatte, sodass wir fischen konnten. Das Glück war uns hold. Schnell wurden über 20 große Forellen und Äschen gefangen, wodurch für den Augenblick aller Not abgeholfen war») [13, p. 186].

Помимо рыб многочисленные водоемы Камчатки предлагали и другие виды продуктов, пригодных в пищу. На берегах рек и на отдельных островах у побережья было множество гнезд с яйцами водоплавающих птиц, которые Кегель собирал и с удовольствием ел. Осенью 1845 г., когда его товарищи готовили тюленя в заливе Большерецка, исследователь, не любивший этот тип мяса, обнаружил «множество красивых съедобных мидий, которые хорошо утоляют голод» («Ich fand eine Menge schöner essbarer Muscheln, die hinreichend den Hunger stillten») [13, p. 278]³⁷. В другой раз, когда они с проводником обнаружили пещеру с медвежьими запасами, они нашли в ней несколько центнеров китового сала, закопанного под камнями: «Мой

камчадалец был в восторге. Он почистил [сало], попробовал его на вкус и оценил его, как свежее и вкусное. Мы дождались наших товарищей из-за медведей, которые могли все еще быть рядом. Затем часть сала была разрезана, упакована в кожаные мешки и возложена на лошадей» («Wir untersuchten nun sein Lager und fanden ein paar Zentner Walfischspeck unter Steinen verscharrt. Das bereitete meinem Kamtschadalen große Freude. Er reinigte denselben, kostete ihn und fand ihn frisch und gut. Da nichts verlorengelassen sollte, warteten wir wegen der noch in der Nähe befindlichen Bären die Gefährten ab. Dann wurde ein Teil zerschnitten, in lederne Säcke gepackt und auf die Pferde gelegt») [13, p. 217]³⁸.

Но и сам медведь мог стать добычей, особенно когда у путешественников не хватало запасов. Практическое отсутствие животноводства делало охоту на крупных диких животных особенно привлекательной для исследователя. Позже он писал о своей встрече с медведем осенью 1843 г. в местечке к северу от деревни Кавран: «Всего в нескольких сотнях шагов, над рекой, я увидел его, большого серого медведя, который, увидев меня, захотел уйти в лес; но я пустил пулю в переднюю часть его груди, затем без промедления другую, после чего медведь упал в воду и умер. Он был большим и толстым. Мне с напарником было очень неудобно вытаскивать его на берег, но из [мяса медведя] получилось хорошее жаркое на вечер. А из его шкуры мы сделали хороший ночлег» («Erst ein paar hundert Schritte weiter erblickte ich ihn unten im Tal über dem Fluss, einen großen grauen Bären, der als er mich sah, sich trollen wollte; doch gab ich ihm eine Kugel vorne in die Brust und dann schnell noch die zweite, nach der er ins Wasser fiel und endete. Er war ein großer, fetter Bursche. Es machte meinem Begleiter und mir sehr zu schaffen, ihn ans Land zu ziehen, wo er abgezogen einen guten Braten für den Abend lieferte. Sein Fell bot ein gutes Nachtlager») [13, p. 218].

Кегель чаще всего ел мясо медведя в жареном или вареном виде; иногда он ограничивался лишь излюбленными частями, например, печенью. Но охота на медведя не была безопасной, что следует из яркого описания Кегелем вечера после неудачного преследования: «Я подносил чашку ко рту, а мои люди ели, когда один из них, вставший, чтобы что-то достать, вдруг громко вскрикнул, схватил мой [...] пистолет и выстрелил из него. Мы все сразу же вскочили

³⁶ См. также: [13, p. 115].

³⁷ Благодаря нескольким заметкам из дневника Кегеля создается впечатление, что он не был большим любителем мяса тюленей и китов. См., напр.: [13, p. 82].

³⁸ См. также: [13, p. 97, 133–134, 219].

и схватили винтовки. Теперь мы увидели движение тени. Всего в пяти шагах от нас стоял большой медведь и, вероятно, собирался атаковать нас, но выстрел и наше движение напугали его. Я никогда раньше не сталкивался с такой опасностью, но был рад, что благополучно пережил все это. Мы проверили каждую винтовку и провели беспокойную ночь с заряженными ружьями в руках» («Ich führte gerade die Teetasse zum Mund und meine Leute waren beim Essen, als einer von ihnen, der aufgestanden war, um etwas zu holen, laut aufschrie, meine Pistole, die noch am Hals hing, ergriff und abfeuerte. Wir anderen sprangen sofort auf und ergriffen die Gewehre. Nun sahen wir, wie sich ein Schatten bewegte. Ein großer Bär hatte nur 5 Schritt von uns entfernt gestanden und sich wahrscheinlich gerade entschlossen, uns anzufallen, als ihn die Kugel aus der Pistole und unser Aufspringen eines Besseren belehrte. Eine solche Gefahr hatte ich bisher noch nicht erlebt, doch glücklich überstanden. Wir sahen jedes Gewehr nach und verbrachten die Nacht etwas unruhig mit geladener Waffe im Arm») [13, p. 277]³⁹.

Во время своих путешествий помимо медведей и уток Кегель также отстреливал гусей, глухарей, куропаток и даже чаек [13, p. 109, 188, 218, 262]. Заметки Кегеля не подтверждают предположение о том, что в некоторых районах Сибири чрезмерная охота привела к исчезновению отдельных видов животных и птиц. Напротив, говоря о районе между селами Шаромы и Верхнекамчатск, Кегель сообщает: «Во время речной прогулки у меня была возможность полюбоваться бесчисленным количеством диких уток всех цветов и размеров, а также запастись достаточным количеством мяса для ужина; здесь можно было застрелить тысячу птиц и даже не заметить уменьшения их количества» («Bei der Flussfahrt hatte ich Gelegenheit, die zahllosen wilden Enten in allen Farben und Größen zu bewundern, mich aber auch hinreichend mit Braten zu versehen; bloß als Jagdfahrt hätte man wohl an die tausend schießen können, ohne ein Abnehmen der Zahl feststellen zu können») [13, p. 106]⁴⁰.

Дальнейшее описание этой же речной прогулки демонстрирует также недостатки охоты на диких птиц. Кегель пишет: «Из-за охоты мы сбились с графика; мои камчадалы подстрелили глухаря и прекрасную выдру, но чтобы до-

браться до добычи, нам пришлось повернуть назад и плыть против течения, что требовало много сил» («Uns hielt allerdings die Jagd – meine Kamtschadalen schossen einige Auerhähne und einen schönen Fischotter – etwas auf, da man, um das Geschossene zu bergen, häufig gegen den Strom, was sehr schwierig ist, umkehren musste») [13, p. 108]. Таким образом, путешествие часто задерживалось из-за поиска, извлечения и обработки добычи. Другой недостаток охоты был связан с тем, что для нее требовался сухой порох и свинец. И тот, и другой импортировались на Камчатку и, соответственно, были дорогими. Для защиты пороха от влаги Кегель обычно перевозил его в небольших бочках. Однако этот способ не всегда работал: кораблекрушение, пережитое Кегелем, и продолжительные дожди оставили его без пригодного для охоты пороха. В августе 1845 г. под Большерецком Кегель писал: «К сожалению, мы не могли охотиться, потому что порох был мокрым, а винтовки полностью заржавели, ибо для них не было сухого места. Весь наш рацион состоял из рыбы и чая» («Schießen war uns leider nicht möglich, weil das Pulver nass und die Gewehre ganz verrostet waren, da es keinen trockenen Ort mehr für sie gab. Unsere ganze Nahrung bestand aus Fischen und Tee») [13, p. 262]⁴¹.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что в распоряжении у Иоганна Кегеля было несколько источников пропитания. Эти источники можно разделить на три основных типа. Если он гостил в селениях, то преимущественно ел местные блюда. Эти блюда в основном готовились из рыбы, в меньшей степени из мяса, молочных продуктов, овощей и дикорастущих растений. Исследователь также употреблял предложенный ему алкоголь, но в умеренных количествах.

Кегель винил традиционно богатый на рыбу рацион жителей Камчатки в своих многочисленных проблемах со здоровьем и старался, по возможности, дополнять местную диету другими продуктами. То, что он с трудом мог добыть во время путешествий, он брал с собой. В основном это были базовые продукты питания, такие как мука, рис и соль, а также сухари, чай и сахар. Запасы чая Кегель использовал не только для собственных нужд, но и для обмена. Большую

³⁹ О пищевых привычках Кегеля см.: [13, p. 221, 266].

⁴⁰ См. также: [13, p. 117].

⁴¹ См. также: [13, p. 81, 265]. Значительные проблемы с поставками пороха и свинца были также наблюдались в прошлом. См., напр.: [18, p. 107–108].

часть он покупал у местных торговцев в Петропавловске. Они, в свою очередь, покупали чай с российских или иностранных судов, останавливавшихся на Камчатке в летние месяцы. Для поездок по безлюдным местам агроном также покупал в деревнях непортящуюся еду, обычно это была сушеная рыба и лепешки из кипрея.

Если собственных запасов или снабжения от местного населения было недостаточно, Кегель полагался на дары природы. Он собирал ягоды, дикорастущие растения, мидии и яйца или ловил рыбу. Если у него был порох и свинец, он также охотился, в основном на диких птиц и медведей. Таким образом, он мог не только обеспечить выживание в трудных условиях, но и запастись припасами для посещения поселений, где не было мяса.

Таким образом, можно сделать вывод, что Кегель был вынужден постоянно приспособлять свой рацион к соответствующим условиям. Если в пути не было еды или была только определенная еда, исследователь дополнял ее провизией, которую брал с собой. Если она была израсходована или испорчена, он питался тем, что добывал во время охоты и сбора ягод. В путешествиях он полагался на знания и навыки местных, но также на помощь оружия и на поставки из других регионов и стран. Рацион Кегеля служит образцом того, как местные традиции дополнялись возможностями все более глобализирующегося мира – тенденция, которая продолжила развиваться ускоренными темпами и во второй половине XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березницкий С.В. Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века. СПб.: МАЭ РАН, 2017.
2. Березницкий С.В. Фридрих Плениснер и его вклад в исследование коренного населения и природы Дальнего Востока России в XVIII в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3. С. 46–59.
3. Dahlmann, D., 2009. Sibirien. Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn: Schöningh.
4. Driem, G., 2019. The tale of tea. A comprehensive history of tea from prehistoric times to the present day. Leiden; Boston: Brill.
5. Forsyth, J., 2006. A history of the peoples of Siberia: Russia's North Asian colony, 1581–1990. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Gentes, A., 2010. Exile, murder and madness in Siberia, 1823–61. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
7. Gibson, J.R., 1969. Feeding the Russian fur trade. Provisionment of the Okhotsk seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639–1856. Madison: University of Wisconsin Press.
8. Goehrke, C., 2010. Russland. Eine Strukturgeschichte. Paderborn: Schöningh.
9. Gülden, W. F., 2012. Einführung des Herausgebers. In: Kegel, J.K.E., 2012. Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Erlebnisse von 1841 bis 1847. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, pp. 11–16.
10. Hartley, J.M., 2014. Siberia. A history of the people. New Haven: Yale University Press.
11. Hildermeier, M., 2013. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München: Beck.
12. Kasten, E., 2013. Johann Karl Ehrenfried Kegel. Ein deutscher Agronom bezieht Stellung zur Land und Naturnutzung auf Kamčatka. In: Kasten, E. ed., 2013. Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die Wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. Fürstenberg/Havel, pp. 207–222.
13. Kegel, J.K.E., 2012. Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Erlebnisse von 1841 bis 1847. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien.
14. Krieger, M., 2009. Tee. Eine Kulturgeschichte. Köln.
15. Krusenstern, A.J. et al., 2011. Forschungsreisen auf Kamtschatka. Auszüge aus den Werken. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien.
16. LeDonne, J.P., 1997. The Russian Empire and the world, 1700–1917. The geopolitics of expansion and containment. Oxford: Oxford University Press.
17. Lubrich, O., 2019. Forschen in Fürstennähe. Humboldt in Sibirien. In: Lubrich, O. ed., 2019. Die Russland-Expedition. Von der Newa bis zum Altai. München, pp. 185–204.
18. Orubadi, D., 2013. Die Halbinsel Kamčatka in den Schriften des Leiters der ersten russischen Weltumsegelung (1803–1806) Adam Johann von Krusenstern und seines Naturforschers Georg Heinrich von Langsdorff. In: Kasten, E. ed., 2013. Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die Wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, pp. 91–110.

19. Pilcher, J.M., 2015. The globalization of alcohol and temperance from the gin craze to prohibition. In: Helstosky, C. ed., 2015. *The Routledge history of food*. New York: Routledge, pp. 156–178.
20. Pivovar, H., 2013. Carl Heinrich Mercks Forschungsarbeiten auf den Halbinseln Kamčatka und Čukotka während der Billings-Saryčev-Expedition (1785–1795). In: Kasten, E. ed., 2013. *Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die Wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert*. Fürstenberg/Havel: : Kulturstiftung Sibirien, pp. 77–90.
21. Pruns, H., 2015. *Europäische Zuckerwirtschaft. VII: Wiederaufstieg der Rübenzuckerindustrie in Europa 1822 bis 1849*. Berlin.
22. Pruns, H., 2011. *Europäische Zuckerwirtschaft. V: Der Zusammenbruch der Rübenzuckerindustrie 1814 bis 1822*. Berlin.
23. Schattenberg, S., 2008. *Die korrupte Provinz? Russische Beamte im 19. Jahrhundert*. Frankfurt am Main: Campus.
24. Schweizer, P., 2013. *Naturforscher, Weltreisende und nationale Forschungstraditionen. Bemerkungen zur ethnologischen Erforschung Sibiriens im 18. und 19. Jahrhundert*. In: Kasten, E. ed., 2013. *Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die Wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert*. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, pp. 11–28.
25. Segers, Y., 2012. Food systems in the nineteenth century. In: Bruegel, M. ed., 2012. *A cultural history of food. Vol. 5. In the age of empire*. London, pp. 49–66.
26. Smith, A., 2012. National cuisines. In: Pilcher, J.M. ed., 2012. *The Oxford handbook of food history*. New York: Oxford University Press, pp. 444–460.
27. Smith, A.F., 2015. *Sugar: a global history*. London: Reaktion Books.
28. Strecker, L., 2013. Friedrich Heinrich Freiherr von Kittlitz. Ein deutscher Adeliger erforscht im Dienste der Kaiserlich Russischen Akademie der Wissenschaften die Halbinsel Kamčatka. In: Kasten, E. ed., 2013. *Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die Wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert*. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, pp. 147–172.
29. Thiemer-Sachse, U., 2013. «Wir verbrachten mehr als 24 Stunden, ohne etwas anderes als Schokolade und Limonade zu uns zu nehmen». *HiN: International Review for Humboldt Studies*, Vol. 14, no. 27, pp. 77–83.
30. Winkler, M., 2016. *Das Imperium und die Seeotter. Die Expansion Russlands in den nordpazifischen Raum 1700-1867*. Göttingen.
31. Zweynert, J., 2002. *Eine Geschichte des ökonomischen Denkens in Rußland 1805–1905*. Marburg.

REFERENCES

1. Bereznitskii, S.V., 2017. *Karavannaya trgovlya Rossii s Kitaem i otechestvennaya nauka XVIII veka [Caravan trade between Russia and China and Russian science of the 18th century]*. Sankt-Peterburg: MAE RAN. (in Russ.)
2. Bereznitskii, S.V., 2017. *Fridrikh Plenisner i ego vklad v issledovanie korenogo naseleniya i prirody Dal'nego Vostoka Rossii v XVIII v. [Friedrich Plenisner and his contribution to the study of the indigenous population and the nature of the Russian Far East in the 18th century]*, *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 3, pp. 46–59. (in Russ.)
3. Dahlmann, D., 2009. *Sibirien. Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn: Schöningh.
4. Driem, G., 2019. *The tale of tea. A comprehensive history of tea from prehistoric times to the present day*. Leiden; Boston: Brill.
5. Forsyth, J., 2006. *A history of the peoples of Siberia: Russia's North Asian colony, 1581–1990*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Gentes, A., 2010. *Exile, murder and madness in Siberia, 1823–61*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
7. Gibson, J.R., 1969. *Feeding the Russian fur trade. Provisionment of the Okhotsk seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639–1856*. Madison: University of Wisconsin Press.
8. Goehrke, C., 2010. *Russland. Eine Strukturgeschichte*. Paderborn: Schöningh.
9. Gülden, W. F., 2012. *Einführung des Herausgebers*. In: Kegel, J.K.E., 2012. *Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Erlebnisse von 1841 bis 1847*. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, pp. 11–16.
10. Hartley, J.M., 2014. *Siberia. A history of the people*. New Haven: Yale University Press.
11. Hildermeier, M., 2013. *Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution*. München: Beck.

12. Kasten, E., 2013. Johann Karl Ehrenfried Kegel. Ein deutscher Agronom bezieht Stellung zur Land und Naturnutzung auf Kamčatka. In: Kasten, E. ed., 2013. Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die Wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. Fürstenberg/Havel, pp. 207–222.
13. Kegel, J.K.E., 2012. Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Erlebnisse von 1841 bis 1847. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien.
14. Krieger, M., 2009. Tee. Eine Kulturgeschichte. Köln.
15. Krusenstern, A.J. et al., 2011. Forschungsreisen auf Kamtschatka. Auszüge aus den Werken. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien.
16. LeDonne, J.P., 1997. The Russian Empire and the world, 1700–1917. The geopolitics of expansion and containment. Oxford: Oxford University Press.
17. Lubrich, O., 2019. Forschen in Fürstennähe. Humboldt in Sibirien. In: Lubrich, O. ed., 2019. Die Russland-Expedition. Von der Newa bis zum Altai. München, pp. 185–204.
18. Ordubadi, D., 2013. Die Halbinsel Kamčatka in den Schriften des Leiters der ersten russischen Weltumsegelung (1803–1806) Adam Johann von Krusenstern und seines Naturforschers Georg Heinrich von Langsdorff. In: Kasten, E. ed., 2013. Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die Wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, pp. 91–110.
19. Pilcher, J.M., 2015. The globalization of alcohol and temperance from the gin craze to prohibition. In: Helstosky, C. ed., 2015. The Routledge history of food. New York: Routledge, pp. 156–178.
20. Pivovar, H., 2013. Carl Heinrich Mercks Forschungsarbeiten auf den Halbinseln Kamčatka und Čukotka während der Billings-Saryčev-Expedition (1785–1795). In: Kasten, E. ed., 2013. Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die Wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, pp. 77–90.
21. Pruns, H., 2015. Europäische Zuckerwirtschaft. VII: Wiederaufstieg der Rübenzuckerindustrie in Europa 1822 bis 1849. Berlin.
22. Pruns, H., 2011. Europäische Zuckerwirtschaft. V: Der Zusammenbruch der Rübenzuckerindustrie 1814 bis 1822. Berlin.
23. Schattenberg, S., 2008. Die korrupte Provinz? Russische Beamte im 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Campus.
24. Schweizer, P., 2013. Naturforscher, Weltreisende und nationale Forschungstraditionen. Bemerkungen zur ethnologischen Erforschung Sibiriens im 18. und 19. Jahrhundert. In: Kasten, E. ed., 2013. Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die Wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, pp. 11–28.
25. Segers, Y., 2012. Food systems in the nineteenth century. In: Bruegel, M. ed., 2012. A cultural history of food. Vol. 5. In the age of empire. London, pp. 49–66.
26. Smith, A., 2012. National cuisines. In: Pilcher, J.M. ed., 2012. The Oxford handbook of food history. New York: Oxford University Press, pp. 444–460.
27. Smith, A.F., 2015. Sugar: a global history. London: Reaktion Books.
28. Strecker, L., 2013. Friedrich Heinrich Freiherr von Kittlitz. Ein deutscher Adeliger erforscht im Dienste der Kaiserlich Russischen Akademie der Wissenschaften die Halbinsel Kamčatka. In: Kasten, E. ed., 2013. Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die Wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, pp. 147–172.
29. Thiemer-Sachse, U., 2013. «Wir verbrachten mehr als 24 Stunden, ohne etwas anderes als Schokolade und Limonade zu uns zu nehmen». HiN: International Review for Humboldt Studies, Vol. 14, no. 27, pp. 77–83.
30. Winkler, M., 2016. Das Imperium und die Seetoter. Die Expansion Russlands in den nordpazifischen Raum 1700–1867. Göttingen.
31. Zweynert, J., 2002. Eine Geschichte des ökonomischen Denkens in Rußland 1805–1905. Marburg.

О.В. Игнатьева*

КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ В РОССИИ: ОТ РЕСУРСА ВНУТРЕННЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ ДО НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК

Используя метафору внутренней колонизации, автор реконструирует периоды в эволюции собирания древностей и практик обращения с ними в России, начиная с периода продвижения русского государства на Урал и в Сибирь. В статье прослеживается, как менялось отношение к древностям, представители каких социальных групп принимали участие в их поиске и коллекционировании.

Ключевые слова: коллекционирование, древности, археологические находки, внутренняя колонизация, национальный музей

Collecting of antiquities in Russia: from a resource of internal colonization to new cultural practices. OKSANA V. IGNATIEVA (Perm State University)

Using the metaphor of internal colonization, the author reconstructs the periods in the evolution of the collecting of antiquities and the practices of handling them in Russia, starting with the period of the advancement of the Russian state to the Urals and Siberia. The article traces how the attitude towards antiquities changed over time and what social groups took part in their search and collecting.

Keywords: collecting, antiquities, archaeological finds, internal colonization, national museum

Коллекционирование появляется в России как практика государственного масштаба в период строительства империи по западному образцу [9]. Петр I, среди многих прочих заимствований, в ранг государственной политики возвел покупку и вывоз из европейских стран всего того, что могло быть ценным для Кунсткамеры, интерьеров строящихся дворцов и резиденций.

Во время заграничного путешествия Петра I «для стажировки в искусствах империи»

была выбрана Голландия. Здесь у него были и свои учителя. Так, Ф. Вольтер писал об одном из них: «Петр обучался натуральной истории в доме бургомистра Витсена, Гражданина знаменитого как по своей любви к отечеству, так и по доброму употреблению своих бесчисленных сокровищ, которые он расточал как прямой Гражданин целого света, посылая сведущих людей собирать все, что ни есть редкого во всех концах мира, чего бы то ему ни стоило» [5, с. 51].

* ИГНАТЬЕВА Оксана Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: ignatieva2007@rambler.ru

© Игнатьева О.В., 2021

Можно предположить, что эти «бесчисленные сокровища» Витсена были ничем иным, как кунсткамерой, которые были распространены в Европе, начиная с XV–XVI вв. Частью этого собрания были и привезенные им из поездки по России древности, а итогом путешествия стал популярный в свое время труд Витсена «Nord – en Oost Tartarien» (1692).

Как человека, увлеченного древностями, Витсена не могло не удивлять, что археологические находки, которые он покупал, в том числе и в России, безвозвратно пропадают: «Из Тобольска мне были посланы браслеты, серьги, идолы и др., все из чистого золота, весом в 1/2 фунта, на которых изображены драконы и божества, но к моему несчастью лицо, которому это было передано, предательски, из-за значительной ценности, продало серебро, так что оно, вероятно, расплавлено и я лишился его» [18, с. 130]. Поэтому нелюбовь к древностям Витсен счел чертой национального характера.

Живя какое-то время в доме амстердамского бургомистра, Петр I не мог не заметить этого интереса к коллекционированию «куръезов» не только со стороны антиквариетов, для которых это было необходимой составляющей их работы, но и со стороны людей, занимающих высокие должности и относящихся к элите общества, которые таким образом проводили свой досуг.

В череде петровских реформ появились преобразования, направленные на развитие собственного населения. Так, для приобщения публики к новым формам досуга и образования в 1714 г. была открыта Кунсткамера, а в 1718 г. принят указ для обеспечения созданного музея соответствующими экспонатами, в качестве которых рассматривались «каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какие старые подписи на каменьях, железе или меди или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно» [19, с. 542].

Собственно, публики для такого музея в России еще не было, ее только предстояло создать новыми публичными местами и практиками. Но, будучи «главным европейцем», государство вынуждено было инициировать эту деятельность, в гигантских масштабах скупая европейские художественные коллекции и тем самым

«сверхкомпенсируя» культурное отставание от передовых стран Европы. Не только петровская Кунсткамера, но впоследствии и Эрмитаж как «потемкинская деревня» демонстрировался в нужный момент иностранным гостям как знак культурного величия империи, а в остальное время картинами любовались только представители правящей династии.

На самом деле, государство не впервые сталкивалось с историческими древностями в начале XVIII в. Но впервые археологические находки воспринимались в петровском указе не как материальные сокровища, а как культурные ценности.

В работе «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России» А. Эткинд пишет о мотивах начала русской колонизации народов Сибири: «Для новгородцев не было другого смысла ездить в Югру, кроме как за пушшиной» [22, с. 25]. На самом деле, был еще один, не менее важный смысл – «серебро закамское», о котором в русских документах XIV в. говорится как об особом виде дани, взимавшейся с населения Приуралья наряду с пушшиной.

Еще до появления новгородцев, а потом и Москвы, племена, проживавшие в Приуралье, были поставщиками пушнины для восточных купцов, и с IV–V вв. был налажен «меховой путь», по которому восточное серебро в огромных количествах обменивалось на дорогие меха. По мнению Б.И. Маршака, этот меховой путь прошел в своем развитии восемь периодов, в течение которых периодически менялись торговые посредники и источники серебра – от Средней Азии, Ирана и Византии до Золотой Орды, новгородцев и позднее Москвы [12]. И если в первые периоды существования мехового пути обмен пушнины на серебро носил характер «бартерного» обмена между восточными купцами и местным населением, то впоследствии новгородцы, а затем и Москва, считая территорию Приуралья своей землей, установили дань в виде пушнины и серебра.

Ко времени прихода новгородцев в Пермские земли использование восточного серебра в культовой практике на святилищах прочно вошло уже в культуру местных племен и стало традицией. Более того, поскольку эта традиция сохранилась в Приобье среди ханты и манси до этнографического времени, она зафиксирована и в описаниях. Так, К.Д. Носилов в начале

XX в., посетив мансийское святилище в глухом лесу, увидел деревянного идола, в складках одежды которого были монеты и жертвенные предметы: «Нельзя было дотронуться рукой до истлевшей материи, чтобы через нее не скатилась монета, но мое удивление было еще больше, когда вместе с серебром покатались на пол черные, ажурной старинной работы серебряные маленькие чашечки, полные монет. Я схватил одну и стал рассматривать. Она была тонкой нерусской работы, на дне ее были изображены драконы, какие-то чудовищные птицы и звери, что-то знакомое по Египту и Персии. Я спросил старика Сопра, что это, и он, не колеблясь, сказал мне, что эта старинная чашечка из чистого серебра, какие еще от дедов достались женщинам как старинное дорогое наследство» [14]. Этнограф В.Н. Чернецов уже в советское время также застал живую традицию использования серебряной посуды у ханты и манси, у которых существовал запрет есть мясо жертвенных животных из деревянной посуды: «Для этого служат несколько тарелок и блюд, медных и оловянных, обычно хранимых в особом месте и не употребляемых для каких-либо иных надобностей» [23].

Сохранившиеся в таежной глуши почитаемые святилища ханты и манси в Сибири фиксируют отношение к древностям в традиционной культуре как к сакральным предметам. Ценность таких предметов не измерялась деньгами, в этом смысле они были бесценными, и накапливались на святилищах из поколения в поколение. В сакральной географии традиционных народов пространство наделяется разной степенью доступности, что закрепляется далее в фольклоре, топонимах и т.д. Например, в XIX в. уфимский помещик Новиков, которому принадлежала пустующая земля, получившая в народе название «Чертово городище», решил «поселить новую деревню из своих крепостных крестьян. Но, как ни убеждал помещик, его просьбы и приказы не помогли: крестьяне вышли из повиновения и категорически отказались селиться в “заколдованном” месте» (Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-4423. Оп. 1. Д. 5. Л. 25).

В ходе колонизации местные народы Урала и Сибири столкнулись с другим отношением к собственным сакральным предметам как к источникам драгоценных металлов. Сами предметы переплавлялись или шли на лом, именно поэтому, как считают исследователи, восточно-

го серебра в виде посуды не встречается на собственно русских территориях [7, с. 148].

В Прикамье традиция использования восточного серебра исчезает, видимо, вместе с переселением манси и ханты в Сибирь в процессе русской колонизации. Но в Зауралье еще в конце XIX – начале XX вв. на рынках можно было встретить древние серебряные чаши и услышать рассказ «о смельчаках, решавшихся “сорвать шайтана”, т.е. с опасностью для жизни ограбить языческое святилище, где наряду с принесенными в жертву лучшими мехами хранились серебряные блюда, чаши и серебряные фигурки людей и животных» [1, с. 21].

Период сбора дани «серебром закамским» был недолгим. Но впоследствии в ходе освоения Сибири были открыты золотые сокровища сибирских курганов, что сразу породило особый вид промысла и промысловиков – бугровщиков. Все путешественники, кому довелось в начале XVIII в. проехать по сибирским территориям, отмечают, что этот «бизнес» был организованным, постоянным с приходом теплого времени года и зачастую находился под покровительством чиновников. Так, Миллер указывал: «Не иначе как люди ватагами ходя на соболиный промысел, так и здесь великими партиями собрались, чтобы разделить между собою работу, и тем скорее управиться с многими курганами» [18, с. 123]. Д.Г. Мессершмидт, совершивший поездку по Сибири по поручению Петра I, писал о бугровщиках: «Но главным образом они зарабатывают много денег раскопками в степях. С последним санным путем они отправляются за 20–30 дней езды в степи; собираются со всех окрестных деревень в числе 200–300 и более человек, и разбиваются на отряды по местностям, где рассчитывают найти что-нибудь. Затем эти отряды расходятся в разные стороны, но лишь на столько, чтобы иметь всегда между собой сообщение и, в случае прихода калмыков или казаков, быть в состоянии защищаться» [16, с. 10].

Ф. Страленберг, шведский офицер, попавший в плен под Полтавой и живший в Сибири, по возвращению на родину в 1730 г. издал книгу «Историческое и географическое описание полуночной восточной части Европы и Азии». В ней он также описывает ситуацию с бугровщиками и отношением чиновников к этому промыслу: «20 или 30 лет тому назад, когда об этом Русское правительство еще ничего не знало, начальники городов Тары, Томска, Крас-

ноярска, Батсамска, Исетска и других мест отправляли вольные отряды из местных жителей для разведки этих могил и заключали с ними такое условие, что они должны были отдавать определенную либо десятую часть найденного ими золота, серебра, меди, камней и пр. Найдя такие предметы, отряды эти разделяли добычу между собою и при этом разбивали и разламывали изящные и редкие древности, с тем, чтобы каждый мог получить по весу свою долю» [17, с. 32, 34].

После донесений путешественников и ученых в 1721 г. был издан указ о покупке сибирских древностей, в котором подчеркивалось, что их не нужно переплавлять: «...Куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать Сибирскому Губернатору, или кому где надлежит, настоящею ценою, и не переплавлявая, присылать в Берг – и Мануфактур-Коллегию, а в оной, потому же не переплавлявая, об оных докладывать Его Величеству» [19, с. 357].

Несмотря на указы, бугрование сибирских курганов продолжалось, так как «занятие было прибыльным: известно, что некоторые курганы давали до 40–50 фунтов золота, большей частью в художественных изделиях» [24, с. 7]. О том, что бугрование приводило к конфликтам и стычкам с коренным населением, красноречиво говорит указ 1764 г.: «...Бугрование в степи под жестоким наказанием чинить запрещено, по той причине, что с того бугрования браны были неприятелями и здешних Российских в полон люди и лошади, из коих инья и до смерти при тех буграх убиваны» [20, с. 832].

Таким образом, первый интерес к древностям носил сугубо экономический характер: они привлекали внимание как источник драгоценных металлов. «Бизнес» на древностях, или, как сейчас сказали бы на «черной археологии», был очень выгодным, породил отдельные промыслы по кладоискательству и поощрялся местными чиновниками в качестве дополнительного источника личного обогащения. Изданные Петром I указы не повлияли кардинально на эту ситуацию, и, как минимум до середины XIX в. (образование Императорской археологической комиссии), механизмов сохранения «куриозов» не было. Коллекции золота сибирских курганов и восточного серебра из Прикамья и Зауралья, которые сейчас находятся в Государственном Эрмитаже, представляют лишь малую часть богатств этих регионов в древности и средневековье.

На эту сложившуюся традицию кладоискательства и поиска древностей из драгоценных металлов, золота и серебра накладывается в начале XIX в. новая тенденция, связанная с формированием национализма и выразившаяся в распространении различных новых практик, в том числе коллекционирования «отечественных древностей». Интерес к истории и историческому документу, по которому, собственно, пишется история, повлекли за собой поиски древних документов и книг. Фольклор также начинает восприниматься не только как художественное произведение, но и как исторический источник. Однако в этот период государство еще не проявляло интереса к начавшимся в обществе поискам национальной идентичности. Любопытно, что в течение XIX в. несколько раз возникали инициативы по созданию национального музея без особых затрат для государства, однако они не были услышаны и поддержаны до того момента, пока Александр III не инициировал появление государственного Русского музея. При этом понадобилось еще какое-то время и после смерти Александра III, чтобы преодолеть непонимание чиновников и, наконец, при меценатстве частных лиц создать национальный исторический музей в 1895 г. [10].

По частной инициативе, но с государственным масштабом поиском и изучением древностей во всем их многообразии занялся граф Н.П. Румянцев после своей отставки с должности канцлера. Как в XVIII в. иностранных и русских ученых отправляли в географические экспедиции, итогом которых становились не только знания о территориях России, но и разнообразные коллекции (минералогические, археологические, этнографические и т.д.), так и Румянцев на свои средства направлял сподвижников «Румянцевского кружка» в разные концы империи и даже в кругосветные путешествия. Какие-то территории в этих поисках привлекали особое внимание, как это случилось с Прикамьем, поскольку Страленберг в своей книге выдвинул версию о том, что Пермь Великая – это Биармия скандинавских саг. Этой теории было суждено сыграть важную роль в археологическом изучении Пермского края: «При недостатке исторических данных о древней Биармии и ее торговом значении на севере, остается ожидать пособий от одной лишь археологии. Подземная Пермь может еще воскресить древнюю Биармию» [21, с. 72]. Для этого

воскрешения древней Биармии граф Румянцев поручает В.Н. Берху провести исследования в Верхнем Прикамье, что подразумевало археологические поиски, этнографические исследования и розыск древних документов. Берх, по примеру других путешественников, опубликовал свои записки в 1821 г. Описывая свои поездки в Чердынь, Берх с разочарованием, не найдя руин «подобно как в Италии», с разочарованием заключал, что «здесь не мог обитать народ просвещенный» [3].

В.Н. Берх, анализируя историографическую традицию, связанную с поиском Биармии, подчеркивал: «Первые Историки всех народов почерпали свое родословие из самой глубокой древности, или, как почтенный Историк наш Василий Никитич Татищев говорит: боялись быть почтены незаконнорожденными, ежели не выведут происхождения своего из второй книги Моисея. <...> Подобное сему случилось и с нами относительно открытия Ледовитого моря; Большая часть историков наших ссылаясь на Полковника Стралемберга, Датсаго историка Саксона Грамматика, Исландсаго Снорро Стурлезона, Славянского Мавро-Урбина и на неудобопонятныя места Византийских писателей, начали утверждать, что торговля процветала в России до времен Рюрика, и что Биармия, или по словам их Пермь, была средоточию оной» [3, с. 113].

Как этнографа Берха также ждала неудача, но он оставил замечательное описание того, как местное население реагировало на появившийся этнографический запрос исследователей: «Расположась на удобной квартире, приказал я волостному голове и писарю пригласить женщин и девок, песни знающих, объявляя им, что каждой дано будет по полтине в награждение. Через час собралось их более дюжины, и, помучив меня своею застенчивостью и перекурами, начали орать во все горло самые новые песни, кои поются в столицах. Даже старые женщины не знали ни одной древней песни, кроме “Во лузях” и “Мы просо сеяли”. Удивление мое было чрезмерно; я полагал, что в сем отдаленном углу соберу я седую древность. Волостной голова объяснил мне причину: наши молодые поселяне, говорил он, отправляются ежегодно по Каме или Волге до Нижнего Новгорода или Сарапула, и, живя там долго, выучивают новые песни и сообщают оные здешним женщинам, кои предпочитают все новое старому. Усмотря между моими посетительницами одну пожилую

и умную женщину, спросил я ее, не может ли она в вознаграждение рассказать мне несколько странных повестей или сказок? Настасья Тимофеевна Девяткова отвечала, что она готова удовлетворить любопытство мое и надеется успеть в сем более потому, что в целой округе нет женщины, которая бы так искусно повивала и рассказывала повести, как она. Обрадовавшись такою счастливою находкою, приготовился я слушать ее со всевозможным вниманием и удостоверился очень скоро в новой неудаче. Госпожа Девяткова предлагала мне Илью Муромца, Ивашку белую рубашку, царя Соломона, Данила Бесчастного, Соловья разбойника, Ивана царевича, и услышав, что все сии сказки мне известны, сказала: “Постой же, я расскажу тебе о Перяной Кикиморе, которую ты верное не знаешь”. Храня благопристойность и зная, что все говорюны сердятся, когда их не хотят слушать, внимал я словам повествовательницы, и нашел, что это простая сказка, никакого внимания не заслуживающая. Я выслушал еще и другую, о Пелиторском короле и дочери его Мангалете, и не нашел и в ней ничего мне нужного. После сего разговаривала она со мною несколько времени и сказала: “Я слышала, что ты добираться до кладов: но чудачки их заговорили, не найти тебе ничего. Попадался ли тебе уголь?”. Множество, отвечал я ей. “Ну, вот это заколдованные чудские деньги; наши ребята разрывали так же многие места, но кроме угля ничего не находили” [3, с. 164–165].

Скептическое отношение В.Н. Берха к биармийской теории никак не повлияло на поиски Биармии в Пермском крае. Большая часть Прикамья входила в состав майората Строгановых, которые периодически обращали внимание своих служащих на археологические находки и необходимость их покупки для коллекции. Строгановы с начала XVIII в. не жили в своих пермских имениях, территория которых была огромна. В Пермском крае не сложилось собственно дворянской усадебной культуры, но при этом существовала уникальная политика Строгановых по внутренней колонизации населения. Среди своих крепостных с помощью начальной школы они отбирали наиболее способных учеников и далее давали им возможность получить образование в собственной школе в Москве и даже за границей. Впоследствии выстраивалась карьерная лестница должностей – от служащего на заводах или в имении до главного управляющего. Они освобождались из крепостного

состояния, не имели права заниматься сельскохозяйственными работами, приобретали образ жизни патронов, включая практики интеллектуального досуга и коллекционирования.

Одну из таких коллекций, представленную в кабинете управляющего имениями В.А. Волегова в селе Ильинском, административном центре пермских имений Строгановых, описал в «Дорожных заметках из Тамбовской губернии в Сибирь» П.И. Мельников. Археологические находки управляющий приобретал у местных крестьян. Как и многие другие авторы, Мельников отнес эти находки к древней Биармии: «Берега этой реки в древности были населены коми-утирами и входили в состав так называемой Бярмии (Биармии). Доказательство этому: самое ее название и соседство с Масляной-горой, на которой до сих пор цело чудское городище и около которой находят много старинных вещей, бесспорно принадлежавшим “чужакам”» [13, с. 52].

Особая роль в инициировании археологического изучения Прикамья принадлежит графу С.Г. Строганову. Нужно отметить, что Сергей Григорьевич был председателем Общества истории и древностей российских, какое-то время был попечителем Московского университета, способствуя привлечению в университет таких известных историков, как Т.Н. Грановский и С.М. Соловьев. Он выступил с поддержкой многих талантливых студентов, включая Ф.И. Буслаева, о чем он подробно пишет в своей биографии. Став хозяином пермских имений, С.Г. Строганов обращается к своему главноуправляющему А.Е. Теплоухову с личным письмом, в котором подробно объясняет свой интерес к пермским древностям: «В настоящее время я в особенности занимаюсь исследованиями в происхождении Скифов, одноплеменных с Чудами или финнами, переселившимися с равнин Ср. Азии в первых веках после Рож. И.Х. На юге раскопки курганов открыли науке важные данные, но недостаточно много, чтобы определить, где по близости Волги или Камы (произошло) разделение племени, часть которого потянулась на юг, а другая пошла на Север и населила север России и берега Балтийского моря! В последнем случае все находки в старинной Биармии могут быть очень важны для науки, а потому Александр Ефимович, я обращаюсь к Вам, не из-за одной прихоти, а от имени науки я прошу способствовать мне ... к отысканию Археологических памятников оз-

наченной эпохи, и радушно и щедро расплачивать моими средствами. Граф Сергей Строганов» (Государственный архив Пермского края. Ф. 613. Оп. 1. Д. 192).

Именно своим примером С.Г. Строганов повлиял на А.Е. Теплоухова, который, будучи выходцем из крепостной среды, получил образование в Германии, стал одним из лучших российских лесоводов и, кроме того, занявшись археологией и этнографией, собрал большую археологическую коллекцию. А село Ильинское стало своеобразным научным центром, который посещали известные русские и европейские ученые.

Таким образом, археология как историческая наука использовала понятие «древности», которое в XIX в. применялось к широкому кругу явлений – от иконописи и до археологических находок. Хронологические рамки этого понятия также менялись. Если первоначально оно ограничивалось периодом с IX в. по 1700 г., то по мере развития археологии оно вбирает в себя и более ранние эпохи: каменный, бронзовый, железный век. Древние находки, как это было, например, с находками каменного века, служили в глазах современников свидетельствами того, что Россия – «не пустое поле», а прошла в своем развитии те же эпохи, что и европейские страны.

Но эти самые древности продолжали массово пропадать для науки, а потому возникает идея создать государственный орган, который занимался бы археологией, контролируя особо ценные находки хотя бы на государственных и общественных землях (все, что находили на частных землях, принадлежало владельцам). На руководство этим вновь создаваемым органом, Императорской археологической комиссией (ИАК, 1859 г.), претендовало два человека – граф Алексей Сергеевич Уваров и Сергей Григорьевич Строганов. Оба увлекались археологией и собирали коллекции, но влияние Сергея Григорьевича оказалось сильнее и назначен во главе ИАК был именно он.

Императорская археологическая комиссия на государственном уровне, используя административные ресурсы, контролировала археологические находки на государственных и общественных землях, особенно занимаясь античной археологией. Все ценные находки передавались в Государственный Эрмитаж. В качестве при-

мера того, как работала ИАК, можно привести переписку по поводу одной из коллекций пермских древностей. Письмо за подписью графа Бобринского от 15.08.1894 г. чердынскому уездному исправнику гласит: «Имп. Арх. Ком. известно, что проживающий в с. Покчи Чердынского у. урядник Береженцов, приобретает для своих коллекций, находимые крестьянами уезда предметы древности и имеет их в настоящее время уже в значительном количестве. Так как, по закону, все делаемые на казенных и общественных землях находки, как государственная собственность, должны быть препровождены в Имп. Арх. Ком., которая ... вознаграждает находчика, а сами вещи ... в один из государственных или общественных музеев, и так как наблюдение за исполнением этого закона возложено именно на чинов полиции, то Арх. Ком. имеет честь покорнейше просить Ваше Высококордие: 1) объявить уряднику Береженцеву, что приобретение им для собственного собрания случайно делаемых на казенных и общественных землях находок должно быть прекращено или же такие находки должны быть им представляемы в служебном порядке в Имп. Арх. Ком. 2) доставить в Арх. Ком. собранную Береженцевым до сих пор коллекцию в полном ее составе. Вещи должны быть представлены при перечневой описи, с указанием места находки» (Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук, далее – НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 95/1894. Л. 28–29).

Таким образом, действуя в том числе и через полицию, при получении сведений о том, что кто-то проводит раскопки на государственных и общественных землях и хранит коллекции, Императорская археологическая коллекция стремилась эту деятельность пресечь и находки переместить в Эрмитаж. Если присылаемые древности не соответствовали статусу эрмитажного собрания, то могли быть возвращены владельцу. При этом деятельность ИАК приводила к неоднозначным инициативам и действиям в провинции. С одной стороны, для некоторых купцов, например, переписка с ИАК и возможность подарить археологические находки Эрмитажу, позволяли почувствовать себя в роли мецената, но в то же время деятельность ИАК по покупке археологических находок вызвала новую волну кладоискательства, в которую активно включалось крестьянство, поскольку периодически, с целью стимулировать местное

население присылать найденные древности, выплачивалось щедрое вознаграждение. Так, «в 1892 г. в Археологическую комиссию через Вятский статкомитет было переслано 15 крупных находок. В их числе: клад серебряных монет XVI в. (около 1 тыс. экз.), серебряная чаша VIII–X в., за которую комиссия выслала находчику 100 руб. Столь щедрое вознаграждение “дано для устранения крестьянами утайки в будущем”. Имея в те годы 100 рублей, крестьянин-бедняк мог стать зажиточным и крепким хозяином. Гривны, кольца, каменный топор, скелет “доисторического животного” – все это входило в состав находок года, хотя оплачивалось гораздо скуднее (от 1 до 10 рублей)» [2, с. 223–224].

Лихорадка кладоискательства охватывала целые деревни: «Раскопки ведутся партиями человек по 5–10, чаще по ночам, но в лесах и горах – во всякое время. Иногда подымались на курганный промысел целые станицы. В 1894 г. в юрте Псебайской станицы найдены были несколькими иногородними ценные золотые предметы, и эта находка так возбуждающе подействовала на местное население, что все обратились в кладоискателей. Ничего крупного они не нашли, а хозяйство свое привели в разстройство. “У нас все копали, – говорили псебайцы, – кроме священника, который был в отпуску”» [4, с. 64].

Возникающие инициативы краеведческого характера среди интеллигенции – путешествия, экскурсии, осмотры местности (внутренний туризм) – также порождали новый вид предпринимательства для местных крестьян – продажу археологических находок на сувениры. Так, в 1911 г. пермский краевед И.Я. Кривошеков отмечал: «...Масса чудских находок разошлись по России, будучи развезена туристами и любителями диковинок. Обилие чудских изделий, находимых жителями в течение многих десятилетий на “Пилинском”, породило особый промысел, вещи эти предлагаются для покупки всем заезжим лицам и по довольно приличной цене» [11, с. 98].

Такое отношение крестьянства к археологическим находкам, когда они либо рассматривались в качестве источника металла и переплавлялись в большом количестве, либо отдавались в качестве игрушек детям, или, по-прежнему вызывая страхи, служили источником опасности и потому от них избавлялись (например, топили в реке), для представителей высокой

культуры было знаком невежества, с которым необходимо бороться с помощью новых образовательных практик. Примером такой новой риторики, появившейся в конце XIX – начале XX вв., является одна из заметок в «Известиях Императорской археологической комиссии»: «Забитый и невежественный наш народ, умеющий среди житейских насущных забот уважать старину только в виде клада – богатства, к остальному равнодушен. Иное значение старины ему недоступно, и редчайшие образчики древнего быта или приспособляются к современным житейским нуждам, или отдаются в игрушки ребятишкам. Одни лишь старообрядцы дорожат родной стариной, и им многим обязана русская археология. В то время, как Европа начинает искусственно подделывать старину, мы на памятники древности, на их охрану и изучение смотрим, как на роскошь. Мы говорим о патриотизме. Но где нам набираться настоящего отчизнолюбия, когда мы не знаем родной земли ни в прошлом, ни в настоящем. Между тем истинное отчизнолюбие, между прочим, зиждется на осмысленном отношении к родной культуре» [6, с. 51].

Кроме государственной инициативы, связанной с созданием Императорской археологической комиссии, в 1864 г. была реализована и первоначальная частная инициатива. А.С. Уваров, не получив должности в ИАК, создал Московское археологическое общество (МАО). Нужно сказать, что формы работы МАО были выбраны очень успешно, с расчетом на поддержку сложившихся в регионах сообществ, связанных с археологическим изучением территорий. Целью МАО была заявлена «русская археология», а поскольку фигура А.С. Уварова была известна, то в круг членов общества вошли в том числе и известные историки (В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев), художники и т.д.

Одним из «рычагов влияния» Московского археологического общества на провинциальную Россию стали археологические съезды, которые проходили в разных российских городах. Кроме того, МАО выходило на частных коллекционеров древностей, приглашая их участвовать в выставках, которые организовывались при археологических съездах, а также инициировало публикацию коллекций и их изучение.

Проведение археологических съездов, новой для России публичной практики, приводило к постоянному расширению круга людей, интере-

сующихся древностями и их изучением. А поскольку членом общества мог стать коллекционер, не зависимо от социального статуса, то и количество собирателей тоже росло. Так, например, казанский купец В. Заусайлов, посетив археологический съезд в Казани в 1877 г., принял решение заняться первобытной археологией, собрал коллекцию и издал каталог. Свою коллекцию В. Заусайлов в основном собрал через покупку у крестьян находок: «Орудия в огромном большинстве случаев отыскивались таким образом, что я объезжал поочередно деревни губернии, и в каждой из деревень, по прибытии, собирал сведения, не имеет ли кто из жителей громовых стрел, так как только под этим названием известны крестьянам древние каменные орудия; оказавшиеся предметы покупались, – разумеется, при согласии на то владельцев. Только в очень немногих местностях мне удалось добыть каменные орудия путем производства раскопок» [8, с. 4].

В разных регионах страны в силу специфики внутренней колонизации складывались свои сообщества образованных людей, поддерживающих в конце XIX – начале XX вв. национальный дискурс. Например, в Казани такое сообщество было в первую очередь связано с университетом и университетской профессурой, которая еще с начала XIX в. собирала различные коллекции. В Пермском крае, как было указано выше, первыми коллекционерами и исследователями выступили бывшие крепостные Строгановых, так называемая «служительская интеллигенция». В Сибири исследования местной истории и географии проводили ссыльные – образованные люди, которым активное общение с Географическим обществом, например, позволяло как-то реализоваться профессионально. В Екатеринбурге сложилось сообщество образованных горных инженеров, которые также занимались научным изучением региона, собирали коллекции, основывали научные общества и музеи.

Общей тенденцией, связанной с коллекционированием и с регионалистикой, становится появление региональных музеев, которые в советское время получают общее название краеведческих. Потребность в региональных музеях как в просветительских публичных учреждениях высказывалась повсеместно. Весь вопрос был в том, при каких учреждениях подобные музеи должны открываться, каким образом их финансировать. Интересно, что обсуждалась и такая перспектива, как вменить коллекции и

функцию музеев церквям и монастырям, так как предполагалось, что крестьяне больше доверяют батюшкам и потому будут добровольно приносить найденные древности. Судя по документам, не только церковные древности могли заинтересовать священнослужителей. Так, например, отец Антоний, иеромонах Кирилло-Белозерского монастыря, собирал коллекцию местных древностей и быта. Но постепенно коллекция так разрослась, заполнив его келью, чердаки и лестницы, что ему «предложили или отказаться от занятий, “не соответственных монашескому званию”, или покинуть обитель. После больших колебаний он решился на последнее. Он отправился отыскивать монастырь, который согласился бы примириться с его слабостью. Дело, однако, оказалось не таким легким. За отсутствием подходящих помещений, обители решительно отказывались принять коллекции, и им грозила бы печальная участь разорения, если бы вопросом этим не заинтересовался петербургский археологический институт» [15, с. 39].

Таким образом, используя метафору внутренней колонизации применительно к такому сюжету российской истории, как собирание древностей и практики обращения с ними, можно обозначить несколько периодов в их эволюции. Начало внутренней колонизации, а именно продвижение государства на Урал и в Сибирь, связано не только с расширением территорий вслед за меховым путем, но и с «углублением» в скрытые под землей культуры, вычерпыванием золотых и серебряных древностей. Как и пушнина, «серебро закамское» и золото сибирских курганов шло на поддержание государственного аппарата, переплавляясь в слитки.

На следующем этапе внутренней колонизации, связанном с деятельностью Петра I, под влиянием модернизации по европейскому образцу государство приняло на себя инициативу коллекционирования древностей, их легитимации в качестве государственных ценностей. В этот период за образец была взята модель европейской кунсткамеры, в которой собирались необычные предметы со всего света, прежде всего – европейских колоний. По примеру Петра I кабинеты редкостей начали собирать и дворяне, особенно близкие к придворной культуре и имеющие возможность путешествовать по европейским странам.

С начала XIX в. появился концепт «отечественных древностей» и практически одновременно с этим возникла идея создания национального музея. Дискурс нациестроительства влиял как на практики коллекционирования, так и на появление музеев, визуализирующих национальную историю (сначала частных, а потом и публичных).

Конструирование общенациональной истории позволяло включаться в эти процессы разным социальным группам, поскольку прошлое можно было обнаружить всюду – и в археологических находках, и в старых рукописях, сохранявшихся на разных территориях, и в этнографических описаниях. Если художественное коллекционирование было невозможно без заграничных поездок или участия в столичной художественной жизни, то собирательство краеведческого характера было доступно практически любому интересующемуся историей человеку – крестьянину, ищущему клады, купцу, на свои деньги открывающему музей в провинции, чиновнику или университетскому профессору, вовлеченному в научные сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадер О.Н., Смирнов А.П. «Серебро закамское» первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение. М., 1954.
2. Бердинских В.А. Вятские историки. Ремесло истории в России. Киров, 2007.
3. Берх В.Н. Путешествие в город Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. Пермь: Издательство «Литер-А», 2009.
4. Веселовский Н. В защиту русской археологии // Известия Императорской археологической комиссии. 1907. Прибавление к вып. 21. С. 63–65.
5. Вольтер Ф. История Российской империи в царствование императора Петра Великого. Кн. 2. М., 1809.
6. Грибовский В. Охрана старины // Известия Императорской археологической комиссии. 1906. Прибавление к вып. 18. С. 50–51.
7. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976.
8. Древние орудия, собранные в пределах Казанской губернии В.И. Заусайловым. Вып. 1. Казань: Типография окружного штаба, 1884.
9. Игнатъева О.В. Коллекционирование как способ репрезентации власти в России

XVIII века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 21–30.

10. Игнатъева О.В. От императорского музея – к музею национальному: значение частного коллекционирования в развитии национальной идеи в России XIX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 3. С. 56–61.

11. Кривошеков И.Я. Пермь Великая, ее живая старина и вещественные памятники: (Археолого-этнографические заметки по Чердынскому уезду с картой). Пермь, 1911.

12. Маршак Б.И. Серебро за меха // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006. С. 72–82.

13. Мельников П.И. Дорожные заметки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. 1841. № 9. С. 3–5, 52–65.

14. Носилов К.Д. У вогулов. Очерки и наброски. СПб., 1904.

15. Из Новгорода // Известия Императорской археологической комиссии. 1908. Прибавление к вып. 27. С. 39.

16. Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1. СПб.: Издание Имп. археологической комиссии, 1888.

17. Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2. СПб.: Издание Имп. археологической комиссии, 1891.

18. Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 3. СПб.: Издание Имп. археологической комиссии, 1894.

19. Сенатский указ «О покупке в [Сибири Курьезных вещей и о присылке оных в Берг – и Мануфактур-Коллегию» // Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830. С. 357.

20. Сенатский указ «О запрещении выходить из Сибири за границу на степи для отыскания в древних могилах кладов» // Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830. С. 832.

21. Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. Древности времен переселения народов. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1890.

22. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

23. Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Труды Ин-

ститута этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 113–134.

24. Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

REFERENCES

1. Bader, O.N. and Smirnov, A.P., 1954. «Serebro zakamskoe» pervykh vekov nashei ery. Bartymское mestonahozhdenie [Silver from the Kama River region dating from the first centuries of our era: the Bartym find]. Moskva, 1954. (in Russ.)

2. Berdinskikh, V.A., 2007. Vyatskie istoriki. Remeslo istorii v Rossii [Historians of Vyatka. The craft of history in Russia]. Kirov. (in Russ.)

3. Berkh, V.N., 2009. Puteshestvie v gorod Cherdyn' i Solikamsk dlya izyskaniya istoricheskikh drevnostei [A journey to the city of Cherdyn and Solikamsk to search for antiquities]. Perm: Izdatel'stvo «Liter-A». (in Russ.)

4. Veselovskii, N., 1907. V zashchitu russkoi arkheologii [In defense of Russian archeology], Izvestiya Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii. Pribavlenie k vyp. 21, pp. 63–65. (in Russ.)

5. Voltaire, F., 1809. Istoriya Rossiiskoi imperii v tsarstvovanie imperatora Petra Velikogo. Kn. 2 [History of the Russian Empire under Peter the Great. Book 2]. Moskva. (in Russ.)

6. Gribovskii, V., 1906. Okhrana stariny [Protection of antiquities], Izvestiya Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii. Pribavlenie k vyp. 18, pp. 50–51. (in Russ.)

7. Darkevich, V.P., 1976. Khudozhestvennyi metall Vostoka VIII–XIII vv.: Proizvedeniya vostochnoi torevtiki na territorii Evropeiskoi chasti SSSR i Zaural'ya [The decorative metal of East of the 8th–13th centuries. The works of Eastern toreutics in the territory of European part of the USSR and Trans-Ural region]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

8. Drevnie orudiya, sobrannye v predelakh Kazanskoi gubernii V.I. Zausailovym. Vyp. 1 [Ancient tools collected on the territory of Kazan Province by V.I. Zausailov. Issue 1]. Kazan: Tipografiya okruzhnogo shtaba, 1884. (in Russ.)

9. Ignatieva, O.V., 2015. Kolleksionirovanie kak sposob reprezentatsii vlasti v Rossii XVIII veka [Collecting as a form of power representation in the XVIIIth century Russia], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 21–30. (in Russ.)

10. Ignatieva, O.V., 2016. Ot imperatorskogo muzeya – k muzeyu natsional'nomu: znachenie chastnogo kollektсионirovaniya v razvitiі natsional'noi idei v Rossii XIX v. [From imperial to national museum: the importance of private collecting for the development of national ideas in XIXth century Russia], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 56–61. (in Russ.)
11. Krivoshchekov, I.Ya., 1911. Perm' Velikaya, ee zhivaya starina i veshchestvennye pamyatniki: Arkheologo-etnograficheskie zametki po Cherdynskomu uezdu s kartoi [Great Perm, its folklore and material legacy: notes in archaeology and ethnography of Cherdynsky Uyezd with a map]. Perm. (in Russ.)
12. Marshak, B.I., 2006. Srebro za mekha [Silver for furs]. In: Vizantiiskaya ideya. Vizantiya v epokhu Komninov i Paleologov. Sankt-Peterburg: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2006, pp. 72–82. (in Russ.)
13. Mel'nikov, P.I., 1841. Dorozhnye zametki na puti iz Tambovskoi gubernii v Sibir' [Travel notes on a way from Tambov Province to Siberia], Otechestvennye zapiski, no. 9, pp. 3–5, 52–65.
14. Nosilov, K.D., 1904. U vogulov. Ocherki i nabroski [Among the Voguls: essays and sketches]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
15. Iz Novgoroda [From Novgorod], Izvestiya Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii, 1908, pribavlenie k vyp. 27, p. 39. (in Russ.)
16. Radlov, V.V., 1888. Sibirskie drevnosti. T. 1. Vyp. 1 [Siberian antiquities. Vol. 1. Issue 1]. Sankt-Peterburg: Izdanie Imp. arkheologicheskoi komissii. (in Russ.)
17. Radlov, V.V., 1891. Sibirskie drevnosti. T. 1. Vyp. 2 [Siberian antiquities. Vol. 1. Issue 2]. Sankt-Peterburg: Izdanie Imp. arkheologicheskoi komissii. (in Russ.)
18. Radlov, V.V., 1894. Sibirskie drevnosti. T. 1. Vyp. 3 [Siberian antiquities. Vol. 1. Issue 3]. Sankt-Peterburg: Izdanie Imp. arkheologicheskoi komissii. (in Russ.)
19. Senatskii ukaz «O pokupke v Sibiri Kur'eznykh veshchei i o prisylyke onykh v Berg – i Manufaktur-Kollegiyu» [Senate's decree «On the purchase of curious things in Siberia and on sending them to Collegium of Mining and Manufacturing». In: Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. VI. Sankt-Peterburg, 1830, p. 357. (in Russ.)
20. Senatskii ukaz «O zapreshchenii vykhodit' iz Sibiri za granitsu na stepi dlya otyskaniya v drevnikh mogilakh kladov» [Senate's decree «On the prohibition to leave the boundaries of Siberia for steppes to search for treasures in ancient graves». In: Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. VI. Sankt-Peterburg, 1830, p. 832. (in Russ.)
21. Tolstoi, I.I. and Kondakov, N.P., 1890. Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva. Vyp. 3. Drevnosti vremen pereseleniya narodov [Russian antiquities in works of art. Issue 3. Antiquities of the times of Migration Period]. Sankt-Peterburg: Tip. M-va putei soobshcheniya. (in Russ.)
22. Etkind, A., 2013. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii [Internal colonization: Russia's imperial experience]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
23. Chernetsov, V.N., 1947. K voprosu o proniknovenii vostochnogo srebra v Priob'e [To the issue of the spread of eastern silver products in the Ob region]. In: Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya. T. 1. Moskva; Leningrad, 1947, pp. 113–134. (in Russ.)
24. Chernetsov, V.N., Moshinskaya, V.I. and Talitskaya, I.A., 1953. Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya [Ancient history of the Lower Ob region]. Moskva: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)

С.А. Власов*

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В статье представлен анализ реализации государственной жилищной политики на Дальнем Востоке за весь период существования советской власти. Автор полагает, что изначально органами центральной и местной власти не ставилась задача по ликвидации жилищного кризиса в регионе, который разразился после окончания Гражданской войны. Целенаправленная жилищная политика стала формироваться в годы индустриализации, ее целью было обеспечить хотя бы примитивным жилищем рабочих существующих и строящихся промышленных предприятий. Для партийно-хозяйственной номенклатуры, отдельных передовиков производства, представителей научно-технической и творческой интеллигенции возводились благоустроенные дома, в которых предоставлялись отдельные квартиры. В 1957 г. в жилищной политике произошли изменения: началось широкомасштабное строительство, был изменен принцип распределения жилья – отныне каждая семья, независимо от социального или профессионального статуса ее членов, могла получить от государства отдельную благоустроенную квартиру. Как показывает анализ, в годы массового строительства значительный рост объемов введенного в эксплуатацию жилья был достигнут за счет дополнительного финансирования, внедрения в производство типовых проектов, применения новых технологий. Автор заключает, что за 1960-е – 1980-е гг. в реализации жилищной политики удалось добиться некоторых достижений – большинство дальневосточников улучшили свои жилищные условия, однако полностью решить жилищную проблему не удалось.

Ключевые слова: Дальний Восток, советский период, жилищная проблема, жилищная политика, жилищное строительство

Implementation of the state housing policy in the Soviet Far East. SERGEY A. VLASOV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article presents an analysis of the implementation of the Soviet state housing policy in the Far East – from the end of the Civil War until the collapse of the Soviet Union. The author believes that initially the central and local authorities did not set out to eliminate the housing crisis in the region, which erupted after the end of the Civil War. A targeted housing policy began to take shape during the years of industrialization and was aimed at providing at least a primitive housing for workers of existing and new industrial enterprises. Comfortable houses with individual apartments were erected for the representatives of party elite, scientific, technical and creative intelligentsia, as well as best workers. 1957 marked a great change in the housing policy: large-scale construction

* ВЛАСОВ Сергей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: vlasov54@bk.ru

© Власов С.А., 2021

began, the principle of housing distribution was changed – from now on, each family, regardless of the social or professional status of its members, could count for a comfortable individual apartment provided by the Soviet state. The author concludes that although during the 1960s and 1980s the implementation of the housing policy was rather effective and most citizens of the Soviet Far East had improved their living conditions, nevertheless the housing problem was not fully resolved.

Keywords: Soviet Far East, housing problem, housing policy, housing construction

Осенью 1922 г. после окончания Гражданской войны, ликвидации Дальневосточной республики и включения ее территории в состав Советской России на Дальнем Востоке стала проводиться жилищная политика, которая к этому времени уже несколько лет действовала по всей стране. Ее главным содержанием была экспроприация жилищного фонда и его перераспределение в пользу трудящегося населения. Официально, согласно рекомендациям Наркомздрава РСФСР, была установлена минимальная санитарная норма в 8,25 кв. м жилой площади, необходимая одному человеку для нормальной жизнедеятельности. Со временем норма незначительно увеличилась (до 9,1 кв. м). Эта цифра и стала ориентиром в дальнейших расчетах и решениях по перераспределению жилья, проводимому местной властью. Все собственники жилья обязаны были, оставив себе необходимый минимум, сдать излишки государству в лице муниципальной власти, которая перераспределяла ее для заселения нуждающимися.

Законодательная основа перераспределения жилищного фонда определялась Декретом ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» [5, с. 232–236]. Вследствие принятия Декрета бывшие собственники переходили в категорию нанимателей и наравне с другими нанимателями обязаны были оплачивать занимаемую жилую площадь. Кроме того, согласно Декрету, право на жилищное строительство сосредоточивалось исключительно в руках местной власти.

Мероприятия по экспроприации жилья на Дальнем Востоке начались весной 1923 г. Так, в г. Благовещенске в апреле 1923 г. у бывших собственников было отторгнуто более 200 домов; все это были добротные, не требующие ремонта строения (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока,

далее – РГИА ДВ. Ф. Р-1810. Оп. 1. Д. 23. Л. 32). Во Владивостоке в результате изъятия частновладельческих строений в 1923–1925 гг. муниципальный жилой фонд возрос и составил 191 тыс. кв. м или 32% всего городского жилого фонда (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. 85. Оп. 1. Д. 31. Л. 60).

Однако решить жилищный вопрос только за счет перераспределения даже по минимальным установленным нормам не удалось. Жилищное строительство не велось, существующий жилой фонд не увеличивался, а с каждым годом постепенно сокращался, т.к. капитальный и текущий ремонт не проводился, жилье ветшало, приходило в негодность. Население росло, что сказывалось на жилищной обеспеченности. В 1926 г. в городах Дальнего Востока на одного жителя приходилось менее половины жилищной нормы: во Владивостоке – 4,48 кв. м, в Хабаровске – 4,1 кв. м [8, с. 32].

Тем не менее, до начала индустриализации местное партийное руководство лишь констатировало, что в Дальневосточном крае наблюдается жилищный кризис, жилищно-бытовые условия отвратительные, жилые помещения находятся в полуразрушенном состоянии, о чем было заявлено в марте 1927 г. на VIII Дальневосточной краевой партконференции (Государственный архив Хабаровского края, далее – ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 36. Л. 20–36). Начавшаяся индустриализация потребовала приступить к решению жилищной проблемы, чтобы обеспечить промышленное развитие региона дополнительной рабочей силой, для размещения которой необходимы были жилые помещения. Поэтому по мере развертывания индустриализации начинается так называемое ведомственное строительство жилья крупными предприятиями, которое в общем объеме существенно превосходит муниципальное. Однако рост городского населения опережает прирост жилищного фонда, что обостряет жилищную

проблему. Так, в Хабаровске численность горожан росла намного быстрее, чем темпы жилищного строительства, поэтому тенденция по сокращению жилой площади, приходящейся в среднем на одного жителя города, приняла устойчивую динамику. В 1933 г. на одного чел. приходилось 3,2 кв. м., в 1935 г. – 2,8 кв. м, в 1937 г. – 2,6 кв. м. Качество жилья было крайне низким. Весь жилой фонд города составлял примерно 425–430 тыс. кв. м. Каменных зданий имелось лишь 2,9%, остальные были деревянными и смешанными, 75,5% жилфонда находилось в неудовлетворительном и ветхом состоянии. Из 5,5 тыс. жилых зданий центральное отопление имели только 1,0% домов, канализацию – 2,3%, водопровод – 3,8% (ГАХК. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 48. Л. 51–52).

Не менее сложной жилищная проблема была в другом крупном Дальневосточном городе – Владивостоке. Здесь также, как и в Хабаровске, рост населения и низкие темпы жилищного строительства вели к снижению обеспеченности горожан жильем. В 1931 г. на одного человека приходилось 3,8 кв. м, в 1934 г. – 3,2 кв. м, в 1936 г. – 2,1 кв. м. (ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 105. Л. 217–218). Рабочие крупнейшего предприятия города, завода им. Ворошилова (Дальзавода), и их семьи размещались в бараках, ютились во временных пристройках и даже частично в палатках (ГАПК. Ф. 85. Оп. 1. Д. 90-в. Л. 1).

Еще хуже ситуация была в местах нового промышленного строительства – Комсомольске-на-Амуре, Сучане и других районах, где в рамках индустриализации расширялись старые, строились и открывались новые предприятия. В Комсомольске-на-Амуре для размещения рабочих требовалось 118 тыс. кв. м жилплощади, а имелось всего 42 тыс. кв. м, дефицит жилой площади составлял 76 тыс. кв. м (данные на середину 1930-х гг.). Основным жилищем были бараки, где в первую очередь размещали семейных, причем в одной комнате нередко проживали по две-три семьи. Часть первостроителей обитала в так называемом «копай-городе», где жилищами служили землянки и наспех сколоченные временки из подручных стройматериалов (ГАХК Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1351. Л. 45). На шахты Сучана в середине 1930-х гг. приезжали новые рабочие, но даже простейших построек для их вселения не было, поэтому устраивались они в палатках, а некоторые семьи с малолетними детьми временно размещали в

производственных помещениях (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 978. Л. 61). В других районах Дальнего Востока, где индустриализация не проводилась, жилищное строительство практически не велось. В Николаевске-на-Амуре за 1933–1936 гг. был построен всего один четырехквартирный дом, поэтому не удивительно, что на одного горожанина в среднем приходилось 2,5 кв. м жилплощади (данные на 1937 г.) (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 978. Л. 150).

Стремясь как-то улучшить жилищную ситуацию, власти решают, что помимо государственного (ведомственного и муниципального строительства), нужно проводить индивидуальное строительство силами самих рабочих и служащих, хотя фактически это строительство являлось разновидность ведомственного, поскольку его могли вести работники крупных промышленных предприятий, входивших в структуру союзных наркоматов. Согласно правилам кредитования индивидуального жилищного строительства, списки застройщиков, по которым выдавались ссуды на строительство, и размеры ссуд каждому устанавливались директорами предприятий. Сама выдача ссуд производилась банком через предприятие, где трудились рабочие и служащие, желающие вести индивидуальное строительство [16, с. 705–706]. Предприятия, где работали застройщики-индивидуалы, помогали им в получении стройматериалов и их доставке. Земельные участки под строительство выделялись не отдельным лицам, а производственным коллективам, которые распределяли их, исходя из того, как трудился рабочий или служащий, желающий построить себе небольшой домик. Так, во Владивостоке для работников Дальзавода был выделен район, расположенный в восточной части города, где в 1937 г. было построено 74 индивидуальных дома [4, с. 136].

Партийно-хозяйственная номенклатура была обеспечена жильем намного лучше, для ее представителей в крупных городах СССР строили дома с благоустроенными квартирами, что стало частью государственной жилищной политики после выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О постройке домов для специалистов» [14]. Так, в Хабаровске, который до осени 1938 г. был административным центром Дальневосточного края, для местного чиновничества, высокопоставленных военнослужащих, работников силовых структур в середине 1930-х гг. велось строительство сразу

нескольких многоквартирных домов со всеми коммунальными услугами (ГАХК. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 48. Л. 51–52).

Во Владивостоке во второй половине 1930-х гг. были построены два многоэтажных (7 и 8 этажей) жилых дома, получивших у горожан название «Серая лошадь». Каждой семье выделялась отдельная благоустроенная квартира с водопроводом, паровым отоплением, горячим водоснабжением, канализацией; в доме имелся мусоропровод [4, с. 136].

Фактически, с середины 1930-х гг. в стране негласно стала проводиться дифференцированная жилищная политика, согласно которой 75% населения (семейные) обеспечивались простым жильем в виде комнаты в коммунальной квартире (общая кухня и санузел) или бараке (без коммунальных услуг); 20% населения (одинокие и холостые) заселялись в упрощенное жилье – общежития, казармы, бараки; 5% населения (партийно-административная и инженерно-техническая номенклатура) получали на семью отдельную благоустроенную квартиру [9, с. 99].

В годы Великой Отечественной войны жилищное строительство было приостановлено и велось в крайне ограниченных масштабах, при этом возводимые дома представляли из себя одноэтажные примитивные постройки, выполненные из дерева.

В послевоенные годы в силу объективных обстоятельств, когда нужно было восстанавливать западные районы, пострадавшие от боевых действий в ходе Великой Отечественной войны, а также выделять значительные средства на развитие военно-промышленного комплекса в связи с началом холодной войны, у государства (в лице министерств, ведомств и местных муниципалитетов) не было возможности вести активную жилищную политику. В то же время потребность в жилье была огромной, в связи с чем было решено исправлять ситуацию за счет самих трудящихся (индивидуальное домостроение). В августе 1946 г. вышло постановление Совета Министров СССР «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих, инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» [18, с. 332–334]. Согласно постановлению, желающим улучшить жилищные условия предоставлялась возможность своими силами построить небольшой двух или трехкомнатный дом. Покупка строи-

материалов и все прочие расходы, связанные со строительством, покрывались за счет государственного кредита, сумма которого составляла 8 тыс. руб. для двухкомнатного дома из дерева, 10 тыс. – для дома из кирпича. Срок погашения кредита составлял 10 лет с взиманием за пользование кредитом 1% в год. Для тех, кто хотел построить трехкомнатный деревянный рубленый дом, кредит предоставлялся в размере 10 тыс. руб., а на строительство каменного трехкомнатного дома выдавался кредит в 12 тыс. руб. Срок погашения в этом случае составлял 12 лет.

Ставка на индивидуальное домостроение не означала, что государство устранилось от решения жилищной проблемы. Государственный контроль над процессом осуществлялся через выдачу кредитов и решения руководителей государственных предприятий по выбору тех, кому будет предоставлено такое право – построить для своей семьи небольшой дом без коммунальных удобств. Нужно еще учитывать, что без помощи со стороны администрации предприятия в приобретении стройматериалов, предоставлении автотранспорта по их доставке, приглашении специалистов для проведения сложных строительных работ, построить дом было невозможно. Поэтому застройщики во многом зависели от предприятия, на котором работали, и попасть в их число было непросто, шел отбор. Право на индивидуальное строительство предоставлялось в первую очередь передовикам производства.

Широкое распространение индивидуальное строительство получило в Приморском и Хабаровском краях. В 1946 г. во Владивостоке было выдано 1300 разрешений на строительство индивидуальных домов (ГАПК. Ф. 26. Оп. 22. Д. 18. Л. 93). В г. Имане (Дальнереченск) в 1948–1949 гг. индивидуальными застройщиками было построено 176 домов, в Уссурийске за три года (1948–1950) – 715 домов, общая жилая площадь которых составила 25 тыс. кв. м (ГАПК. Ф. 26. Оп. 24. Д. 87. Л. 13).

В Хабаровском крае индивидуальное строительство получило развитие в Комсомольске-на-Амуре, где в 1946–1947 гг. горожанами было построено свыше 500 индивидуальных домов. Среди предприятий, которые оказывали активную помощь индивидуальным застройщикам, был авиационный завод: его работники за два года построили 130 домов общей жилой площадью 4 тыс. кв. м [3, с. 39]. В Николаевске-на-Амуре за три года (1947–1949 гг.) было

построено более 200 индивидуальных домов, в Хабаровске за годы пятой пятилетки (1951–1955 гг.) – 1616 домов [21, с. 87].

Как и в довоенные годы, основной объем возводимого жилья (многоквартирные дома средней этажности с благоустроенными квартирами) приходился на ведомственное строительство. Жилье строили прежде всего в крупных городах – административных и промышленных центрах Дальнего Востока, а также в средних и малых городах, где располагались промышленные предприятия союзного и республиканского значения. Так, в Комсомольске-на-Амуре, промышленном центре Дальнего Востока, за первую послевоенную пятилетку (1946–1950 гг.) в эксплуатацию сдали 50 тыс. кв. м жилой площади [3, с. 30].

В Амурской области городом, где активно велось жилищное строительство, был Райчихинск – второй по численности после Благовещенска город в области, крупный региональный центр угледобычи. Жилищное строительство в Райчихинске составляло почти 40% от общего объема жилья, возводимого в Амурской области. Так, в 1951–1952 гг. по области было сдано в эксплуатацию 115 тыс. кв. м жилья, а в одном Райчихинске – 46,2 тыс. кв. м (Государственный архив Амурской области. Ф. 114. Оп. 2. Д. 649. Л. 143).

В сельской местности в послевоенные годы жилье строили в первую очередь для переселенцев, которые приезжали из западных районов страны и селились в сельскохозяйственных районах юга Дальнего Востока – Приморском и Хабаровском краях, Амурской области. Предоставление отдельного дома переселенческой семье было одним из главных стимулов для переезда. Жилье закреплялось за переселенцами с условием – отработать в течении десяти лет в том колхозе, который за счет государственного кредита построил дом. Иногда к приезду переселенцев дома не были готовы, поэтому некоторые из них возвращались назад или искали работу в городах. Так, за 1947–1949 гг. в сельскохозяйственные колхозы Хабаровского края переселилось 2311 семей, но закрепилось (по состоянию на 1 января 1950 г.) только 1766 переселенческих семей, из них 1517 семей были обеспечены домами, 249 семей ожидали их достройки (ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 14. Д. 160. Л. 171, 173).

В годы хрущевской «оттепели» в жилищной политике произошла своеобразная рево-

люция. Изменения были связаны с тем, что государство предприняло попытку обеспечить отдельной благоустроенной квартирой каждую советскую семью, независимо от социального и профессионального статуса ее членов. 31 июля 1957 г. вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором ставилась задача в кратчайшие сроки достигнуть значительного прироста жилищного фонда, чтобы в ближайшие 10–12 лет покончить с недостатком в жилищах [19, с. 359].

В проектирование, строительство и распределение жилья вносятся существенные изменения. Чтобы обеспечить все советские семьи отдельными квартирами и ликвидировать практику покомнатного, или, как его называли, «коммунального» заселения, нужно было значительно повысить объемы возводимого жилья. Для этого в строительство стали внедряться типовые проекты жилых домов с так называемыми экономичными малометражными квартирами. Основная идея, заложенная в основу проектирования таких жилых помещений, заключалась в том, чтобы ликвидировать все «удорожающие» факторы (отделку фасадов, высокие потолки, просторные коридоры и кухни и т.д.), оставив минимальные коммунальные удобства (ванна, туалет). Перед архитекторами и строителями ставилась задача: снизить стоимость отдельной квартиры на 30–35%, чтобы за счет сэкономленных средств строить новое жилье.

Для ускорения сроков возведения жилых домов с конца 1950-х гг. в строительстве стали широко применять новую технологию – крупнопанельное домостроение и создание домостроительных комбинатов (ДСК). Первые ДСК в нашей стране появились в Ленинграде, они осуществляли полный цикл работ – от производства панелей на заводах железобетонных конструкций, их транспортировки на стройплощадки, монтажа, отделочных работ до ввода в эксплуатацию готовых зданий.

На Дальнем Востоке крупнопанельное домостроение стало внедряться с 1960 г., когда были построены первые подобные дома во Владивостоке, Уссурийске, Комсомольск-на-Амуре. Осенью того же года во Владивостоке вступил в эксплуатацию завод крупнопанельного домостроения мощностью 35 тыс. кв. м жилой площади в год. В дальнейшем домостроительные комбинаты появились и в других городах

региона. В 1970-е гг. крупнопанельное домостроение заняло ведущие позиции в жилищном строительстве на Дальнем Востоке. Так, в Хабаровском крае удельный вес крупнопанельного домостроения в общем объеме жилищного строительства составлял 56%, а ведущая строительная организация края – Главдальстрой – возводила подобным методом 68% жилья (ГАХК. Ф. Р-1853. Оп. 1. Д.904. Л. 91). В целом по региону более половины всего вводимого в эксплуатацию жилья выполнялось из крупных панелей, дома из которых были дешевле, сроки их возведения короче. Эти два обстоятельства оказались решающими в пользу выбора крупнопанельного домостроения. Именно благодаря ему в строительном производстве был достигнут технологический прорыв, позволивший ускоренными темпами решать жилищную проблему, переселить сотни тысяч дальневосточников из бараков, ветхого и аварийного жилья в благоустроенные квартиры. Поэтому при всех его издержках (невысокое качество, однообразность застройки) приоритет, отданный развитию этой строительной технологии, себя оправдал. Крупнопанельное домостроение стало главным средством реализации новой государственной жилищной политики по обеспечению жильем всех граждан в сжатые сроки.

Перемены, произошедшие в государственной жилищной политике в конце 1950-х гг., коснулись и сельских жителей – в селах начинают строить не только жилье усадебного типа для переселенцев: возводятся дома с коммунальными удобствами, квартиры в которых получают представители сельской интеллигенции (агрономы, зоотехники, врачи, учителя). Строительство типовых многоквартирных домов в селах было связано с тем, что в 1961 г. на XXII съезде КПСС была принята программа построения в СССР коммунистического общества. Согласно партийным идеологам, жилищное строительство на селе должно было способствовать стиранию социально-экономических различий между рабочими и крестьянами, сближению города и деревни. Этот процесс должен был привести к постепенному преобразованию колхозных деревень в населенные пункты городского типа [17, с. 85].

На Дальнем Востоке благоустроенное жилье в селах строилось в первую очередь в райцентрах и в крупных совхозах, его объемы были не столь велики в сравнении с традиционным для села строительством домов усадебного

типа с надворными постройками и приусадебным земельным участком. Благоустроенного жилья на селе возводили намного меньше, чем в городах, поэтому в целом сельское жилище уступало городскому в комфортности, а сельские жители были обеспечены жилищно-коммунальными услугами намного хуже горожан. В целом по Дальнему Востоку сельские дома имели низкую обеспеченность коммунальными услугами: водоснабжение имели лишь 20% квартир, канализацию – 15%, центральное отопление – 15%, горячей водой снабжалось всего 5% квартир [6, с. 29].

В годы советской власти государство полностью контролировало процесс строительства и распределения жилья, граждане могли получить его либо по месту работы (на предприятии, в учреждении), либо по месту жительства от муниципалитета (местного гор-, райисполкома). Ожидание улучшения жилищных условий для некоторых семей растягивались на долгие годы, занимая иногда до 10–15 лет, что создавало известное недовольство, особенно среди тех категорий граждан, кто хорошо зарабатывал, но в силу сложившихся порядков не мог решить жилищную проблему путем покупки жилья. В годы «оттепели», когда доходы и уровень благосостояния населения заметно выросли, правительство вполне разумно предположило, что часть наиболее обеспеченных граждан способны выделить свои собственные средства на приобретения жилья через систему жилищно-строительных кооперативов (ЖСК) и не ждать в очереди, когда государство выделит им благоустроенную квартиру. 20 марта 1958 г. вышло постановление Совета Министров СССР «О жилищно-строительной и дачно-строительной кооперации», в котором разрешалось создавать ЖСК для строительства жилья за счет средств пайщиков. Этой возможностью в основном воспользовались жители Москвы и Ленинграда, где имелось достаточно состоятельных, по советским меркам, людей. К началу 1962 г. в стране насчитывалось всего 20 жилищно-строительных кооперативов [2, с. 92]. На Дальнем Востоке за 1958–1962 гг. не было создано ни одного ЖСК.

Новый этап в развитии жилищно-строительной кооперации начался после того, как ЦК КПСС и Совет Министров СССР 1 июня 1962 г. приняли постановление «Об индивидуальном и кооперативном жилищном строительстве». Этим постановлением разрешалось начинать

строительство жилых домов для ЖСК при внесении в банк средств пайщиков в размере не менее 40% стоимости дома, на остальную сумму кооперативу предоставлялся государственный кредит на срок 10–15 лет с погашением его ежегодно равными долями [20, с. 93]. Таким образом, квартиру член ЖСК получал в рассрочку (в кредит), оплатив изначально лишь 40% ее стоимости. С 1962 г. начинается заметное развитие жилищных кооперативов, они появились не только в Москве и Ленинграде, но и в других городах. Уже в 1963 г. в РСФСР их число достигло более одной тысячи, они объединили 102,1 тыс. чел., за счет средств ЖСК было введено в эксплуатацию жилых домов общей площадью 1277 тыс. кв. м [10, с. 367].

Жилищно-кооперативное строительство развернулось и на Дальнем Востоке. В 1963 г. первые кооперативы появились во Владивостоке и Хабаровске. Во Владивостоке было создано сразу четыре ЖСК, уже в конце года два первых кооперативных дома были сданы в эксплуатацию, еще два – летом 1964 г. В том же году жилищно-строительный кооператив был организован в Уссурийске, в 1965 г. в Приморском крае насчитывалось 9 кооперативных домов, их жилая площадь составляла 20 тыс. кв. м (ГАПК. Ф. 26. Оп. 33. Д. 811. Л. 69).

В Хабаровске в 1964 г. создали семь кооперативов, за счет средств пайщиков за год построили 9 тыс. кв. м жилой площади, в 1968 г. – уже 12,4 тыс. кв. м. (ГАХК. Ф. Р-904. Оп. 10. 691. Л. 68). ЖСК появились и в других городах Хабаровского края – Комсомольске-на-Амуре и Биробиджане.

В других районах Дальнего Востока жилищно-строительные кооперативы не получили такого развития, как в Приморском и Хабаровском краях. Если в Амурской области главной причиной, по которой трудящиеся неохотно вступали в ЖСК, являлось отсутствие необходимых средств, то в северных районах Дальнего Востока у людей деньги были, но они предпочитали их вкладывать в строительство жилья в западных областях страны, т.е. в местах с более благоприятным климатом и лучшей социально-культурной инфраструктурой.

В 1966–1970 гг. всеми ЖСК Дальнего Востока было построено жилых домов общей площадью 257 тыс. кв. м, в 1971–1975 гг. примерно столько же – 251 тыс. кв. м [11, с. 344]. В дальнейшем объемы кооперативного строительства оставались на том же уровне.

За годы массового жилищного строительства, несмотря на определенные достижения по обеспечению отдельными благоустроенными квартирами советских граждан, решить жилищную проблему не удалось. Поэтому в годы перестройки, когда новым Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым и его соратниками была предпринята попытка дать стране ускоренное развитие, поднять социалистическое общество на новый, более высокий уровень развития, государственная жилищная политика получила новый импульс – стала реализовываться программа «Жилье 2000». Ее цель заключалась в том, чтобы к 2000 г. обеспечить каждую семью отдельной квартирой или домом. Положения программы были сформулированы в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 апреля 1986 г. «Об основных направлениях ускорения решения жилищной проблемы в стране». В частности, предлагалось увеличить объемы государственного подрядного строительства, которое вели специализированные строительные объединения и тресты; расширить строительство силами предприятий и организаций; поддержать инициативу по развитию молодежных жилищных комплексов (МЖК) [7, с. 257]. Весь смысл предпринимаемых мер сводился к значительному росту объемов жилищного строительства.

Для Дальнего Востока в рамках жилищной программы на ближайшее пятилетие (1986–1990 гг.) планировалось построить 22,7 млн. кв. м жилой площади [15, с. 9]. Для сравнения отметим, что за предыдущие пять лет (1981–1985 гг.) на Дальнем Востоке построили 14,7 млн. кв. м [12, с. 248–249], т.е. рост предусматривался на 65%.

Очевидно, чтобы справиться с планами, поставленными партией и правительством, требовалось в кратчайшие сроки усилить мощности существующей базы строительной индустрии и промышленности строительных материалов, нарастить на этой основе производственные возможности подрядных строительных организаций. Кроме этого предполагалось: увеличить до 25–30% объемы строительства хозяйственным способом, т.е. силами промышленных и сельскохозяйственных предприятий, когда они использовали собственные средства, технику, рабочую силу; повысить вклад в строительство жилья молодежных жилищных комплексов; возродить в городах и увеличить в селах индивидуальное строительство.

На Дальнем Востоке движение МЖК получило наибольшее развитие в Приморском крае: в Находке был создан первый в регионе молодежный жилищный комплекс, его учредителями, взявшими обязательство финансировать строительство, стали крупные предприятия. Два первых дома на 110 квартир сдали в эксплуатацию в 1987 г. Всего за семь лет деятельности Находкинский МЖК построил 25 тыс. кв. м жилья, 475 семей молодых рабочих получили квартиры [1, с. 64].

В целом по Дальнему Востоку движение МЖК не получило должного развития, что было связано с реальными возможностями регионального строительного комплекса: мощностью предприятий стройиндустрии, условиями финансирования, кадровым обеспечением. Возникли проблемы и в отношениях с местными властями, которые поначалу отнеслись к этому движению без особого энтузиазма. Молодежная инициатива с большими трудностями пробивалась через бюрократические преграды, но, поскольку это начинание санкционировалось «сверху» и игнорировать его было невозможно, местным партийно-хозяйственным органам пришлось оказать ему поддержку. Так, на Сахалине силами МЖК построили всего три дома (два в Южно-Сахалинске и один в Холмске) (Государственный архив Сахалинской области. Ф. 53. Оп. 1. Д. 3055. Л. 25). В Приморском крае помимо Находки силами МЖК возводили жилье только во Владивостоке и Артеме. В Хабаровске в 1988–1989 гг. в рамках движения МЖК построили всего два дома, в других городах края оно не получило развития [3, с. 189].

Еще одним направлением, на которое рассчитывали в программе «Жилье 2000», было индивидуальное строительство. В годы перестройки его фактически возродили, поскольку в рамках существующей жилищной политики с начала 1960-х гг. в городах этот вид строительства был прекращен, оно сохранилось лишь в сельской местности. Ситуация изменилась после выхода в свет постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 11 февраля 1988 г. «О мерах по ускорению развития индивидуального жилищного строительства», которым предусматривалось, что учреждения Сбербанка СССР могут предоставлять гражданам кредиты на строительство индивидуальных жилых домов с надворными постройками в размере до 20 тыс. руб. с погашением этой суммы в городской местности в течение 25 лет, а в сельской местности – в

течение 50 лет. Причем кредит выдавался на условиях 3% годовых и выплачивался с третьего года после его получения. Эти меры привели к тому, что количество дальневосточников, желающих построить индивидуальный дом, заметно увеличилось и намного превысило финансирование, которое государство могло выделить на эти цели. Так, в Хабаровском крае в 1988 г. на индивидуальное строительство было отпущено кредитов на сумму 16,6 млн. руб., что могло удовлетворить лишь 20% заявок. В следующем 1989 г. сумма кредитов не только не увеличилась, а, наоборот, уменьшилась. На Хабаровский край было выделено 8,5 млн. руб., в то время как потребность (исходя из желающих осуществить индивидуальное строительство) составила 45 млн. руб. [3, с. 194].

В последующие годы (1989–1990 гг.) в индивидуальном строительстве обозначилась еще одна проблема – нехватка земельных участков в черте городов. Строительство индивидуального дома – коттеджа со всеми коммунальными удобствами – требовало больших затрат, связанных с выполнением генерального плана застройки участка, прокладкой дорог и инженерных магистральных линий, электроснабжением, благоустройством территории и т.д. Согласовать и решить все эти вопросы отдельным индивидуальным застройщикам было невозможно, это было под силу только крупным организациям. Поэтому в практику вошла система выдачи земельных участков не отдельным лицам, а организациям. Учитывая, что на рубеже 1980-х – 1990-х гг. контроль за деятельностью местной партийно-хозяйственной номенклатуры со стороны центральной власти ослаб, именно эти люди и воспользовались предоставленной возможностью по индивидуальному строительству. Они имели накопления, могли получить кредит, земельный участок, т.е., располагая административно-финансовыми ресурсами, построить коттедж. Для рядовых дальневосточников подобное было невозможно.

За годы действия программы «Жилье 2000» (1986–1991 гг.) государственная жилищная политика осталась неизменной, ее лишь слегка скорректировали, подключив для ее реализации все имеющиеся на то время ресурсы: подрядное строительство, хозспособ, молодежную инициативу (МЖК), индивидуальное домостроение. Предпринятые усилия дали определенные результаты – в 1986–1989 гг. во всех без исключения краях и областях Дальнего Вос-

тока наблюдался рост ввода жилой площади в эксплуатацию, он достиг своего максимума в 1987 г., когда сдали 3 млн. 881 тыс. кв. м жилой площади [13, с. 144]. Это был своеобразный пик ввода жилья в эксплуатацию, достигнутый за все годы существования советской власти. Добавим, что и в постсоветское время ничего близкого к уровню 1987 г. добиться не удалось.

Семидесятилетний период реализации советской жилищной политики, рассмотренный на примере Дальнего Востока, дает основания сделать вывод, что она не оставалась неизменной, а существенно трансформировалась. В годы сталинизма жилищная политика была прагматичной, ее целью было удовлетворить самые минимальные потребности рядовых граждан, обеспечив в первую очередь благоустроенным жильем партийно-хозяйственную номенклатуру, отдельных передовиков производства, высококвалифицированных специалистов и представителей технической и творческой интеллигенции. Государство не ставило задачу решать жилищную проблему широких народных масс. Подобная цель – обеспечить каждую советскую семью отдельной благоустроенной квартирой – появилась во времена хрущевской «оттепели». Несмотря на значительные усилия, предпринимаемые в решении жилищной проблемы (типовое проектирование малометражных квартир с целью получения дополнительных средств для возведения жилья, внедрение новых технологий в строительное производство, привлечение средств населения в рамках ЖСК и другие меры), все же достичь желанной цели не удалось. Это было связано прежде всего с экономическими возможностями, которыми располагало государство. Сказались затраты на военно-промышленный комплекс, помощь странам народной демократии, соперничество с США в «космической гонке» и т.д. Последняя попытка по реализации программы «Жилье 2000» была запоздалой – вся социалистическая система с господствующей ролью государства в экономике к началу 1990-х гг. не вызвала доверия у большинства населения и была отвергнута.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтеев А.В., Нескоблинов В.В., Котляров Б.Г. Размах. К 35-летию Главвладивостокстроя. Владивосток: Уссури, 1996.
2. Бессонова О.Э. Жилье: рынок и раздача. Новосибирск: Наука, 1993.

3. Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008.

4. Власов С.А. Очерки истории Владивосток. Владивосток: Дальнаука, 2010.

5. Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М.: Политиздат, 1964.

6. Казьмин Г., Тибеткина А. Развитие сельского хозяйства Дальнего Востока // Экономика сельского хозяйства. 1985. № 6. С. 26–34.

7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 15. 1985–1988 гг. М.: Политиздат, 1989.

8. Кулинич Н.Г. Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2010.

9. Меерович М.Г. Жилищная политика в СССР как средство социального управления (1917–1941 гг.) // Социологически исследования. 2014. № 1. С. 95–101.

10. Народное хозяйство РСФСР в 1967 г. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1968.

11. Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1976.

12. Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1986.

13. Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1988.

14. О постройке домов для специалистов. Постановление СНК СССР (Утверждено Политбюро ЦК ВКП (б) 23.03.1932). URL: <http://istmat.info/node/54792>

15. О ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19.08.1987 г. № 958 «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Буряткой АССР и Читинской области на период до 2000 г.». Владивосток, 1989.

16. Правила кредитования индивидуального жилищного строительства рабочих и служащих предприятий, утвержденные постановлением Экономсовета при СНК СССР 26 апреля 1939 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. 1929–1940 гг. М.: Политиздат, 1967. С. 705–706.

17. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1961.

18. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. Т. 3. 1941–1952 гг. М.: Политиздат, 1968.

19. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. Т. 4. 1953–1961 гг. М.: Политиздат, 1968.

20. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. Т. 5. 1962–1965 гг. М.: Политиздат, 1968.

21. Сурина В.И. Хабаровск прежде и теперь. Хабаровск: Кн. изд-во, 1971.

REFERENCES

1. Bakhteev, A.V., Neskoblinov, V.V. and Kotlyarov, B.G., 1996. Razmakh. K 35-letiyu Glavvladivostokstroya [The scope. To the 35th anniversary of Glavvladivostokstroii]. Vladivostok: Ussuri. (in Russ.)

2. Bessonova, O.E., 1993. Zhil'yo: Rynok i razdacha [Housing: market and distribution]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

3. Vlasov, S.A., 2008. Zhilishchnoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke (1946–1991 gg.) [Housing construction in the Russian Far East, 1946–1991]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

4. Vlasov, S.A., 2010. Ocherki istorii Vladivostoka [Essays on the history of Vladivostok]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

5. Dekrety Sovetskoj vlasti. T. III. 11 iyulya – 9 noyabrya 1918 g. [Decrees of the Soviet Power. Vol. 3. July 11 – November 9, 1918]. Moskva: Politizdat, 1964. (in Russ.)

6. Kaz'min, G. and Tibetkina, A., 1985. Razvitie sel'skogo khozyaistva Dal'nego Vostoka [The development of agriculture in the Russian Far East], *Ekonomika sel'skogo khozyaistva*, no. 6, pp. 26–34. (in Russ.)

7. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK. T. 15. 1985–1988 gg. [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of Central Committee. Vol. 15. 1985–1988]. Moskva: Politizdat, 1989. (in Russ.)

8. Kulnich, N.G., 2010. Povsednevnyaya kul'tura gorozhan sovetского Dal'nego Vostoka v 1920–1930-e gody [Everyday culture of the citizens of the Soviet Far East in the 1920s and 1930s]. Khabarovsk: Izd-vo Tikhookeanskogo gos. un-ta. (in Russ.)

9. Meerovich, M.G., 2014. Zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo sotsialnogo upravleniya (1917–1941 gg.) [Housing policy in the USSR as a means of social management, 1917–1941], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 95–101. (in Russ.)

10. Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1967 g. Statisticheskii ezhegodnik [The National economy of the RSFSR in 1967. Statistical yearbook]. Moskva: Statistika, 1968. (in Russ.)

11. Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1975 g. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1975. Statistical yearbook]. Moskva: Statistika, 1976. (in Russ.)

12. Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1985 g. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1985. Statistical yearbook]. Moskva: Finansy i statistika, 1986. (in Russ.)

13. Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1987 g. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1987. Statistical yearbook]. Moskva: Finansy i statistika, 1988. (in Russ.)

14. O postroike domov dlya spetsialistov. Postanovlenie SNK SSSR (Utverzhdeno Politbyuro TSK VKP (b) 23.03.1932) [On building houses for specialists. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR (Approved by the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on March 23, 1932)]. URL: <http://istmat.info/node/54792> (in Russ.)

15. O khode vypolneniya postanovleniya TSK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 19.08.1987 g. № 958 «O kompleksnom razvitiy proizvoditel'nykh sil Dal'nevostochnogo ekonomicheskogo raiona, Buryatkoj ASSR i Chitinskoi oblasti na period do 2000 g.» [On the implementation of the decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR no. 958 of 19.08.1987 «On the integrated development of the productive forces of the Far Eastern economic region, the Buryat ASSR and the Chita region for the period up to 2000»]. Vladivostok, 1989. (in Russ.)

16. Pravila kreditovaniya individual'nogo zhilishchnogo stroitel'stva rabochikh i sluzhashchikh predpriyatii, utverzhdennye postanovleniem Ekonomsoвета pri SNK SSSR 26 aprelya 1939 g. [The credit rules for individual housing construction for workers and employees of enterprises, approved by the resolution of the Economic Council under the Council of People's Commissars of the USSR on April 26, 1939]. In: *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam*. T. 2. 1929–1940 gg. Moskva: Politizdat, 1967, pp. 705–706. (in Russ.)

17. Programma Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza [Program of the Communist Party of the Soviet Union]. Moskva: Politizdat, 1961. (in Russ.)

18. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam: sbornik dokumentov. T. 3. 1941–1952 gg. [Party and government decisions on economic issues: a collection of documents. Vol. 3. 1941–1952]. Moskva: Politizdat, 1968. (in Russ.)

19. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam: sbornik dokumentov. T. 4. 1953–1961 gg. [Party and government decisions on economic issues: a collection of docu-

ments. Vol. 4. 1953–1961]. Moskva: Politizdat, 1968. (in Russ.)

20. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam: sbornik dokumentov. T. 5. 1962–1965 gg. [Party and government decisions on economic issues: a collection of documents. Vol. 5. 1962–1965]. Moskva: Politizdat, 1968. (in Russ.)

21. Surina, V.I., 1971. Khabarovsk prezhde i teper' [Khabarovsk before and now]. Khabarovsk: Kn. izd-vo. (in Russ.)

УДК 167.7

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2021-2/87-96>

Ю.В. Черновицкая*

КОЛЛЕКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ В НАУКЕ: К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Автор фокусирует внимание на активно используемой в современном обществе коллективной организации труда, приводящей к образованию коллабораций, в которых авторами научных разработок становятся целые коллективы ученых. В статье актуализируется ряд вопросов: о коллективном субъекте познания, новом типе авторства коллективного субъекта познания, формах и распределении ответственности за результаты его деятельности, гиперавторстве, о самостоятельной познавательной ценности группового знания. Автор приходит к выводу о необходимости внесения этической составляющей в научные исследования с учетом ценностных оснований принятия решений коллективными субъектами и ценностных характеристик последствий реализации их проектов.

Ключевые слова: коллаборация, коллективный субъект, коллективный автор, гиперавторство, групповое знание, коллективная ответственность

Collective agent in science: towards the issue of responsibility. YULIA V. CHERNOVITSKAYA (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The author focuses on the collective labor organization actively used in modern society, leading to the formation of collaborations, in which large teams of scientists become the authors of scientific developments. This article discusses a number of issues such as the collective agent of cognition, a new type of authorship of the collective agent, forms of responsibility for the results of its activity, hyperauthorship, and the independent cognitive value of group knowledge. The author concludes that it is necessary to introduce an ethical component into scientific research, taking into account the value foundations of decision-making by collective agents and the value characteristics of their projects' results.

Keywords: collaboration, collective agent, collective author, hyperauthorship, group knowledge, collective responsibility

Коллективная организация труда активно используется современным обществом, авторами научных разработок (особенно в фундамен-

тальных науках) становятся целые коллективы ученых, научные коллаборации. В связи с этим актуален ряд вопросов: о коллективном субъек-

* ЧЕРНОВИЦКАЯ Юлия Вячеславовна, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии естественных наук Института философии РАН.

E-mail: juchische@rambler.ru

© Черновицкая Ю.В., 2021

те познания – его определении, границах, мобильности и изменчивости, о новом типе авторства коллективного субъекта познания, формах и распределении ответственности за результаты его деятельности.

Узкая специализация отдельных групп ученых в отраслях современной науки, дорогостоящий, масштабный инструментарий, необходимый для проведения различного рода исследований, объединение трудовых и производственных ресурсов разнозадачных групп ученых – все это приводит к образованию коллабораций с целью совместного выполнения определенных проектов, которые были бы недоступны отдельным ученым и даже группам ученых. Кроме того, коллаборация объединяет исследователей, занимающихся теоретическими, инженерными (инструментальными) и опытными (экспериментальными) исследованиями. Эти направления взаимодействуют, координируют свою работу, обмениваются результатами труда. Исследователи, участвующие в работе, вносят равнозначный вклад. Любая теория останется теорией и не найдет своего применения, если не будут решены чисто прикладные технические задачи, например, не будет поставлен ряд экспериментов, зафиксированы, расшифрованы и проинтерпретированы данные приборов. Таким образом, научное сообщество выступает как коллективный субъект познания.

Коллективный субъект – социальный феномен, это не просто сообщество отдельно взятых ученых, работающих каждый над своей проблемой, а их объединение (сообщество специалистов в какой-либо области знания или нескольких областях), возможно, объединение групп, организаций, корпораций, объединенных задачами разрешения какой-либо научной проблемы, объединение, которое может не иметь четкой геолокации, географически находиться в разных частях света, быть переменного состава и иметь разное количество участников, часто даже с трудно фиксируемыми границами. При этом коллективный субъект производит знание, интеллектуальный продукт, в связи с чем остро стоит вопрос об авторстве и распределении ответственности за результаты деятельности. Ученые обращают внимание на то, что и само «социальное знание неравномерно распределено между индивидуальными субъектами» [7, с. 11], ни один из них не обладает, да и не обязан обладать всем диапазоном, всей

полнотой доступной информации. «Знание обстоятельств, которые мы должны использовать, никогда не существует в концентрированной или интегрированной форме, но дано лишь в качестве распыленных (dispersed) частиц неполного и часто противоречивого знания, которыми обладают все отдельные индивиды» [24]. При этом коллективный субъект все же состоит из индивидуумов, но это нечто большее, чем их сумма. Возможно, в современной науке отдельно взятому человеку уже трудно охватить весь массив знаний, всю имеющуюся информацию, существует предел индивидуальных познавательных возможностей, поэтому стоит задуматься и о самостоятельной ценности группового знания.

Кроме того, отдельные ученые не имеют доступа к объекту познания, как к целостному объекту, полагает Б.И. Пружинин. Свойства этого объекта (например, при исследовании бозона с помощью адронного коллайдера) «они познают как “коллективный субъект”, со всеми вытекающими отсюда последствиями – и применительно к авторству, и применительно к его концептуальному осмыслению как фрагмента реальности» [19, с. 108].

Таким образом, при наличии неравномерно распределенного знания между субъектами познания, имеющими ограниченный доступ к частям объекта познания, фрагментации и переменного состава коллабораций возникает вопрос о целостности коллективного субъекта как ответственного за результаты своей деятельности. Кто несет ответственность за опровержение своих ранее опубликованных открытий (например, открытия в 2016 г. тяжелого бозона Хиггса или в 2012 г. сверхсветовых нейтрино), имеющих большой научный резонанс и немалую стоимость исследований? «Кто именно и что знает в том случае, когда коллаборация публикует утверждение об открытой частице? – задает вопрос В.С. Пронских, – ведь те члены коллаборации, которые знают детали той или иной техники, мало представляют ситуацию в целом, а те, которые контролируют целостность, не владеют деталями» [18].

Основным субъектом познания современной «большой науки» (термин Дж. Прайса) является уже не отдельный ученый («гносеологический Робинзон» [11] в «малой науке») и не «трансцендентальный субъект» (И. Кант), а научный коллектив, коллаборация ученых, дисциплинарное научное сообщество.

С одной стороны, в коллаборации списки авторов статей стали нередко превышать тысячи человек, с другой стороны, обладает знанием и передает его лишь индивид, любое коллективное знание сводится к индивидуальным знаниям. Тем не менее, групповое знание – это не сумма индивидуальных знаний, коллективное знание имеет самостоятельную познавательную ценность.

Так что же представляет из себя автор коллективного субъекта познания? Современность предполагает новый тип автора большой науки: «Теперь это гетерогенный, надындивидуальный автор, который сопротивляется попыткам свести его к псевдо-“Я” в силу своей сущностной расщепленности, фрагментированности на подвижно связанные отдельные нестабильные компетенции» [18]. «“Аморфное Я” – новый вид автора, чьи утверждения требуют новых форм оценки» [4]. Но несмотря на свою надындивидуальность отношения между субъектами в профессиональном научном сообществе стали иметь большое значение для осуществления познавательной деятельности, поэтому, по мнению некоторых ученых, «исследование процесса научного познания, осуществлявшегося когда-то в категориях традиционной эпистемологии и методологии науки, сегодня должно быть дополнено социологическим, историческим, психологическим, герменевтическим и прагматическим контекстами его анализа» [25, с. 7].

Рассмотрим более подробно вопросы авторства. Остро стоит проблема авторского права, количественной оценки индивидуального вклада каждого автора, вопрос признания научного знания результатом отдельного сознания или признания распределенного характера знания. Например, в таких областях исследования, как физика и биология, вышедшую в свет публикацию, как правило, подписывает большое число авторов. Рекорд по количеству авторов – 5 154 человека – принадлежит статье по физике, опубликованной 14 мая 2015 г. в журнале «Physical Review Letters». Большое число авторов публикаций вызвало появление современного явления в науке – гиперавторства (термин принадлежит Б. Кронин [23]). В основном термин применяется в экспериментальных науках, где число соавторов может достигать тысяч. Данное явление затрагивает ряд проблем. Прежде всего, встает вопрос о степени значимости индивидуального вклада в эксперименты. По причине того, что

публикацию подписывает большое число авторов, затрудняется система поощрения и вознаграждения отдельных авторов, карьерный рост ученого, например, физика-экспериментатора (в области физики высоких энергий), усложняется система оценки публикационной активности автора. Так, в 2016 г. компания «Clarivate Analytics», выявляя самых цитируемых российских ученых, не принимала в расчет статьи, в которых число соавторов превышает 30. При этом ВАК при учете публикаций для защиты кандидатских диссертаций по естественным наукам не учитывает этого явления и принимает к отчету публикации с неограниченным числом соавторов. Однако, несмотря на кажущиеся естественными ограничения, накладываемые на количество соавторов многими журналами, организаторами конференций, наукометрическими системами, они некорректны: специфика некоторых исследований предполагает большое количество участников, каждый из которых достоин быть упомянутым в числе соавторов.

К сожалению, существует практика включения в число соавторов людей, участие которых в работе сомнительно. Дело может дойти и до курьезов: например, директор одной лаборатории за 10 лет мог таким образом опубликовать около 1000 работ (в среднем 1 работу в 4 дня) лишь потому, что его обязали были включать в число соавторов [1]. Однако доказать, что человек, указанный в соавторах, не участвовал в работе на уровне, достаточном для того, чтобы попасть в соавторы, не представляется возможным, не существует достаточно надежных способов доказать непричастность человека к созданию научного текста, но получается, что «Clarivate Analytics» и другие коллективы исходят из презумпции «виновности» автора.

При оценке деятельности ученых возникает также ряд этических вопросов [10]. Во-первых, это вопрос порядка указания фамилий авторов. В англоязычной литературе принято располагать авторов в алфавитном порядке. Так, французский физик Жорж Аад обычно упоминается первым в числе соавторов, если список составляется по такому принципу. «По существу, этот парень выиграл академическую лотерею», – говорит Винсен Ларивьер, профессор информатики Монреальского университета [1]. В отечественной же традиции наряду с указанием в алфавитном порядке практикуется указание авторов по академическому старшинству и наличию ученых степеней или же, что наиболее

спорно, по внесенному в работу вкладу. Однако как установить масштабы вклада ученого в разработку? И главное, кто будет их оценивать? Сам ученый слишком субъективен, хотя и существуют формальные таблицы для оценки вклада соавторов. Но каковы критерии этой оценки? Что может входить в их число – новизна научной идеи, четкость выполнения инструкций при описании эксперимента, объем времени, потраченного на дежурства, или количество публичных докладов на конференциях? Административный подход и внутринаучный подход всегда различны, в рамках сообщества ученых, как представляется, тоже довольно сложно объективно оценить свой уникальный вклад. При сторонней же оценке определить, насколько существенным было участие того или иного автора в подготовке совместной публикации, как правило, совершенно невозможно. Неоднозначность ситуации приходится учитывать и Нобелевскому комитету. Один из членов комитета, профессор Ханс Вигзелл, отмечает: «С годами становится все сложнее выделить главных исполнителей, поскольку наука становится занятием все более коллективным. Члены комитета очень внимательно изучают мнения всех экспертов. Есть один прекрасный и, может быть, гораздо более объективный источник – патентные заявки. Там в отличие от научной публикации четко расписаны и доля, и суть участия в исследовании каждого члена группы. И все-таки объективность удавалось соблюсти не всегда» [3, с. 66].

Документ в коллаборации Fermilab в D0 предлагает считать авторами всех «серьезных» участников того или иного проекта. Неудивительно, что загвоздка здесь – в определении «серьезности», отмечает П. Галисон. Автор определяется как «аспирант-старшекурсник или более опытный сотрудник, проработавший в коллаборации не менее года до даты направления статьи в печать». Было предусмотрено продолжение авторства в течение года после того, как человек выходил из состава коллаборации. «Но предполагаемый автор должен был 1) отдежурить половину среднего числа смен на эксперименте во время набора данных, на которых основана публикация ... 2) удовлетворять одному из двух следующих требований: а) провести по меньшей мере эквивалент одного человеко-года в организации, которую он представляет, или в Fermilab, работая над частью детектора или программного обеспечения, ис-

пользованного при наборе данных в сеансах измерений эксперимента, на результатах которых основана публикация; или б) внести существенный вклад в анализ данных из сеансов эксперимента, на которых основана публикация. Это требование включало написание компьютерных программ, собственно анализ данных с использованием программ, запись больших объемов данных на магнитные ленты, написание текста статьи, внутреннее рецензирование статьи и т.д.» [4].

Другой проблемой является существующая система ссылок, не предполагающая никакой дробности и понижающих коэффициентов. Автор получает баллы за ссылку независимо от того, является ли он индивидуальным автором или публикуется в составе коллаборации. Данная система идейно не верна и умаляет вклад индивидуально работающего ученого (чаще это происходит в гуманитарных науках).

Каждый участник в исследовательской группе выполняет свою определенную функцию. «Если авторство означает вклад, который необходим для результата как целого, то очевидно, что каждая подгруппа должна считаться незаменимой. Но в то же самое время, когда задается вопрос “Кто сделал работу, иначе говоря, кто полностью контролирует конкретный анализ данных и все, от чего он зависит?”, ответ всегда должен быть отложен» [4]. Стоит заметить, настаивает А.А. Крушанов, что и «создание новой парадигмы – это процесс, требующий коллективных усилий ... по сути парадигма – это сводный результат творчества своеобразного неформального коллектива. Например, Коперник не состоялся бы, если бы не было открытий Галилея и Кеплера» [9]. Еще в середине XX в. стало очевидно, что экспериментатор, исследователь в фундаментальных науках – это уже не отдельная личность, это «не традиционный образ отдельного ученого, работающего в уединении за своим лабораторным верстаком» [4], это коллектив сотрудников, группа или группы коллег, целые предприятия и организации, возможно, из разных стран, работающие под руководством одного или более центра-организатора.

Кроме того, ряд авторов акцентировал внимание на следующем феномене: так как коллаборации изначально «разделены» на три части: теоретиков, экспериментаторов и инструменталистов, и каждое из этих направлений еще до их объединения имеет свою научную традицию, научный язык и специфику труда, то коллабора-

ция является объединением разных «культур» (речь идет о физике высоких энергий в ускорительных лабораториях большой науки).

Изменилось также и понятие организатора или лидера исследования. Если раньше это была наиболее авторитетная и значимая в науке фигура, ответственная за анализ данных, принимающая окончательные решения о публикации полученных результатов, контролирующая и направляющая работу в целом, а также распределяющая финансирование, то теперь лидерство перешло к корпоративному «исполнительному» или «коллаборационному» Совету, олицетворяющему «децентрализованное авторство, которое отражает новые условия производства знания» [4]. Совет коллаборации SLD писал в 1988 г.: «В случае физических статей авторами являются все члены коллаборации – физики. Кроме того, первая опубликованная статья должна включать также инженеров» [4]. Спорные вопросы возникают тогда, когда ученый или инженер не полностью согласен или совсем не согласен с выводами исследования коллаборации: представляется достаточно проблематичным не поддержать выводы коллаборации, а тем более – опубликовать альтернативные или опровергающие суждения. Как отмечает П. Галисон, «избегалась даже внутриорганизационная собственность на результаты анализа данных – группам, входившим в состав коллабораций, запрещалось даже присваивать собственные исходящие номера таким меморандумам, поскольку они могли быть прочитаны в таком случае как “исходящие из организации X”, а не из коллаборации в целом» [4].

Спорный факт включения в число соавторов тысячи авторов при более тщательном рассмотрении оказывается оправданным и правомерным. Пусть экспериментальные работы и наблюдения не творчество, человек контролирует приборы, технику, работу реактивов, однако выбор параметров этих составляющих может оказать решающую роль, а перебрать все варианты не представляется возможным, для статьи зачастую требуется провести определенное число симуляций, применить математический аппарат, которым могут не владеть в должной степени идеологи проекта. Этим объясняется объективная необходимость большого числа соавторов.

Учитывая все вышесказанное, особенности функционирования и состава коллективного субъекта науки, возникает вопрос об ответ-

ственности за результаты деятельности коллективного субъекта. Могут ли члены коллабораций, знающие детали именно своей работы, своей области знания, быть ответственны полностью за конечный результат? Могут ли быть ответственны только члены коллабораций, управляющие деятельностью и контролирующие ее, хотя они не владеют деталями проектов? Возникают спорные вопросы авторского права. Впервые данные вопросы были поставлены еще в середине XX в., в настоящее время ситуация только обострилась.

Сложноорганизованная коллективная практика подводит к идее коллективной ответственности (в синонимичном контексте употребляются понятия «корпоративная ответственность», «групповая», «солидарная» «институциональная», «метаинституциональная» и т.п.) [14, с. 76].

Говоря о феномене коллективной ответственности, следует учесть ряд моментов. Во-первых, коллективная ответственность имеет негативную историко-культурную традицию: это «племенная мораль и представления о наследственной вине, также оперирование концепцией коллективного вменения в идеологиях реакционного традиционализма, террористического революционизма, тоталитаризма» [17, с. 75]. Как отмечает А.В. Прокофьев, в современной этической теории предполагается, что нравственно ответственным может быть только такой коллективный субъект, который строит свою деятельность на основе демократических процедур принятия решений, при этом придерживаясь традиции, в соответствии с которой коллективная ответственность социального целого сводится к ответственности входящих в него индивидов. Здесь А.В. Прокофьевым отмечаются два несоответствия: пострадавшие от действий демократического государства имеют моральное право на возмещение вреда, но пострадавшие от действий антидемократического режима такого права лишены, несмотря на то, что именно им чаще всего и требуется помощь. Кроме того, сведение коллективной ответственности к суммам индивидуальных ответственностей неизбежно освобождает некоторых членов группы от всяких моральных взысканий, вменяя их другим членам группы.

Коллективной ответственности отведено немало места в современной литературе. Отмечаются такие практики, как «наказание корпораций, компенсация жертвам Холокоста со стороны тех поколений немцев, которые никак

не могли быть лично виновны в преступлениях нацизма, система “позитивных действий” (affirmative actions), направленных на ликвидацию отдаленных последствий расовой и половой дискриминации, публичное покаяние католической церкви за злодеяния, совершенные во имя веры» [16].

«Есть два необходимых условия коллективной ответственности: я должен считаться ответственным за что-то, чего я не совершал, и я должен нести такую ответственность в силу своего членства в группе (коллективе), которое невозможно прекратить добровольным актом с моей стороны, то есть членства, крайне непохожего на деловое партнерство, которое я всегда волен прекратить» [2, с. 207]. Как быть с поколениями, родившимися позже деяния, могут ли они быть ответственными? Некоторые авторы считают, что да, если они извлекают выгоду из совершившегося деяния. Можно ли считать исторически сложившиеся группы индивидов морально ответственными за причиненный ими вред, будь то этнические («немцы»), национальные («американцы»), расовые («белые») группы? Насколько виновны те члены групп, которые старались предотвратить вред? Мог ли индивид отказаться от членства в сообществе, совершающем проступок?..

Критики коллективной ответственности задаются двумя вопросами, на которые дают отрицательный ответ. Может ли быть коллективным намерение? Нет, группа в отличие от индивида не имеет намерения. Несет ли группа моральную ответственность? Нет, группа в отличие от индивида не несет моральной ответственности. Х. Арендт замечает, признание понятия коллективной вины и ответственности представляет событие как следствие социальных, культурных, экономических тенденций, а наступление события как итог деятельности индивида отходит на второй план, так как никто конкретный ход исторических событий не управляет.

Второй момент – понятие ответственности все же носит индивидуальный, личностный характер, в случае же коллективного действия субъект не несет единоличной ответственности, результат коллективных действий неочевиден, способность предвидеть последствия своих действий уменьшается, чувство ответственности ослабляется. Х. Арендт различала вину и ответственность, вина в отличие от ответственности обособляется, она может быть только личной. Она относится к поступку, а не

к намерениям или возможностям. Это отличает понимание Х. Арендт от архаичных представлений о виновности, когда целое сообщество, например, клан или племя, может считаться заслуживающим наказания за проступок кого-то из своих членов. Признание коллективной ответственности такого рода может вести только к продолжению последовательности насильственных действий, к размыванию нравственных структур общества, подводящему к таким преступлениям, как Холокост или геноцид в Руанде.

В-третьих, возникает проблема несправедливого распределения ответственности между членами группы. Будет ли это солидарная или пропорциональная ответственность? Если пропорциональная, то как определить степень участия – по вкладу в объект исследования, по степени наделенности властью, по времени участия?

Так, например, при использовании современных медицинских технологий возникает вопрос ответственности за несвоевременное выявление критичного отклонения показателей: виноват ли врач, участвующий медработник, оператор информационной системы (при автоматизированном анализе) либо сам пациент, скрывающий симптомы своего заболевания, халатно относящийся к ним или не имеющий достаточной квалификации для сбора необходимой информации? Ответственность распределяется. За отсутствие реакции на критичные отклонения придется отвечать медицинскому учреждению и его персоналу, а ответственность за невыявление (несвоевременное выявление) отклонений следует устанавливать путем заключения договора. При этом за недоступность всего массива данных в любой момент времени для медицинского персонала будет нести ответственность оператор информационной системы [13] – то есть человек, совершенно непричастный к существу спора, скорее всего не имеющий медицинского образования, однако исполняющий свою работу в составе коллективного субъекта (медицинского учреждения). Компьютер не отменяет ответственности социального решения. «Сегодня экспансия компьютерных технологий “отменила” прежние, сугубо человеческие, формы ответственности (капитан тонул вместе с кораблем и т.п.). В наши дни компьютеризация рождает феномен коллективной безответственности» [5, с. 359]. Возникает феномен «виртуального коллективного субъек-

та» [8, с. 58] как совокупности людей, с которой личность, как она считает, разделяет единое социально-психологическое отношение в соответствующем аспекте ее жизнедеятельности. В нем минимизируется роль социального контроля, ответственности, совести и чувства вины. Г. Йонас замечает, что «целина коллективной практики, на которую мы вступили с переходом к высоким технологиям, все еще представляет собой белое пятно для этической теории» [6, с. 26]. Предоставляемая техникой власть столь велика, что человек постепенно начинает злоупотреблять этой властью.

Технико-технологическая цивилизация имеет ряд безусловных преимуществ, однако коллективы вынуждены приспособляться к законам ее функционирования – все увеличивающемуся массиву знания и, как следствие, узкой специализации и разделению труда, уменьшению временного разрыва между нахождением новых знаний и их технической реализацией, сменной работе, нормированию, частичной технизации рабочих мест, ухудшению состояния окружающей природной и информационной среды, нехватке ресурсов, глобальным экономическим кризисам и т.п.

Мы давно уже наблюдаем технизацию естественных наук, в крупных научных проектах задействованы большие коллективы теоретиков, естествоиспытателей и инженеров, технические методы во все возрастающей степени опираются на методы и результаты исследований естественных наук. Потеря наглядности, целостности результатов своего труда приводит к отчуждению и препятствует осуществлению широкого компетентного контроля. Говорится о негуманности современной науки, этические нормы которой все чаще затрагивают человеческие ценности, а также о необходимости включения в нее этической составляющей, установления морального контроля над научным поиском.

Ряд ученых (Е.А. Мамчур, М.А. Лившиц, М.В. Волькенштейн, Э.Ю. Соловьев и др.) [22, с. 124–125] обращают внимание на противоречия, которые могут иметь место между этической стороной познания и поиском истины. Придание первостепенного значения прикладным разработкам в современной науке в ущерб развитию науки фундаментальной – следствие действия человеческого фактора. «Это результат неправильной организации науки и политики распределения ресурсов, осуществляемых людьми, которые не понимают ни различий

между фундаментальными исследованиями и прикладными разработками, ни значения фундаментальной науки для существования человечества» [12, с. 294]. Наука как общественная сила нуждается в общественном контроле. Стоит контролировать именно применение науки (М.В. Волькенштейн), и именно применение науки может стать предметом специального исследования (Т.И. Ойзерман). По мнению В.А. Энгельгардта, возможность получения положительных результатов заложена в самой природе научного искания, а опасность коренится исключительно в действиях человеческого общества, которое, тем не менее, в силах ее предупредить. В этически ориентированном контроле нуждается не столько сама наука, сколько ее общественная организация, способ ее соединения с техникой и экономикой (Э.Ю. Соловьев).

Наука теперь представляется не обособленной, но активно взаимодействующей с окружающим миром системой; возникающие новые научные дисциплины вносят в науку дополнительные составляющие, по-новому переформируют поле науки, а сами ученые начинают играть новые роли (например, роль эксперта по широкому кругу вопросов, затрагивающих в настоящее время не только академическую сферу, но и область повседневной жизни). Противоречивость современной ситуации, в которой существует этическая составляющая науки, состоит в том, что, ограничивая исследования и понимая, что в его руках находится огромный, но опасный потенциал, ученый, с одной стороны, оставляет шанс на выживание планете и человечеству, а с другой стороны, ограничивает развитие некоторых направлений знания и моральный выбор следующих поколений ученых. Отношения, связи внутри коллективного субъекта многократно усиливают его возможности, но чем сложнее организована коллективная практика, тем сложнее определить виновного или виновных в том или ином деянии. «Коллективная деятельность ускользает от морально-нравственного регулирования, а индивидуальная ответственность порождает обширные зоны безответственности» [16].

Возникает острая необходимость ценностной ориентации социальной системы. Если система ценностно ориентирована, то и наука, как ее часть, будет ценностно ориентирована, сможет осуществляться демократический контроль над наукой.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что рассматривать ответственность, возникающую при оценке деятельности коллективных субъектов, возможно только в том случае, если в коллаборациях культивируется чувство личной ответственности, взаимответственности участников, учитываются ценностные основания принятия решений коллективами и ценностные характеристики последствий реализации их проектов. Данная ситуация в контексте вызовов XXI в. требует тщательной, детальной проработки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ализар А. Количество соавторов научных работ все чаще превышает тысячу человек // *Habr*. 11.08.2015. URL: <https://habr.com/en/post/382841/>
2. Арндт Х. Ответственность и суждение. М.: Изд. Института Гайдара, 2013.
3. Вигзелл Х. Случались досадные вещи // *Newsweek*. 2004. 11–17 октября. С. 66.
4. Галисон П. Коллективный автор // *Вопросы философии*. 2018. № 5. С. 93–113.
5. Гуревич П.С. Технологии свихнувшегося разума // *Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека*. М.: ЛЕНАНД, 2012. С. 355–373.
6. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-Пресс, 2004.
7. Касавин И.Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2015. № 4. С. 5–18.
8. Козлова Н.С. Коллективный субъект как среда проявления жизнедеятельности личности // *Вестник Костромского государственного университета*. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. Т. 21. № 2. С. 56–58.
9. Крушанов А.А. В чем смысл проекта «Философии коллективной науки» // *Вопросы философии*. 2020. № 12. С. 115–123.
10. Лапшин И.Е. О некоторых этических проблемах числовой оценки деятельности ученых // *Сервис+*. 2019. Т. 13. № 1. С. 58–65.
11. Лебедев С.А. Консенсуальная природа научных истин // *Известия Российской академии образования*. 2018. № 2. С. 5–17.
12. Мамчур Е.А. Феномен прикладизации науки и его социальные последствия // *Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека*. М.: ЛЕНАНД, 2012. С. 283–295.
13. Отчет о проведении симпозиума ВОЗ «Будущее цифровых систем здравоохранения в Европейском регионе». Копенгаген, Дания, 6–8 февраля 2019 г. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/330370/9789289059985-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
14. Платонова А.В. Субъекты морально-го сознания в современном обществе: о типах коллективной ответственности // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 373. С. 75–79.
15. Прокофьев А.В. Идея коллективной нравственной ответственности. Институт философии РАН. URL: <https://iphras.ru/page49841033.htm>
16. Прокофьев А.В. Коллективная и совместная ответственность в экологической этике // *Этика и экология*. Вып. 9. Новгород, 2010. С. 26–44.
17. Прокофьев А.В. О возможностях реабилитации идеи коллективной ответственности // *Вопросы философии*. 2004. № 7. С. 73–85.
18. Пронских В.С. Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту // *Вопросы философии*. 2018. № 5. С. 88–92.
19. Пружинин Б.И. «Коллективный субъект» в научной традиции (философско-методологические заметки) // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2019. № 1. С. 105–110.
20. Смаيلي М. Коллективная ответственность // *Brick of Knowledge*. URL: <https://brickofknowledge.com/articles/collective-responsibility>
21. Токарева С.Б. Коллективная и личная ответственность // *Власть*. 2012. № 3. С. 44–48.
22. Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки. Проблемы и дискуссии. М.: Политиздат, 1986.
23. Cronin, V., 2001. Hyperauthorship: a postmodern perversion or evidence of a structural shift in scholarly communication practices? *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, Vol. 52, no. 7, pp. 558–569.
24. Hayek, F.A., 1945. The use of knowledge in society. *The American Economic Review*, Vol. 35, no. 4, pp. 519–530.
25. Lebedev, S., 2018. Scientific truth: social issue and consensual character. *European Journal of Philosophical Research*, no. 5, pp. 58–67.

REFERENCES

1. Alizar, A., 2015. Kolichestvo soavtorov nauchnykh rabot vsyo chashche prevyshaet

tysyachu chelovek [The number of co-authors of research papers more and more often exceeds a thousand people]. URL: <https://habr.com/en/post/382841/> (in Russ.)

2. Arendt, H., 2013. *Otvetstvennost' i suzhenie* [Responsibility and judgment]. Moskva: Izd. Instituta Gaidara. (in Russ.)

3. Vigzell, H., 2004. Sluchalis' dosadnye veshchi [Annoying things happened], *Newsweek*, October, 11–17, p. 66. (in Russ.)

4. Galison, P., 2018. Kollektivnyi avtor [Collective author], *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 93–113. (in Russ.)

5. Gurevich, P.S., 2012. Tekhnologii svikhnuvshegosya razuma [Crazy mind technologies]. In: *Chelovek i ego budushchee: Novye tekhnologii i vozmozhnosti cheloveka*. Moskva: LENAND, 2012, pp. 355–373. (in Russ.)

6. Jonas, H., 2004. Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoi tsivilizatsii [The imperative of responsibility: in search of an ethics for the technological age]. Moskva: Airis-Press. (in Russ.)

7. Kasavin, I.T., 2015. Kollektivnyi sub'ekt kak predmet epistemologicheskogo analiza [Collective agent as a matter of epistemological analysis], *Epistemology & Philosophy of Science*, no. 4, pp. 5–18. (in Russ.)

8. Kozlova, N.S., 2015. Kollektivnyi sub'ekt kak sreda proyavleniya zhiznedeyatel'nosti lichnosti [Collective agent as an environment for the individual activity], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*, Vol. 21, no. 2, pp. 56–58. (in Russ.)

9. Krushanov, A.A., 2020. V chem smysl proekta «Filosofii kollektivnoi nauki» [What is the meaning of the project «Philosophy of Collective Science»], *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 115–123. (in Russ.)

10. Lapshin, I.E., 2019. O nekotorykh eticheskikh problemakh chislovoi otsenki deyatel'nosti uchenykh [On some ethical problems of the numerical evaluation of scientific activity], *Servis+*, Vol. 13, no. 1, pp. 58–65. (in Russ.)

11. Lebedev, S.A., 2018. Konsensual'naya priroda nauchnykh istin [The consensual nature of scientific truth], *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya*, no. 2, pp. 5–17. (in Russ.)

12. Mamchur, E.A., 2012. Fenomen prikladnizatsii nauki i ego sotsial'nye posledstviya [The phenomenon of applied science and its social consequences]. In: *Chelovek i ego budushchee:*

Novye tekhnologii i vozmozhnosti cheloveka. Moskva: LENAND, 2012, pp. 283–295. (in Russ.)

13. Otchet o provedenii simpoziuma VOZ «Budushchee tsifrovyykh sistem zdavookhraneniya v Evropeiskom regione». Kopenhagen, Daniya, 6–8 fevralya 2019 g. [Report of the WHO symposium on the future of digital health systems in the European region. Copenhagen, February, 6–8, 2019]. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/330370/9789289059985-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (in Russ.)

14. Platonova, A.V., 2013. Sub'ekty moral'nogo soznaniya v sovremennom obshchestve: o tipakh kollektivnoi otvetstvennosti [Moral agents in modern society and the types of collective responsibilities], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 373, pp. 75–79. (in Russ.)

15. Prokofiev, A.V., Ideya kollektivnoi npravstvennoi otvetstvennosti [The idea of collective moral responsibility]. URL: <https://iphras.ru/page49841033.htm> (in Russ.)

16. Prokofiev, A.V., 2010. Kollektivnaya i sovmetnaya otvetstvennost' v ekologicheskoi etike [Collective and shared responsibility in environmental ethics]. In: *Etika i ekologiya*. Vyp. 9. Novgorod, 2010, pp. 26–44. (in Russ.)

17. Prokofiev, A.V., 2004. O vozmozhnostyakh reabilitatsii idei kollektivnoi otvetstvennosti [On possibility of collective responsibility idea], *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 73–85. (in Russ.)

18. Pronskikh, V.S., 2018. Kollaboratsiya bol'shoi nauki kak vyzov transtsendental'nomu sub'ektu [Big science collaboration as a challenge to transcendental subject], *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 88–92. (in Russ.)

19. Pruzhinin, B.I., 2019. «Kollektivnyi sub'ekt v nauchnoi traditsii (filosofsko-metodologicheskie zametki) [The «collective subject» in scientific tradition: philosophical and methodological notes], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 2, pp. 105–110. (in Russ.)

20. Smiley, M., 2019. Kollektivnaya otvetstvennost' [Collective responsibility]. URL: <https://brickofknowledge.com/articles/collective-responsibility> (in Russ.)

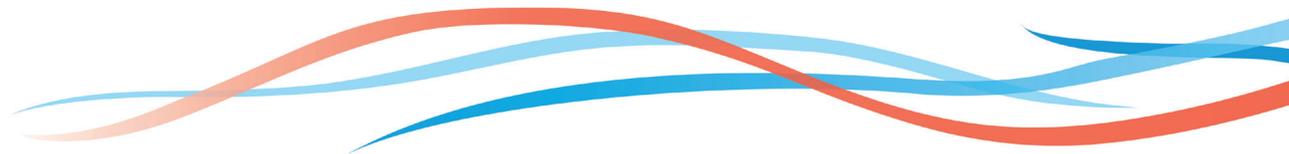
21. Tokareva, S.B., 2012. Kollektivnaya i lichnaya otvetstvennost' [Collective and personal responsibility], *Vlast'*, no. 3, pp. 44–48. (in Russ.)

22. Frolov, I.T. and Yudin, B.G., 1986. *Etika nauki. Problemy i diskussii* [Ethics of science. Problems and discussions]. Moskva: Politizdat. (in Russ.)

23. Cronin, B., 2001. Hyperauthorship: a postmodern perversion or evidence of a structural shift in scholarly communication practices? *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, Vol. 52, no. 7, pp. 558–569.

24. Hayek, F.A., 1945. The use of knowledge in society. *The American Economic Review*, Vol. 35, no. 4, pp. 519–530.

25. Lebedev, S., 2018. Scientific truth: social issue and consensual character. *European Journal of Philosophical Research*, no. 5, pp. 58–67.

А.В. Кабанов*

САМОРЕФЕРЕНТНОСТЬ ЗНАНИЯ
В «СИЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ» СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ

В статье анализируется такой аспект эпистемологической позиции «сильной программы» социологии знания, как самореферентность социального знания. Автор предпринимает попытку критически рассмотреть некоторые особенности реализма «сильной программы». Самореферентность знания вкупе со своеобразным социальным конструктивизмом в «сильной программе» предполагают соответствующую философию языка (в первую очередь – семантику) и концепцию интенциональности сознания, которым также уделено внимание в данной статье.

Ключевые слова: «сильная программа», социология знания, самореферентность знания, перформативность знания, социальное установление, теория значения, конструктивизм

Self-reference of knowledge in the strong programme of the sociology of knowledge. ALEXANDER V. KABANOV (Orel State University named after I.S. Turgenev)

The article deals with certain aspects of the epistemological position of the strong programme in the sociology of knowledge, namely social constructivism, self-reference of knowledge and nonetheless realistic stance towards the world. The very combination of constructivism (and self-reference for that matter) with realism is by no means frequent and deserves special argumentation. This is precisely what David Bloor and his colleagues try to do. His approach implies the analysis of some popular individualistic theories of meaning (and likewise theories of intentionality) and – by showing their inadequateness – suggests the social theory of meaning. The social semantics, from his point of view, implies self-reference of knowledge on the one hand, and a realistic position on the other. The implications of this position are analyzed in the article.

Keywords: strong programme, sociology of knowledge, self-reference of knowledge, performative knowledge, social institution, theory of meaning, constructivism

Современная социальная эпистемология, появившаяся в последней трети XX в., сразу стала уважаемой дисциплиной в англоязычных странах. Количество исследований в этой области философии увеличивается с каждым го-

дом. Существует также довольно много отечественных работ, в частности посвященных так называемой «сильной программе» социологии знания, среди них – работы Ю.С. Моркиной [3], И.Т. Касавина, Л.А. Микешинной и др. Тем

* КАБАНОВ Александр Валерьевич, аспирант кафедры философии, логики и методологии науки философского факультета Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева.

E-mail: 02081979.57@mail.ru

© Кабанов А.В., 2021

не менее, отдельные аспекты эпистемологии «сильной программы» все еще недостаточно осмыслены российскими философами. Между тем, на наш взгляд, именно своеобразный социальный конструктивизм вкупе с философией языка (точнее, теорией значения) позволяет прояснить многие положения Эдинбургской школы социологии научного знания. Цель данной статьи – реконструировать некоторые особенности (прежде всего – самореферентность) эпистемологической позиции Эдинбургской школы социологии научного знания.

Появление многочисленных школ социальной эпистемологии науки, социологии научного знания является закономерным следствием неклассического этапа развития самой науки, следствием переосмысления роли субъекта в эпистемическом процессе и, наконец, натурализацией философии науки. Напомним, что натурализация философии науки предполагает отказ от нормативных, прескриптивных моделей, характерных для позитивистских и постпозитивистских школ, основной акцент исследования при этом смещается на описание реального научного процесса (дескриптивизм) [10; 12].

По всей видимости, можно выделить три главные фигуры, так или иначе определившие лицо современной социальной эпистемологии в любой ее версии, будь то аналитическая социальная эпистемология, «сильная программа» Эдинбургской школы или же социальные исследования С. Фуллера, Э. Вулгара и Б. Латура [10; 12]. Это, конечно, поздний Людвиг Витгенштейн (в первую очередь, его «Философские исследования» и «О достоверности»), Уиллард ван Орман Куайн с проектом натуралистической эпистемологии (и сопутствующие ей проблемы недоопределенности данными теории, неопределенности перевода и т.д.) и Томас Кун с его «Структурой научных революций». Все последующие исследования в философии науки так или иначе отталкиваются от их идей, развивая их или оппонировав им.

Как известно, в рамках так называемой «сильной программы» социологии научного знания (Д. Блур, Б. Барнс, С. Шейпин и др.), в аналитической эпистемологии науки (А. Голдман, Ф. Китчер, И. Ниинилуото и др.), в акторно-сетевой теории Б. Латура и в ряде постмодернистских проектов именно социальное влияние на научное знание стало основным предметом исследований [10]. При этом, в отличие от традиционной социологии науки – со-

циологии науки Р. Мертон, в первую очередь, философы изучали не организацию научной деятельности или функционирование результатов науки в культуре, но самую форму и содержание научного знания как обусловленные соответствующими социальными структурами. Здесь следует отметить, что и сам Р. Мертон не был настолько наивен, как иногда его представляют. В своей ранней работе от 1938 г. «Наука, техника и английское общество в семнадцатом веке» он (явно в духе Макса Вебера) пишет о влиянии пуританских ценностей на зарождение и развитие классической науки [12]. То есть он вполне допускал влияние ненаучных факторов (конфессиональных, групповых интересов и т.д.) на научный процесс. Тем не менее, исследовать научный процесс и его результаты научными же методами он считал неприемлемым и ограничился перечислением известных четырех норм. В англоязычной литературе для обозначения этих норм, кстати, часто используется аббревиатура CUDOS (communism, universalism, disinterestedness, organized scepticism) [12].

Помимо философов на социальную эпистемологию науки оказывали влияние социологи: это уже упомянутый нами Р. Мертон, М. Малкей, Дж. Бернал, П. Бергер и Н. Лукман [3; 12]. В частности, социологи Бергер и Лукман являются социальными конструктивистами¹, поэтому их влияние на «сильную программу» социологии научного знания, которая в некоторых своих чертах является конструктивистской, довольно ощутимо. Для континентальной традиции, в отличие от англоязычной, также характерно влияние Франкфуртской школы социальных исследований (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и Ю. Хабермас).

Вообще, для конструктивистов характерен акцент на творческой природе научного познания – как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях и, как следствие, недоверие к классической теории отражения (репрезентации), к классической (корреспондентной) теории истины и объективистским эпистемологическим моделям. При этом конструктивизм в принципе не предполагает антиреалистическую (идеалистическую) позицию. Так, Д. Блур (как и Б. Барнс) считает себя реалистом и пытается показать это в статье «Идеализм и социология знания» [8], на которую мы и будем опираться

¹ Иногда говорят о конструкционизме, а к конструктивистам относят только психологов.

в нашем анализе отдельных аспектов эпистемологии «сильной программы».

Как известно, основная программа Эдинбургской школы представлена в следующих работах: монографии «Знание и социальная образность» (1976) Д. Блура, его совместной с Б. Барнсом статье «Релятивизм, рационализм и социология знания» (1982) и ряде других статей [4; 5; 6]. Наконец, существенное значение имеет работа «Научное знание: социологический анализ» (1996) [7]. Именно в них формулируются основные методологические принципы (каузальности, рефлексивности, симметричности и эквивалентности) и общие положения так называемой «сильной программы» социологии научного знания.

По мысли представителей школы, все наше знание так или иначе социально. Первоначально аргументация Д. Блура в пользу этого следующая: верно, что ученые сталкиваются в исследованиях с реальностью, как и в повседневной жизни [8, р. 841]. И их органы чувств, перцептивный аппарат эту реальность фиксируют. Но сама по себе фиксация ощущений и восприятий еще не дает полноценной теории. Реальность как таковая недоопределена чувственными данными. Иными словами, Блур повторяет известный тезис Дюгема – Куайна. Но выводы из этого он делает более радикальные, чем В.О. Куайн. Одним из следствий, по мнению Блура, является то, что любой анализ знания должен предполагать наличие неких организующих принципов, не принадлежащих реальности как таковой. Далее, утверждает Д. Блур, необходимо исследовать культурную традицию, стили мышления, или, следуя куновской терминологии, парадигмы. Помимо этого, необходимо исследовать интересы и цели ученых. Следствием подобного анализа является тезис о том, что всякое научное знание с необходимостью социально.

Впоследствии Д. Блур и Б. Барнс сместят акцент в своих исследованиях: влияние интересов и стилей мышления ученых на знание уже не будет играть такую роль в работах представителей этой школы. Тем не менее, они останутся верны многим своим прежним выводам и будут защищать даже более сильное утверждение: научное знание – это социальное установление [8]. Естественно, напрашивается вопрос, что есть социальное установление? Как признает сам Блур, анализ этого концепта может только усилить обвинения «сильной программы» в

идеализме. Тем не менее, очевидно, что анализ понятия «социальное установление» необходим шотландскому исследователю для прояснения его позиции.

По словам Блура, социальное установление можно мыслить как реальность, которая создается при указании (референции) на нее. Или по-другому: установления существуют постольку, поскольку мы в них верим [8, р. 842]. К примеру, рассмотрим концепт «принадлежность к какой-либо группе». Мы можем утверждать, что кто-то является членом группы тогда и только тогда, когда его признают таковым другие участники группы. То есть в простейших случаях признание кого-либо членом группы есть необходимое и достаточное условие его принадлежности к этой группе. Иными словами, это своего рода самосбывающееся пророчество [8].

Вообще говоря, что мы знаем, когда говорим, что кто-то принадлежит к некой группе? Мы знаем его социальный статус. Социальный статус, в свою очередь, не является неким эмпирическим (физическим) качеством, внутренне присущему самому индивиду. Социальный статус – это скорее свойство, которое целиком зависит от других людей, точнее – от знания других людей. При этом знания других людей ровно того же типа, что и наше знание. То есть, мы все так или иначе обладаем знанием знания (осведомленности) других [8, р. 842].

Все эти соображения приводят к следующему выводу: когда мы рассматриваем группу в целом (а в данном случае это неизбежно), невозможно отделить субъекта от объекта познания. По словам Блура, в данном случае субъект и объект познания совпадают. При этом сама группа существует ровно постольку, поскольку мы продолжаем верить в ее существование. Как следствие, обвинения в идеализме неизбежны.

По мысли Блура, концепт «принадлежности к группе» далеко не единственный. В самом деле, при анализе таких понятий, как «брак», «деньги», «права», «обязанности», «собственность» и многих других мы приходим ровно к тем же выводам, что и в случае с «принадлежностью к группе». Вообще говоря, огромное множество социальных понятий относится к одному и тому же типу. Реальность, соответствующая такого рода понятиям, создается нашими же убеждениями и указанием (референцией) на эту реальность. Или, другими словами, эти понятия самореферентны.

Что, собственно, это может означать? На первый взгляд, это должно означать следующее: социальные установления самореферентны, а социальное знание так или иначе предполагает соответствующий понятийно-категориальный аппарат. В свою очередь, основу понятийно-категориального аппарата составляют социальные установления, которые самореферентны. Отсюда с необходимостью следует, что социальное знание должно быть самореферентным. Получается, что используемые нами слова указывают на другие слова, а не на внешнюю, независимую от наблюдателя реальность, и, следовательно, все обвинения в идеализме справедливы. Как остроумно замечает сам шотландский философ, это может напомнить сказку Г.Х. Андерсена о «голом короле». Так называемое «платье короля» существовало лишь на словах и, быть может, в головах подданных и самого короля [8]. В действительности, однако, ситуация, по мнению Блура, иная.

Очевидно, что понятия, указывающие на социальную реальность, функционируют не так, как обычные понятия. По признанию самого Д. Блура, они свидетельствуют об «интригующих структурных чертах самих социальных установлений», но еще не свидетельствуют об идеализме [8, р. 843]. Более того, все наше знание, а вовсе не только социальное, является социальным установлением (институтом). При этом, подчеркивает Блур, его позиция вполне реалистическая.

Для прояснения своей мысли Блур предлагает проделать две вещи: вкратце рассмотреть индивидуалистические (интенционалистские или каузальные) теории значения и, в качестве мысленного эксперимента, «стереть» любые социальные аспекты (все социальное) из этих теорий и соответствующих им теорий сознания.

Вообще говоря, теории значения в большинстве своем являются несоциальными. То есть при объяснении значения (референции) основная роль отводится индивидуальному сознанию. Предположительно, роль социальных факторов не считается принципиально важной. Или, точнее говоря, все социальные факторы являются случайными. Иными словами, в некотором возможном мире возможно объяснение всех семантических аспектов значения без обращения к социальным факторам.

К числу наиболее разработанных теорий принадлежат каузальная теория репрезентации (и ее многочисленные разновидности) и

теория концептуальной семантики [1; 2; 14]. Очевидно, все это теории, которые появились вследствие когнитивных исследований последних десятилетий XX в. И, как следствие, эти теории значения, в отличие, например, от логико-философских или лингвистических теорий, предполагают соответствующие теории сознания [1; 2; 13].

В самом общем виде, согласно когнитивным теориям, процесс указания происходит благодаря нейрофизиологическим (нейропсихологическим) механизмам – механизмам сопоставления представленного образца с неким внутренним эталонным (первичным, представленным ранее) образцом [8]. К примеру, мы, предположительно, способны применить термин «собака» при виде собаки на том основании, что соответствующий зрительный образ сравнивается с некоторым внутренним образцом, который, в свою очередь, ассоциируется с соответствующим словом «собака». Блур подчеркивает, что он намеренно упрощает процесс, описываемый теорией. Тем более он не использует соответствующую терминологию. Но, по его мысли, это не должно затронуть его аргументацию.

Представим себе процесс обучения слову. Некоторый образец представлен перед неким носителем языка и именуется определенным термином. Предположительно, на его основе формируется некий паттерн, на основе которого в каждом новом случае видения образца активизируется некоторый психофизиологический механизм в мозге. Этот механизм сам по себе необходим и достаточен, по мнению представителей каузального (как, впрочем, и интенционального) подхода, чтобы автоматически вызвать впоследствии в сознании необходимое слово.

Что, собственно, здесь не устраивает Дэвида Блура? Дело в том, что, когда некоторые образцы представлены многим людям, реакция на них впоследствии будет различаться. Это неизбежно, коль скоро индивидуальное сознание, так или иначе, предполагает индивидуальные паттерны – речевого, и даже шире, когнитивного поведения. То есть, даже если попытаться найти образец, приблизительно одинаковый для всех носителей *данного* языка, мы неизбежно столкнемся с различиями. По-видимому, верно даже более сильное утверждение: индивидуальные образы (паттерны) у *разных* носителей языка необходимо *различны*. При этом, пред-

положительно, внутренние образы не могут корректироваться извне (то есть мы не можем апеллировать к социуму), коль скоро, согласно индивидуалистическим теориям, психофизиологический механизм мозга всецело самодостаточен. Отсюда, по мысли Барнса, непонимание и, более того, невозможность коммуникации – необходимое следствие из несоциальных теорий значения и интенциональности.

Иными словами, непонимание – вовсе не случайный факт. Скорее, наоборот, отсутствие самого факта непонимания едва ли объяснимо. Функция социализации, в самом широком смысле слова, предполагает критерий, не зависящий в большинстве случаев от индивидуального сознания. А при отсутствии этого критерия неизбежно кто-то начнет указывать на собаку при виде кота, или, наоборот, не узнавать собаку перед собственными глазами.

В более общем виде эту мысль Блура можно было бы сформулировать следующим образом: любое усвоение значений слов (и даже шире – любое владение языком) предполагает социальный аспект. Или, говоря экзистенциалистским языком, можно было бы утверждать, что усвоение значения слова (и языка в целом) предполагает Другого. И постановка этой проблемы вовсе не нова. Так, у Витгенштейна, влияние которого на Блура несомненно, эта проблема формулируется как «проблема индивидуального языка» [9]. И для Витгенштейна, как и для Блура, индивидуальный язык невозможен. Здесь следует отметить, что функция общественного образования, вообще говоря, и состоит в обеспечении некоторого коллективного образца для *всех* носителей языка и, что более важно, *нормативного* компонента языка.

Но что, собственно, предлагает сам Блур? Социальную теорию значения (референции) и обязательность социального компонента и в усвоении и, как следствие, в использовании языка, – в коммуникации, в чем и заключается основная функция любого языка. Социальную теорию значения Блура / Барнса можно представить несколькими пунктами:

1. Все будущие применения терминов неопределенны [7, р. 55]. Не существует никакого алгоритма в настоящем, который бы фиксировал заранее все будущие применения термина. Иными словами, научный (или же любой когнитивный) процесс – это открытый процесс, и, как следствие, все будущие применения терминов неопределенны.

2. Ни один акт применения термина не является абсолютно правильным.

3. Все результаты актов применения терминов могут быть пересмотрены [7, р. 57]. По существу, этот пункт – следствие из предыдущего. Из возможности ошибки исследователей следует возможность пересмотра предыдущих решений.

4. Применение термина не является изолированным процессом [7, р. 57].

5. Применения *разных* терминов естественных родов зависят друг от друга. Каждое компетентное применение термина предполагает знакомство со всей системой классификации, а любая система, тем более языковая и социальная, не может быть изолированной по самой своей сути. Строго говоря, эта программа была сформулирована не в этой статье, а в совместной с Барнсом работе «Наука и научное знание» [7] и в более ранних статьях Барнса [5; 6], но это не меняет сути дела, поскольку именно ее (программу) он имеет в виду в своей статье «Идеализм и социология знания».

Наконец, социальная (в другой терминологии – «финитистская») теория значения должна быть дополнена соответствующим социальным компонентом. То есть, по словам Блура, акцент при анализе интенциональности как когнитивного процесса должен быть смещен с индивидуальных, психологических и биологических процессов на процессы социальные [8, р. 848]. Последний аспект особенно важен, коль скоро все индивидуалистические модели интенциональности и, как следствие, индивидуалистические теории значения не в состоянии объяснить нормативный компонент языка.

Идея Барнса состоит в следующем: нормативность языка основывается на консенсусе – согласии носителей языка. Консенсус, необходимый для нормативных стандартов, сам имеет самореферентную структуру. Как утверждает философ, консенсус не является просто статистическим свойством некоторого множества независимых высказываний [8, р. 848].

В самом общем виде самореферентный процесс при консенсусе можно представить следующим образом: я называю что-то правильным, если (и потому что) и другие называют это правильным [8, р. 848]. Консенсус создается и поддерживается в процессе коммуникации и сам является частью коммуникативного процесса. При этом консенсус сам имеет нормативный характер; достижение консенсуса определяет

своего рода стандарт для коммуникации таким образом, что любое отклонение от него воспринимается как «неправильное», а не просто «необычное». С другой стороны, консенсус как нормативный стандарт является основообразующим для интенциональности и значения (для овладения языком в целом), коль скоро Блур вместе с Витгенштейном полагает, что индивидуальный язык невозможен.

Таким образом, аргументацию Блура можно рассматривать как косвенное доказательство социального характера интенциональности и значения. То есть, если нет группы (социума), то нет консенсуса; нет консенсуса – нет нормативного элемента; нет нормативного элемента – нет значения. Следовательно, если нет группы (социума), то нет и значения. Но значение есть, коль скоро все мы общаемся и понимаем друг друга, и, следовательно, анализ значения и интенциональности необходимо начинать именно с групп. По словам Блура, внутренне присущая интенциональность есть свойство социальных групп, а не индивидуальной психики со всей ее эволюционной историей и каузальными отношениями с окружающим миром [8, р. 848]. Следует подчеркнуть, что Дэвид Блур вовсе не отрицает важность индивидуальной психики. Он лишь утверждает, что индивидуалистический подход в принципе не достаточен для объяснения значения и интенциональности.

Здесь уместно обратиться к работе Джона Сёрля «Социальное конструирование реальности» [15], на которую, в частности, опирается и с которой полемизирует Блур. В ней представлен подробный анализ социальных понятий и построена их иерархия. В самом начале иерархии – физические и ментальные факты. Ментальные факты, по мысли Сёрля, являются также физическими (Сёрль не разделяет картезианский дуализм), но имеют свою специфику. Далее, ментальные интенциональные индивидуальные (не предполагающие другие сознания) факты, коллективные интенциональные факты, факты функциональные разных типов – агентивные, каузальные и т.д. И, наконец, на самом вершине иерархии – факты, предполагающие приписывание статусной функции, – это и деньги, и перформативные высказывания, и многие высказывания, предполагающие определенный контекст [15]. Именно они самореферентны, и именно их анализировал Блур. Но вот что важно: у Джона Сёрля в самой основе – физическая реальность (brute facts), как и Блур, он считает

себя реалистом, но подход к интенциональности у него иной.

Для Сёрля принципиально важна индивидуальность психики. «Интенциональность, как индивидуальная, так и коллективная, в моей голове» [8, р. 850]. Как следствие, Сёрль не может принять финитистский подход к значению. Концепты, по мысли Сёрля, могут быть социальными и несоциальными, определение их нередко конвенционально, но как только мы определили концепты, соответствие или же их несоответствие миру от нас далее не зависит [15; 16]. Для Блура же принципиально важна нестрогая фиксация концептов, или, в терминологии Крипке, концепты (или термины) – не жесткие десигнаторы [1; 2; 13].

По-видимому, спор Блура – Сёрля – это спор о первичности биологического или социального. С одной стороны, аргументы Блура довольно убедительны. С другой стороны, исследования нейробиологов (зона Брока, Вернике и т.д.), исследования афазий, наконец, результаты Хомского (хотя Сёрль с ним во многом не согласен) свидетельствуют и о справедливости представлений Сёрля, то есть о важности именно эволюционной истории психики (и мозга). На первый взгляд, соотношение биологического и социального похоже, используя компьютерную метафору, на соотношение hardware – software (жесткий диск – программное обеспечение). Но очевидно, что только результаты эмпирических исследований помогут поставить точку в этом вопросе.

Между тем Сёрль нам интересен еще в одном аспекте. А именно нам важна реалистическая позиция последнего, которая практически совпадает с позицией Блура. В первую очередь, Джон Сёрль предлагает отделить реализм как онтологическую доктрину от всех других доктрин. Реализм, а точнее экстерналистский реализм, – это доктрина, которая утверждает существование мира, независимого от всех человеческих репрезентаций [15]. То есть, реализм не является ни теорией языка, ни теорией истины и не предполагает какой-то эпистемологической позиции. В частности, реализм совместим с концептуальным релятивизмом, который, судя по всему, он разделяет вместе с Блуром. В самом деле, познание всегда, так или иначе, релятивизировано – к концептуальной схеме, к выразительным средствам и т.д. Но все это несколько не затрагивает реализм как онтологическую доктрину. Можно заблуждаться в

том, каков мир есть; но даже заблуждения предполагают его (мира) наличие.

По мнению Сёрля, существование мира есть пресуппозиция любой коммуникации. Пресуппозиция, согласно Питеру Стросону (именно ему принадлежит авторство данного термина), – не следствие какого-либо высказывания, а условие его осмысленности, и, следовательно, наличия у этого высказывания истинностной оценки [11; 14]. Так, предложение «На Эвересте есть снег» как предложение публичного (неиндивидуального) языка предполагает, помимо многих других пресуппозиций, наличие публично доступной реальности [15]. В противном случае факт понимания предложения будет просто необъясним.

Сёрль эту пресуппозицию называет «фоном» (background) [15; 16]. Фон у Сёрля помимо пресуппозиции реальности включает в себя целый комплекс других пресуппозиций – культурные и исторические особенности восприятия и интерпретации предложений и т.д. Судя по всему, фон должен формироваться в процессе социализации (и ориентации в мире). И именно ее же использует Блур. Фон Блура (хоть он и не использует этот термин) – это та же пресуппозиция независимой от наблюдателя реальности и особенности восприятия и интерпретации. Блура интересуют в первую очередь высказывания с социальными фактами, и там все пресуппозиции особенно очевидны. Так, предложение «У Джонса есть дом» предполагает социальный факт «собственность», который не может быть локализован в чьей-то одной голове. Владение собственностью предполагает наличие прав, обязательств и, конечно, других людей. Или по-другому: владение собственностью имеет пресуппозицию (или фон) существования людей и, как следствие, существования внешнего мира.

Предположительно, по мысли Блура, косвенное доказательство социальной интенциональности и значения, и пресуппозиции любого языка предполагают реализм, и именно поэтому проект «сильной программы» не является идеалистическим. По словам шотландского философа, индивидуалистам сложно осознать тот факт, что мы познаем мир не вопреки социуму и социальному влиянию, а ровно наоборот. Только благодаря социуму мы в состоянии познавать этот мир.

В заключение следует отметить, что представление о знании как социальном установ-

лении неоднозначно и может подвергаться критике, что и происходило многократно. Так, к примеру, социальность языка едва ли не трюизм. Однако далеко не очевидно, насколько из социальности языка и социальности его усвоения следует самореферентность знания. Насколько самореферентность социальных понятий («брак», «право» и т.д.), которая, конечно, не вызывает сомнений, можно переносить на другие понятия (например, вода, лес, и т.д.)? Очевидно, что они функционируют в языке отлично от социальных. Далее, Блур и Барнс сместили акцент исследований интересов ученых в формировании знания, но не отказались от них. Тогда какова роль интересов ученых в его концепции самореферентного знания? Тем не менее, нельзя не признать оригинальность проекта. И очевидно, что исследования Блура – Барнса существенно обогащают наше понятие знания и, по словам Ю.С. Моркиной [3], придуют ему новые аналитические ракурсы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев М.В. Стабильность языкового значения. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
2. Лебедев М.В., Черняк А.З. Онтологические проблемы референции. М.: Праксис, 2001.
3. Моркина Ю.С. Социальная теория познания Д. Блура: истоки и философский смысл. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.
4. Barnes, B., 2011. Essentialisms in the sciences. *Critical Quarterly*, Vol. 53, no. 4, pp. 90–102.
5. Barnes, B., 1982. On the extensions of concepts and the growth of knowledge. *Sociological Review*, Vol. 30, no. 1, pp. 23–44.
6. Barnes, B. 1983. Social life as bootstrapped induction. *Sociology*, Vol. 17, no. 4, pp. 524–545.
7. Barnes, B. Bloor, D. and Henry, J., 1996. *Scientific knowledge: a sociological analysis*. Chicago: University of Chicago Press.
8. Bloor, D., 1996. Idealism and the sociology of knowledge. *Social Studies of Science*, Vol. 26, no. 4, pp. 839–856.
9. Bloor, D., 1997. *Wittgenstein, rules and institutions*. London: Routledge.
10. Bucchi, M., 2004. *Science in society. An introduction to social studies of science*. London: Routledge.
11. Bradley, R. and Swartz, N., 1979. *Possible worlds: An introduction to logic and its philosophy*. Indianapolis: Hackett Publishing Company.
12. Collin, F., 2011. *Science studies as naturalized philosophy*. Dordrecht: Springer.

13. Grayling, A.C., 1990. An introduction to philosophical logic. London: Gerald Duckworth and Co.

14. Kemp, G., 2013. What is this thing called philosophy of language. New York: Routledge.

15. Searle, J.R., 1995. The construction of social reality. New York: Free Press.

16. Searle, J., 1999. Mind, language and society: philosophy in the real world. New York: Basic Books.

REFERENCES

1. Lebedev, M.V., 2008. Stabil'nost' yazykovogo znacheniya [Stability of language meaning]. Moskva: Izdatel'stvo LKI. (in Russ.)

2. Lebedev, M.V. and Chernyak, A.Z., 2001. Ontologicheskie problemy referentsii [The ontological problems of reference]. Moskva: Praksis. (in Russ.)

3. Morkina, Yu.S., 2011. Sotsial'naya teoriya poznaniya D. Blura: istoki i filosofskii smysl [Social epistemology by David Bloor: origins and philosophical meaning.]. Moskva: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya». (in Russ.)

4. Barnes, B., 2011. Essentialisms in the sciences. *Critical Quarterly*, Vol. 53, no. 4, pp. 90–102.

5. Barnes, B., 1982. On the extensions of concepts and the growth of knowledge. *Sociological Review*, Vol. 30, no. 1, pp. 23–44.

6. Barnes, B. 1983. Social life as bootstrapped induction. *Sociology*, Vol. 17, no. 4, pp. 524–545.

7. Barnes, B. Bloor, D. and Henry, J., 1996. *Scientific knowledge: a sociological analysis*. Chicago: University of Chicago Press.

8. Bloor, D., 1996. Idealism and the sociology of knowledge. *Social Studies of Science*, Vol. 26, no. 4, pp. 839–856.

9. Bloor, D., 1997. *Wittgenstein, rules and institutions*. London: Routledge.

10. Bucchi, M., 2004. *Science in society. An introduction to social studies of science*. London: Routledge.

11. Bradley, R. and Swartz, N., 1979. *Possible worlds: An introduction to logic and its philosophy*. Indianapolis: Hackett Publishing Company.

12. Collin, F., 2011. *Science studies as naturalized philosophy*. Dordrecht: Springer.

13. Grayling, A.C., 1990. An introduction to philosophical logic. London: Gerald Duckworth and Co.

14. Kemp, G., 2013. What is this thing called philosophy of language. New York: Routledge.

15. Searle, J.R., 1995. The construction of social reality. New York: Free Press.

16. Searle, J., 1999. Mind, language and society: philosophy in the real world. New York: Basic Books.

Б.Ю. Соколова*

ЖИВАЯ ЭТИКА КАК ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА

В статье представлены особенности Живой Этики как одной из философских систем русского космизма начала XX в., исследование которой актуализируется в наши дни. Автор анализирует такие вопросы, как единство и взаимодействие человека и космоса, взаимоотношение духа и материи, космическая эволюция. Отдельное внимание уделено закону двойственности как одному из важнейших методологических положений системы познания Живой Этики. В статье рассмотрены некоторые аксиологические категории, такие как принцип общего блага, героизм, красота, а также философско-антропологические идеи, акцентирующие внимание на беспредельных возможностях человеческого аппарата. Автор подчеркивает значение этики и нравственности в методологии рассматриваемой философской системы.

Ключевые слова: Живая Этика, космизм, Рерих, героизм, мысль, красота, космическая эволюция, микрокосмос

Living Ethics as a philosophical system. BOGDANA Yu. SOKOLOVA (Plekhanov Russian University of Economics)

The article presents the features of Living Ethics as one of the philosophical systems inside Russian cosmism at the beginning of the twentieth century, the study of which gains popularity today. The author analyzes such issues as the unity and interaction of man and space, the relationship between spirit and matter, cosmic evolution. Special attention is paid to the law of duality as one of the most important methodological foundations of the Living Ethics system of cognition. The article also examines some axiological categories, such as the principle of the common good, heroism, beauty, as well as philosophical and anthropological ideas that focus on the boundless possibilities of man. The author emphasizes the importance of ethics and morality in the methodology of Living Ethics as a philosophical system.

Keywords: Living Ethics, cosmism, Roerich, heroism, thought, beauty, cosmic evolution, microcosm

Живая Этика, в создании которой приняли участие мыслитель и общественный деятель Елена Ивановна Рерих, а также художник и философ Николай Константинович Рерих, возникла в 1920-е гг. и явилась одной из самых ярких и самобытных философских систем. Работа над ее текстами длилась в течение поч-

ти тридцати лет. Живая Этика принадлежит к философии русского космизма, получившего в те годы широкое распространение в трудах как ученых-естественников и философов, так и представителей культурной элиты – поэтов, писателей, художников, музыкантов. Космизм, или космическое мышление, принес новое по-

* СОКОЛОВА Богдана Юрьевна, кандидат культурологии, ведущий редактор редакционно-издательского отдела Издательско-полиграфического центра Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

E-mail: altair-16@yandex.ru

© Соколова Б.Ю., 2021

нимание мироздания как упорядоченного космоса и одухотворенной целостной энергетической системы, а также осмысление тесной, взаимообогащающей связи с ним человека и общества. В Живой Этике, философия которой содержит синтез эмпирического опыта Запада и умозрительной философии Востока, содержатся идеи, созвучные мыслям многих выдающихся космистов.

О ключевой роли Живой Этики – философии космической реальности – в процессе зарождения и развития космизма, говорится в резолюции международной научной конференции «Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века» (Москва, 2003 г.), в которой приняли участие свыше 900 человек, в том числе 13 академиков и 87 докторов наук. Участники конференции отметили, что в философии Живой Этики содержатся основы новой теории познания и методология нового космического мышления [17, с. 339].

Живая Этика обладает следующими особенностями философского знания:

- содержит фундаментальные мировоззренческие и методологические идеи и понятия (категории), лежащие в основе научного знания, такие как дух, материя, пространство, бытие, время, система, причина, следствие и др.;

- включает как объективное знание, так и осмысление нравственных ценностей; как и другие философские системы космизма, отводит этическим принципам огромную роль в обществе;

- изучает не только предмет познания, но и механизм самого познавательного процесса, эффективность которого в Живой Этике связана с внутренними качествами человека;

- обращается как к внешнему предметному миру, так и ко внутреннему миру человека, его переживаниям, эмоциям и мыслям;

- предметом изучения в Живой Этике является человек, органично встроенный в одухотворенную систему мироздания, оказывающий воздействие на другие компоненты этой системы и подверженный влиянию иных структур, в том числе иерархически более высоких.

Если рассматривать Живую Этику с точки зрения традиционной онтологической проблематики, то в ней можно выделить такие вопросы, как многомерность и иерархичность мироздания, его *беспредельность* («Бытие в своей неограниченности может быть утверждено как Беспредельность» [3, с. 266]), космические за-

коны, взаимоотношение духа и материи, единство микро – и макрокосмоса, энергоинформационный обмен и многое другое. Важная онтологическая проблема философии Живой Этики – космическая эволюция – обозначает в отношении человечества его совершенствование как неотъемлемой части вселенной и включает такие фундаментальные понятия, как добро, красота, культура, истина, героизм, духовность. Живая Этика посвящена закономерностям космической эволюции.

Характерный для космизма акцент *на единстве всего в мироздании* в Живой Этике обусловлен космическим законом и связан с духом: «Мир един созвучием духа» [10, с. 307]. В мироздании все является тем или иным видом материи, которая может иметь разные уровни своего существования – от плотных до самых тонких, определяемые качеством вибраций присущей им энергии. С точки зрения Живой Этики, дух – это тонкое состояние материи, так называемая тонкоматериальная субстанция, которой присуща энергетика высоких вибраций. Анализируя методологию Живой Этики, современный ученый и философ-космист Л.В. Шапошникова пишет: «И то, что мы называем духом, и то, что определяем как материю, есть лишь различные состояния материи. С этой точки зрения Живая Этика есть наиболее материалистическая философская система. Для нее не существует “невещественного начала”. <...> Состояние материи, в конечном счете, обуславливается уровнем вибраций энергии, связанной с данным видом материи» [31, с. 46]. Ученый выделяет главные особенности духа, которые содержит Живая Этика: невозможность существования отдельно от материи; неуничтожимая природа в отличие от временности плотной материи; дух как главное творческое и формообразующее начало мироздания; преображающая и одухотворяющая способность духа; творческая роль в эволюции космоса и человека; дух как познавательная сила [31, с. 48–49]. Важно отметить, что такой выдающийся ученый, как В.И. Вернадский, также относился к духу как к познавательной силе. «Научное мировоззрение, – писал он, – есть создание и выражение человеческого духа...» [7, с. 20]. Живая Этика содержит новую парадигму осмысления человека как носителя творческой силы духа, преображающей окружающий мир и самого носителя.

Классической диалектике очень близок один из центральных методов системы познания

Живой Этики, который называют *двойственностью*. В этой философии двойственность считается основой бытия. Все явления, процессы в мире и сам человек – двойственны, т.е. несут в себе два полюса, или две стороны, – плотную и тонкую, материю и дух. Взаимодействие духа и материи, которое можно назвать диалектическим, создает энергию, являющуюся движущей силой космической эволюции. В философии Живой Этики любой процесс или явление рассматривается с точки зрения этого взаимодействия духа и материи. Один полюс явления или процесса может укреплять другой: «Положение укрепляется противоположением» [1, с. 352]. Например, жизненные препятствия и испытания, правильно поняты и преодоленные человеком, укрепляют силу его духа и приносят успех. Живая Этика утверждает, что в способности видеть оба противоположных полюса единой вещи заключена мудрость. Необходимо научиться вмещать противоположения, усовершенствуя свое сознание, и тогда можно познать единство и целостность бытия.

При этом в Живой Этике отмечается, что нельзя смешивать противоположности и противоречия, ибо первые утверждают и дополняют друг друга, а вторые отрицают, взаимоисключают и нейтрализуют. Противоречия разрушают не только друг друга, но и сознание человека, в котором возникают. Противоречия антагонистичны и непримиримы, противоположности же, напротив, являются частями единого целого, разными сторонами одной вещи. Согласованность и взаимодополнение противоположностей лежит в основе творчества.

Краеугольный вопрос космизма – *единство и взаимодействие человека и космоса* – является одним из важнейших методологических положений Живой Этики. В ней утверждается, что макрокосм и микрокосм едины и подобны друг другу. И связь эта настолько велика, что «каждый микрокосм ответственен и за Макрокосм. <...> Связь микрокосма с Макрокосмом есть основа мира» [13, с. 374]. «Человек-микрокосм, – писал философ-космист Н.А. Бердяев, – ответственен за весь строй природы, и то, что в нем совершается, отпечатлевается на всей природе» [2, с. 171].

Единство микро – и макрокосмоса лежит в основе трудов многих выдающихся представителей космизма. «Человек, – отмечал другой космист, микробиолог Н.Г. Холодный, – несмотря на существенные особенности созданной

им жизненной среды, продолжает оставаться неотъемлемой частью космоса, полностью подчиненной действующим в нем законам» [26, с. 333]. «Воля человека и всяких других существ – высших и низших – есть только проявление воли Вселенной, – утверждал основоположник космонавтики К.Э. Циолковский. – Голос человека, его мысли, открытия, понятия, истины и заблуждения – есть только голос Вселенной» [27, с. 117]. Биофизик А.Л. Чижевский в своих научных изысканиях также исходил из концепции взаимодействия человека и общества с ритмами космоса. Он занимался изучением влияния космических факторов, в частности циклов активности Солнца, на процессы в живой природе и на социально-исторические процессы. В своем труде «Физические факторы исторического процесса» А.Л. Чижевский утверждал: «...Есть некоторая взвешенная сила, воздействующая извне на развитие событий в человеческих сообществах. Одновременность колебаний солнечной и человеческой деятельности служат лучшим указанием на эту силу» [28, с. 52].

Если говорить об эволюции человека-микрокосма, то в первую очередь под этим следует понимать развитие его культуры – духовной оси его внутреннего мира. На формирование и развитие культуры как феномена, связанного с духом, непосредственное влияние оказывает энергетика, которая по своей природе должна быть утонченной, т.е. обладать высокими вибрациями. Взаимодействуя с духом человека, имеющим такую же энергическую природу, высокая энергетика снабжает его необходимым импульсом, творчески преобразующим его и направляющим к совершенствованию. Это происходит в процессе *энергоинформационного обмена* с другими комическими структурами – людьми (горизонтальный энергообмен), планетами, Солнцем, звездами (вертикальный), а также с мирами иных измерений и состояний (глубинный).

Согласно Живой Этике, энергообменные процессы – это один из главных факторов развития культуры и совершенствования человечества. Благодаря им происходит важнейший процесс человеческой эволюции, связанный с познанием и осмыслением мироздания – рост, или *расширение сознания*. Известный философ и палеонтолог П. Тейяр де Шарден определял эволюцию как «возрастание сознания» [23, с. 193]. Такое определение созвучно фи-

лософии Живой Этики, в которой возрастание, или расширение сознания, рассматривается как сложный, длительный и незаметный процесс накопления опыта и превращения этого опыта в знание, которое становится неотъемлемой частью сознания человека. Таким образом, происходит постепенное открытие, осмысление и вмещение человеком в орбиту своей духовной деятельности все новых граней беспредельной истины бытия. Особенно это актуально для научных исследований. «Условия новых научных достижений должны соответствовать требованию будущего, – говорится в Живой Этике. – <...> Каждый ученый, который понимает закон расширения сознания, уже разбил стену предрассудков» [4, с. 179–180]. Как отмечает И.В. Фотиева, в Живой Этике «говорится о развитии сознания, раскрытии его практически безграничного потенциала в познавательном, творческом и нравственном аспектах» [24, с. 1184].

Необходимо отметить, что процесс расширения сознания невозможен без важнейшего принципа «Учитель – ученик», основанного на передаче знаний, умений, навыков. Этот принцип познания красной нитью проходит через мифологию, где Учителями человечества были культурные герои; пронизывает всю земную историю, в которой двигателями прогресса были творцы учений, мыслители, подвижники, выдающиеся деятели всех времен и народов; является одним из важнейших положений восточной философии. В Живой Этике принцип «Учитель – ученик» носит универсальный характер космического закона, играющего одну из центральных ролей в продвижении человечества по лестнице космической эволюции. Поправление этого принципа может повергнуть в одичание и погрузить в хаос.

В качестве итога онтологической проблематики Живой Этики перечислим ее основные методологические положения как философской системы:

- мироздание является целостной энергетической системой, чьи составляющие, включая человека, находятся в энергоинформационном обмене;

- множественность миров во вселенной обусловлена существованием различных состояний материи и различных измерений;

- дух в мироздании занимает центральное место и является основой космического творчества;

- человек представляет собой часть космоса и несет его в себе;

- человек зависит от миров с более тонким состоянием материи и более высоких измерений;

- в основе познания человеком мироздания лежит расширение сознания, при котором невоспринимаемое и непонятное становится зримым и постигаемым;

- расширение сознания постепенно превращает человека из объекта в субъект эволюции;

- с предыдущей проблемой связан принцип учительства как один из ведущих принципов космической эволюции (см.: [31, с. 53–57]).

В методологию Живой Этики входит рассмотрение *космических законов* и их влияния на человека, социальные и культурные процессы в обществе. Действие таких законов особенно важно для сферы морали и нравственности. Следование законам космоса помогает человеку в его эволюции, пренебрежение же ими влечет за собой губительные следствия и кризисные явления в личной и социальной жизни. Среди множества космических законов, анализируемых в Живой Этике и имеющих как общий, так и частный характер, хотелось бы выделить следующие: закон двойственности, закон энергоинформационного обмена, закон общего блага, закон причинно-следственных связей, закон единства космоса, закон учительства, закон духовного преображения через красоту, закон цикличности развития космоса, закон расширения сознания, закон равновесия двух начал (женского и мужского), закон свободной воли и другие.

Познание человека в Живой Этике тесно связано с его нравственными качествами. Чем выше его духовный уровень, тем более совершенны познавательные возможности. Важную роль играет качество самоотверженности, которое, расширяя горизонты сознания, обеспечивает более глубокое познание мира человеком, отказавшимся от эгоистических помыслов. Древняя формула «отвергнись от себя» оказывается в гносеологическом плане очень актуальной.

Необходимо отметить, что современные ученые указывают на существование принципиальных отличий теории познания и методологии Живой Этики от традиционных подходов (см., напр.: [31, с. 158–161; 20, с. 91]). Так, например, в основе системы познания Живой Этики лежит *синтез двух способов – эмпири-*

ческого и так называемого *метанаучного*. В то время как основным методом эмпирического способа познания является эксперимент, в основе метанаучного лежит умозрение. Метанаука гораздо древнее эмпирической науки, возникшей в XVII–XVIII вв.; она осуществляется через внутреннее пространство человека, его дух и сердце как инструменты познания сложной и многомерной реальности космоса. Метанаучный метод познания включает прозрения, озарения, вдохновение, интуицию и другие тонкие способы восприятия действительности. Рене Декарт считал интуицию началом познания, понимая дедукцию как интуицию в действии. А В.И. Вернадский писал в своем дневнике: «Поразительно, как быстро исчезают из сознания эти освещающие как молнии темноту создания интуиции и как много их помещается в единицу времени. Ясно одно – что здесь область бесконечно великая нового. <...> Как есть мысли, догадки, достижения интуиции, которые промелькнут и, если не будут зафиксированы, исчезнут навсегда! Весьма возможно, так как область познания и созерцания бесконечна» (цит. по: [29, с. 258]). Информация, полученная метанаучным способом познания, обладает важнейшей особенностью: она опережает сведения, получаемые в ходе эксперимента, имея пророческий характер [30, с. 54].

Многие научные открытия связаны с информацией, полученной метанаучным путем. Обращение к метанауке было свойственно деятельности В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского, П.А. Флоренского, Н.К. Рериха и других космистов. Также оно было присуще и творчеству многих умозрительных мыслителей прошлых эпох. Среди них ярким примером может служить философия Якоба Беме, который не имел фундаментального образования, не знал латыни, а был простым сапожником. За пять месяцев он написал свое знаменитое произведение «Аврора, или Утренняя заря в восхождении», в котором высказал созвучные Живой Этике и философии космизма мысли о тождестве космоса и человека, чье сердце является центром мира. Философские взгляды Я. Беме оказали значительное влияние на немецкую классическую философию, в частности на Гегеля и Шеллинга, а также на русских философов-космистов Вл. Соловьева, Бердяева, Булгакова. Уникальное свидетельство Я. Беме о строении мироздания и месте человека в нем было получено именно метанаучным способом, о чем

он сам писал [5, с. 19–20]. Вот как описывал Беме свое духовное прозрение: «В этом свете дух мой вскоре проник зрением все, и во всех тварях, а также в зелени и траве...» [5, с. 272].

Таким образом, можно сказать, что эмпирический – это внешний способ познания, а метанаучный – внутренний. Результатом метанаучного познания является мудрость, гносеологический статус которой гораздо выше, чем познавательные возможности интеллекта, ибо она связана с *сердцем*¹ человека, в которое Живая Этика помещает сознание [18, с. 190, 191]. Эта философская система наделяет сердце способностью мыслить: «Думает сердце, утверждает сердце, объединяет сердце. Можно помнить всегда значение сердца, так долго затемненного мозгом» [18, с. 189]. При этом истинность познания обусловлена чистотой сердца, т.е. нравственными качествами человека. Сердце в Живой Этике – место пересечения плотного мира и мира с более тонким состоянием материи; сердце способно чувствовать и по-своему осознавать окружающий мир.

Здесь надо сказать, что такое осмысление сердца имеет глубокие корни в мировой культуре. Так, в византийской философской традиции сердце также выступало альтернативой мозгу в качестве вместилища ума. Достаточно вспомнить, что византийский богослов и философ XIV в. Григорий Палама рассматривал сердце как преимущественный центр духовной жизни человека, как орган ума, как источник и хранитель мысленной информации: «...Наша способность мысли расположена и не внутри нас как в некоем сосуде, поскольку она бестелесна, и не вне нас, поскольку она сопряжена с нами, а находится в сердце как своем орудии» [15, с. 43]. Созвучно писал о способности сердца к познанию и французский мыслитель XVII в. Блез Паскаль: «Мы постигаем истину не только разумом, но и сердцем: именно сердце помогает нам постичь начало начал, и тщетны все усилия разума, неспособного к такому постижению, опровергнуть доводы сердца» [16, с. 174]. Также о познавательных возможностях сердца размышлял и украинский философ Памфил Юркевич в своей статье «Сердце и его значение в духовной жизни человека». «Сердце есть седалище всех познавательных действий души. <...> Уразуметь *сердцем* – значит понять (Втор. 8, 5)», – отмечал он, анализируя Святое Писание [32, с. 70]. Другой украинский мыслитель

¹ Речь идет о духовном сердце.

Григорий Сковорода подчеркивал: «...Сердце есть мыслей бездна...» [19, с. 451].

Большое значение Живая Этика отводит категории *мысли*. Вопреки общепринятому представлению о мысли как нематериальном явлении, Живая Этика рассматривает мысль в виде материальной субстанции, столь же реальной, как и действия человека. Однако материя мысли – иного порядка, т.к. она принадлежит миру с более утонченным по сравнению с плотным миром состоянием материи. Несмотря на свою тонкую природу, мысль оказывает огромное влияние на жизнь и эволюцию человека. Именно поэтому Живая Этика уделяет большое внимание качеству мыслей. Мысли человека должны соответствовать принципу красоты и гармонии, и только в этом случае возможно его эволюционное развитие. Ибо мысль магнетична по своей природе, так как притягивает из пространства энергии, соответствующие ей по качеству: «...Каждая мысль есть своего рода магнит, она привлекает к себе подобное» [13, с. 116]. Если мысли о добре, красоте, любви притягивают энергии высоких вибраций, то мысли о зле и разрушении – низких. Поэтому не «бытие определяет сознание», как считал К. Маркс, а сознание обуславливает бытие.

Таким образом, мысль может нести как созидательный потенциал, так и разрушительный. Авторы Живой Этики советуют взять свои мысли под строжайший контроль и призывают мыслить красиво и четко. При этом мрачность и злобность мышления влияет не только на самого человека, но и на окружающее пространство, общество и природу: «Год голода, засухи и болезней не будет ли следствием падения мысли?» [1, с. 25]. Поэтому человек несет планетарную ответственность за чистоту своего мышления. Важно отметить, что чистота мысли играет важную роль в познании. Как отмечается в Живой Этике, «чистая мысль, напитанная красотой, указывает путь к истине» [14, с. 20–21]. Познавательные возможности чистой мысли связаны с ее способностью расширять сознание человека, освобождая его от эгоистических, субъективных элементов, мешающих объективному восприятию действительности. При этом мысль, усиленная красотой, еще больше углубляет познавательные возможности человека.

Важность значения мысли основана также на утверждении, что мысль не имеет ограничения ни в пространстве, ни во времени, т.е. по сути бессмертна. «Можно, истинно, утверждать, что

мысль переживает все. Мысль бессмертна и живет, создавая новые сочетания» [4, с. 167]. Сила чистой, возвышенной мысли такова, что объединенная мысль коллектива гармонично настроенных людей может противостоять стихиям, она способна на великие свершения, способствует эволюции природы и общества. Ноосфера, или сфера разума, в концепции В.И. Вернадского как этап в развитии биосферы – это результат мыслительной деятельности человека. Как отмечает И.А. Герасимова, «в Живой Этике говорится о новом векторе в эволюции человека – становлении коллективного разума при развитой индивидуальности» [8, с. 1141].

Аксиологические вопросы, которые актуализируются в Живой Этике, неотъемлемы от нравственных проблем. Одной из важнейших ценностей является *принцип общего блага*. Космический закон единства делает этот принцип имманентным всему мирозданию. Поэтому творчество для общего блага является естественным состоянием духа, таким же естественным как само бытие. Следование данному принципу в жизни может привести человека к состоянию, именуемому в Живой Этике сотрудником космических сил: «Служитель, приверженец Общего Блага, утверждается как сотрудник Космоса» [4, с. 15]. Подобное представление об уровне эволюции человека нашло отражение в теории теургии Владимира Соловьева.

Также одной из значимых аксиологических категорий в Живой Этике является *героизм*. Это синтетическое явление понимается как одна из граней проявления духа человека, как степень развития его внутренней культуры и этических качеств [21]. Героизм обуславливает эволюцию не только отдельного индивида, но и целого народа, для которого его герои – это ведущее начало, маяки на пути духовного восхождения. Согласно Живой Этике, дух каждого человека несет в себе потенциал героического начала: «...Каждое сердце уже представляет кошель для подвига» [11, с. 43]. Исходя из тождества микро- и макрокосма можно утверждать, что героическое начало является имманентным качеством всей одушевленной вселенной. Героизм тесно взаимосвязан с другими ценностями, такими как самосовершенствование, свобода, культура, красота, и все эти взаимосвязи раскрыты в философии Живой Этики.

Важнейшая категория философии Живой Этики – *красота* как одна из главных ценностей

эволюции. Красота несет в себе высокую духовную энергетику и поэтому является фактором эволюционного продвижения человека и космоса. Красота наполняет мир гармонией и делает дух способным творить. Входя в соприкосновение с духом человека, красота пробуждает и побуждает развиваться созвучные ей элементы, или, иными словами, лучшие нравственные качества. Вл. Соловьев также связывал красоту с нравственным началом: «...Красота нужна для исполнения добра в материальном мире, ибо только ею просветляется и укрощается недобрая тьма этого мира» [22, т. 2, с. 392].

Философско-антропологические идеи при-сути Живой Этике даже в большей мере, чем обращение к внешнему миру. Она помещает в центр своего анализа человека, его место во вселенной, его роль в сложных процессах мироздания. Согласно Живой Этике, человек – неотъемлемая часть бытия вселенной и несет ответственность не только за свои мысли и поступки, но и за всю планету перед космосом. Человек по своей природе – магнит и тяготеет к тому, что созвучно его внутреннему миру. Красота или безобразие этого мира обуславливает прекрасное и уродливое во внешней среде его обитания. Человек может управлять магнитными энергиями своего микрокосма, он только должен осознать эту особенность своих мыслей и устремлений и направить их во благо окружающего мира. Вслед за учением Будды Живая Этика утверждает, что человек – это процесс, имея в виду, что в его микрокосме непрерывно все меняется. Главная задача состоит в том, чтобы изменения происходили в сторону усовершенствования, а не деградации. Хорошо, если в человеке постоянно углубляется понимание, расширяется сознание. Сознание человека является ареной борьбы между устремлениями, ведущими его вверх и влекущими вниз. Необходимо, чтобы равнодействующая сила устремлений была направлена на преобладание светлых энергий. Тогда человек будет неуклонно продвигаться по ступеням эволюции. Жизнь человека, говорит Живая Этика, это школа, это возможность постоянного накопления опыта и знаний, пригодных для будущего.

Аппарат человеческого организма уникален и в потенциале обладает беспредельными возможностями, располагает могучими энергиями, даже способными укрощать стихии. Но эти способности должны развиваться в человеке постепенно и ненасильственно, быть

направлены во благо всего сущего, и тогда со временем человек займет свое место как субъект космической эволюции. «Человек является источником знания и самым мощным претворителем космических сил» [12, с. 217]. Повторяя мысль древнегреческого философа Протагора о том, что «человек есть мера вещей», Живая Этика развивает эту мысль в направлении того, что мерилем всего в окружающем мире является человеческое сознание и его способность восприятия в соответствии со степенью своей развитости, которая (т.е. способность восприятия) не ограничена в своем потенциале. Об огромных потенциальных возможностях человека-микрокосма знали во все времена выдающиеся умы нашей планеты. Мишель Фуко в своей книге «Слова и вещи» приводит мысль Парацельса: «Нет ничего ни в глубине морей, ни в высях небосвода, что человек не мог бы открыть» [25, с. 69].

Так, в человеке заложена космическая мощь, которая может претворяться в творчестве и созидании [9, с. 54]. И осознание этой мощи, понимание своего места в мироздании открывает беспредельные возможности. «Смысл жизни утверждается в сознании человеческом, когда явлено понимание роли человека в Космосе. <...> Когда дух принимает истину, что макрокосм и микрокосм неразрывно связаны, то устанавливается связь сознательная, и сотрудничество становится возможным с космическими энергиями» [12, с. 64–65]. Человек должен постоянно стремиться к утверждению в своем внутреннем мире моральных качеств. Совершенствование человека всецело зависит от его желания преобразовать свою жизнь, что в свою очередь может изменить и окружающий мир. Нужно отметить значительную роль закона свободной воли, который предполагает возможность выбора и самостоятельного принятия решений и при этом налагает большую ответственность. Так, эволюция и деградация человека всецело зависят от него самого. Об этом очень точно сказал русский поэт Г.Р. Державин в стихотворении «Бог»: «Я связь миров, повсюду сущих... Я царь – я раб, я червь – я бог!».

Одно из первых мест в совершенствовании человека занимает труд, как физический, так и умственный. Труд должен обладать одной важной особенностью – он должен быть качественным. В Живой Этике отмечается, что качество труда создает условия для восхождения человеческого духа. «...Каждый улучшающий

качество труда своего, уже совершает подвиг. Даже если он действует ради себя, он не преминет принести и другим пользу» [13, с. 267]. Вдохновенный труд и творчество человека помогают аккумулировать важнейшую энергию, которую Живая Этика называет психической. Это одно из высших проявлений всеначальной огненной энергии, которая как основа мироздания разлита во всем пространстве и насыщает каждый его атом. Именно через эту энергию человек связан со всем мирозданием и процессами, происходящими в нем. Развитие психической энергии обуславливает творчество человека, его способность к познанию и овладению своими скрытыми возможностями. Состояние психической энергии связано с выработкой нравственных качеств. И снова мы приходим к связи гносеологии с этикой.

Уже то, что в самом названии философской системы есть слово «этика», указывает, какую роль играет в ней это понятие. Этика должна стать жизненной философией, применяемой во всех сферах человеческого бытия: «...Этика есть практическая фармакопея» [18, с. 66]. И еще: «Живая Этика должна прежде всего выражаться в этике явленных действий каждого дня» [12, с. 117]. Этические, нравственные основы – это самый реальный и мощный двигатель совершенствования человека. Нравственная жизнь – это, по сути, следование космическим законам, нарушение которых создает препятствия на дальнейшем пути человека и пагубно отражается на обществе в целом. Даже наука должна быть в первую очередь нравственной: «Нравственные основы делаются принадлежностью знания, лучше сказать, должны делаться, иначе пропасть между знанием и нравственностью делается губительной» [6, с. 77]. Вспомним, что нравственности как объективной могущественной силе посвящен труд Вл. Соловьева «Оправдание добра. Нравственная философия», в котором он очень созвучно вышеприведенному писал: «Этика есть гигиена, а не терапия духовной жизни» [22, т. 1, с. 151].

Живая Этика как философская система генерирует мировоззренческие идеи, с помощью которых может происходить познание окружающего мира. Рефлексия Живой Этики над такими культурными универсалиями, как пространство и время, единство и дифференциация, жизнь и бессмертие, человек, труд, творчество, героизм, красота, энергия, мысль и многое другое, создала глубокую, наполненную яркими смысловыми

акцентами систему философских знаний, применение которых поможет человечеству двигаться вперед по ступеням духовной эволюции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

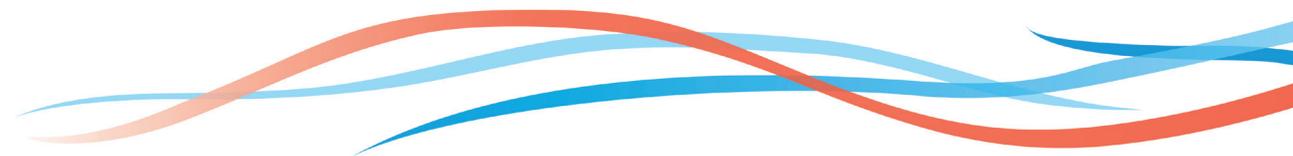
1. Агни Йога (Знаки Агни Йоги) [Живая Этика]. М.: Международный Центр Рерихов, 2008.
2. Бердяев Н.А. Человек. Микрокосм и макрокосм // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 171–175.
3. Беспредельность. Часть первая [Живая Этика]. М.: Международный Центр Рерихов, 2009.
4. Беспредельность. Часть вторая [Живая Этика]. М.: Международный Центр Рерихов, 2010.
5. Беме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. М.: Политиздат, 1990.
6. Братство [Живая Этика]. М.: Международный Центр Рерихов, 1996.
7. Вернадский В.И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна: Феникс, 1997.
8. Герасимова И.А. Философское наследие Рерихов в цивилизационных процессах // Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире». Круглые столы: сборник научных статей. М., 2020. С. 1140–1142.
9. Иерархия [Живая Этика]. М.: Международный Центр Рерихов, 2011.
10. Листы Сада Мории. Книга 1: Зов [Живая Этика. Living Ethics]. М.: Международный Центр Рерихов, 2003.
11. Мир Огненный. Часть II [Живая Этика]. М.: Международный Центр Рерихов, 1995.
12. Мир Огненный. Часть III [Живая Этика]. М.: Международный Центр Рерихов, 1996.
13. Надземное. Книга 1 [Живая Этика]. М.: Международный Центр Рерихов, 1996.
14. Община [Живая Этика]. М.: Международный Центр Рерихов, 1994.
15. Палама Г. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М.: Канон, 1995.
16. Паскаль Б. Мысли. СПб.: Азбука-классика, 2005.
17. Резолюция // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века: материалы международной научно-общественной конференции. В 3-х т. Т. 1. М.: Международный Центр Рерихов, 2004. С. 336–341.
18. Сердце [Живая Этика]. М.: Международный Центр Рерихов, 2012.

19. Сковорода Г.С. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1973.
20. Соколов В.Г. Философия Живой Этики в контексте инновационных процессов в науке // *Метафизика*. 2019. № 4. С. 81–93.
21. Соколова Б.Ю. Героизм как отклик на зов эволюции в философии Живой Этики // *Живая Этика как творческий импульс космической эволюции: материалы международной научно-общественной конференции*. М.: Международный Центр Рерихов, 2012. С. 105–115.
22. Соловьев В.С. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1988.
23. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987.
24. Фотиева И.В. Онтология «Живой этики» в контексте современного естествознания // *Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире»*. Круглые столы: сб. науч. стат. М., 2020. С. 1182–1184.
25. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.
26. Холодный Н.Г. Мысли натуралиста о природе и человеке // *Русский космизм: Антология философской мысли*. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 332–344.
27. Циолковский К.Э. Космическая философия. М.: АСТ, 2019.
28. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1992.
29. Шапошникова Л.В. Великое путешествие: в 3-х кн. Кн. 3. Вселенная Мастера М.: Международный Центр Рерихов, 2005.
30. Шапошникова Л.В. Космическое мышление и новая система познания // *Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века: материалы международной научно-общественной конференции*. В 3-х т. Т. 1. М.: Международный Центр Рерихов, 2004. С. 52–81.
31. Шапошникова Л.В. Философия космической реальности // *Листы Сада Мории*. Кн. 1. Зов. М.: Международный Центр Рерихов, 2003. С. 5–165.
32. Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990.
- A.G. eds., 1993. *Russkii kosmizm: Antologiya filosofskoi mysli*. Moskva: Pedagogika-Press, pp. 171–175. (in Russ.)
3. *Bespredel'nost'. Chast' pervaya* [Infinity. Part 1]. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2009. (in Russ.)
4. *Bespredel'nost'. Chast' vtoraya* [Infinity. Part 2]. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2010. (in Russ.)
5. Böhme, J., 1990. *Avrora, ili Utrennyaya zarya v voskhozhdenii* [Aurora or Dawn breaking]. Moskva: Politizdat. (in Russ.)
6. *Bratstvo* [Brotherhood]. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 1996. (in Russ.)
7. Vernadskii, V.I., 1997. *Onauke*. T. 1. *Nauchnoe znanie. Nauchnoe tvorchestvo. Nauchnaya mysl'* [On science. Vol. 1. Scientific knowledge. Scientific creativity. Scientific thought]. Dubna: Feniks. (in Russ.)
8. Gerasimova, I.A., 2020. *Filosofskoe nasledie Rerikhov v tsivilizatsionnykh protsessakh* [The philosophical heritage of the Roerichs in civilizational processes]. In: *Vos'moi Rossiiskii Filosofskii Kongress – «Filosofiya v politsentrichnom mire»*. *Kruglye stoly: sbornik nauchnykh statei*. Moskva, 2020, pp. 1140–1142. (in Russ.)
9. *Ierarkhiya* [Hierarchy]. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2011. (in Russ.)
10. *Listy Sada Morii. Kniga 1. Zov* [Leaves of Morya's garden. Book 1: The call]. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2003. (in Russ.)
11. *Mir Ognennyi. Chast' II* [The fiery world. Part II]. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 1995. (in Russ.)
12. *Mir Ognennyi. Chast' III* [The fiery world. Part III]. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 1996. (in Russ.)
13. *Nadzemnoe. Kniga 1* [Supermundane. Book 1]. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 1996. (in Russ.)
14. *Obshchina* [Zhivya Etika] [Community. Living Ethics]. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 1994. (in Russ.)
15. Palamas, G., 1995. *Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolvstvuyushchikh* [The triads in defense of the holy hesychasts]. Moskva: Kanon. (in Russ.)
16. Pascal, B., 2005. *Mysli* [Thoughts]. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika. (in Russ.)
17. *Rezolyutsiya* [Resolution]. In: *Kosmicheskoe mirovozzrenie – novoe myshlenie XXI veka: materialy mezhdunarodnoi nauchno-*

REFERENCES

1. *Agni Yoga (Znaki Agni Iogi)* [Agni Yoga (Signs of Agni Yoga)]. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2008. (in Russ.)
2. Berdyayev, N.A., 1993. *Chelovek. Mikrokozmi i makrokozmi* [Man. The microcosm and the macrocosm]. In: Semenova, S.G. and Gacheva,

- obshchestvennoi konferentsii. V 3-kh t. T. 1. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2004, pp. 336–341. (in Russ.)
18. Serdtse [Heart]. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2012. (in Russ.)
19. Skovoroda, G.S., 1973. Sochineniya. V 2-kh t. T. 2 [Works in 2 volumes. Vol. 1]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
20. Sokolov, V.G., 2019. Filosofiya Zhivoi Etiki v kontekste innovatsionnykh protsessov v nauke [Philosophy of Living Ethics in the context of innovative processes in science], *Metafizika*, no. 4, pp. 81–93. (in Russ.)
21. Sokolova, B.Yu., 2012. Geroizm kak otklik na zov evolyutsii v filosofii Zhivoi Etiki [Heroism as a response to the call of evolution in the philosophy of Living Ethics]. In: *Zhivaya Etika kak tvorcheskii impul's kosmicheskoi evolyutsii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-obshchestvennoi konferentsii*. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, pp. 105–115. (in Russ.)
22. Solov'ev, V.S., 1988. Sochineniya. V 2-kh t. [Works in 2 volumes]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
23. Teilhard de Chardin, P., 1987. Fenomen cheloveka [The phenomenon of man]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
24. Fotieva, I.V., 2020. Ontologiya «Zhivoi etiki» v kontekste sovremennogo estestvoznaniya [The ontology of Living Ethics in the context of modern natural sciences]. In: *Vos'moi Rossiiskii Filosofskii Kongress – «Filosofiya v politsentrichnom mire»*. Kruglye stoly: sbornik nauchnykh statei. Moskva, 2020, pp. 1182–1184. (in Russ.)
25. Foucault, M., 1994. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [The order of things: an archaeology of the human sciences]. Sankt-Peterburg: A-cad. (in Russ.)
26. Kholodnyi, N.G., 1993. Mysli naturalista o prirode i cheloveke [Naturalist's thoughts on nature and man]. In: Semenova, S.G. and Gacheva, A.G. eds., 1993. *Russkii kosmizm: Antologiya filosofskoi mysli*. Moskva: Pedagogika-Press. (in Russ.)
27. Tsiolkovskii, K.E., 2019. Kosmicheskaya filosofiya [Cosmic philosophy]. Moskva: AST. (in Russ.)
28. Chizhevskii, A.L., 1992. Fizicheskie faktory istoricheskogo protsessa [Physical factors of the historical process]. Kaluga. (in Russ.)
29. Shaposhnikova, L.V., 2005. Velikoe puteshestvie. V 3-kh kn. Kniga 3. Vselennaya Mastera [Great trip. In 3 books. Book 3: The universe of the master]. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov. (in Russ.)
30. Shaposhnikova, L.V., 2004. Kosmicheskoe myshlenie i novaya sistema poznaniya [Cosmic thinking and the new system of cognition]. In: *Kosmicheskoe mirovozzrenie – novoe myshlenie XXI veka: materialy mezhdunarodnoi nauchno-obshchestvennoi konferentsii*. V 3-kh t. T. 1. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2004, pp. 52–81. (in Russ.)
31. Shaposhnikova, L.V., 2003. Filosofiya kosmicheskoi real'nosti [The philosophy of cosmic reality]. In: *Listy Sada Morii. Kniga 1. Zov*. Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2003, pp. 5–165. (in Russ.)
32. Yurkevich, P.D., 1990. Filosofskiye proizvedeniya [Philosophical works]. Moskva: Pravda. (in Russ.)

Л.Г. Антипенко*

МОМЕНТ БЕССТРАШИЯ В ФИЛОСОФИИ: О ВОЗМОЖНОСТИ ДАЛЬНОДЕЙСТВУЮЩЕГО ОБЩЕНИЯ НАСТОЯЩЕГО С ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Момент бесстрашия в философии есть метафорическое выражение гипотезы, согласно которой у человека есть возможность воздействовать, в определенном смысле, на прошлое. В статье исследуется вопрос, имеются ли физико-математические основания для подтверждения этой гипотезы. Для этого привлекаются закономерности квантовой физики и не-евклидовой геометрии Лобачевского.

Ключевые слова: время, силовые взаимодействия, фазовые корреляции, прошлое, обратная реакция

A moment of fearlessness in philosophy: on the possibility of the influence of present on past and future. LEONID G. ANTIPENKO (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The moment of fearlessness in philosophy is a metaphorical expression of the hypothesis according to which a person has the ability to influence, in a certain sense, the past. The article discusses whether there are physical and mathematical grounds for confirming this hypothesis. The author draws upon the laws of quantum physics and non-Euclidean geometry of Lobachevsky to find the answer.

Keywords: time, force interactions, phase correlations, past, back reaction

О моменте бесстрашия в философской (познавательной) деятельности поведал нам Михаил Бахтин – имеется в виду его оценка нашей связи с прошлым в смысле возможности его изменения: «Нельзя изменить фактическую *вещную* сторону прошлого, но смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена, ибо она незавершима и не совпадает с собой (она свободна). Роль памяти в этом вечном преображении прошлого. Познание – понимание прошлого в его незавершимости (в его несовпадении с самим собою). Момент бесстрашия в познании» [4, с. 229].

Мы видим здесь связь указанного момента бесстрашия с подходом к решению проблемы времени, взятой во всей ее широте. В общих чертах решение этой проблемы в конечном итоге сводится к тому, что во времени открываются две его ипостаси: формальная (информационная) и вещественно-материальная. Возможность соотноситься с «выразительной, говорящей стороной» прошлого подпадает под компетенцию информационной ипостаси времени, что мы и намерены здесь показать. Определить, выразить сущность этой ипостаси поможет нам аналогия с тем эффектом, что

* АНТИПЕНКО Леонид Григорьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философии естественных наук Института философии РАН.

E-mail: chistrod@yandex.ru

© Антипенко Л.Г., 2021

имеет место в голографии: запись информации на голограмме с последующим ее воспроизведением.

Напомним, в чем заключается суть данного эффекта, позволяющего получить более полную информацию при изображении предметов по сравнению с изображением, представленным на фотографиях. Изображение предмета на фотопленке несет на себе ту часть информации, которая получается в порядке регистрации интенсивности световых волн: места с высокой их интенсивностью получают на фотопленке более яркими, а места с пониженной интенсивностью – более темными. Но световые лучи несут в себе и другую информацию, которая называется *фазовой*. Когда два световых луча находятся в фазе в данной точке (на экране или на фотопластинке), они усиливают друг друга, а будучи в противофазе – взаимно уничтожаются. В промежутке же между этими двумя крайностями будут находиться места с частичными усилениями или ослаблениями световой волны.

Эта интерференционная картина и позволяет учесть данную информацию при съемке объемных предметов, поскольку она зависит от того, какая часть предмета – более удаленная или менее отдаленная – является источником световой волны. Но для учета этих различий требуется наличие неизменных меток, которые позволяют фиксировать эти фазовые различия. Для этого проекция световой волны на голограмму ведется двумя лазерами. Один луч проходит на нее свободно, а второй исходит от изображаемого предмета. Далее, при освещении голограммы опять же лазерным светом получают объемную видимость предмета, т.е. восполняют глубину, которой ему недостает при изображении на обычном фото. Удивляет то, что на двухмерной поверхности высвечиваются трехмерные (объемные) предметы.

Голографический феномен столь впечатляет, что некоторые физики пытаются использовать его даже в космологии. Так, американский физик Брайан Грин сообщает по этому поводу следующее. В начале 1990-х гг. лауреат Нобелевской премии голландский физик Герард Хофт и Леонард Сасскинд, один из основателей теории струн, предположили, что сама Вселенная может функционировать подобно голограмме. «Они выдвинули потрясающую идею, что все, что происходит в трех измерениях повседневной жизни, может быть голографической проекцией физических процессов, происходящих на удаленной двумерной поверхности» [5, с. 484].

Оставляя в стороне столь далеко идущую экстраполяцию голографического эффекта, мы воспользуемся им в отношении раскрытия сущности времени. Но для того, чтобы подойти непосредственно к применению данного эффекта в этом отношении, нам придется сделать небольшой экскурс в геометрические закономерности не-евклидовой (гиперболической) геометрии Лобачевского. Целесообразность обращения к ней диктуется тем, что мы имеем дело с геометрической теорией *движения*, а движение, естественно, связано с временем. В структуру специальной теории относительности это движение переносится с отдельными параметрами пространства и времени, а в самой геометрии оно выражается наличием постоянного взаимопревращения «внутренней» и «внешней» сторон двусторонней плоскости Лобачевского. На прямой Лобачевского эффект этого взаимопревращения выражается в том, что точки вещественные преобразуются в точки мнимые, и наоборот.

Надо иметь в виду, что тригонометрические отношения между сторонами и углами треугольника на плоскости Лобачевского суть те же самые, что и на псевдосфере, или на мнимой сфере. Псевдосфера получается из обычной сферы при замене сферического радиуса R мнимым радиусом iR или $-iR$ с учетом того, что произвольный радиус R принимает значение, равное величине абсолютной длины, которую принято называть константой Лобачевского (обозначается как k_L). Это приводит к выводу о том, что плоскость Лобачевского, будучи двусторонне ориентированной, находится в режиме постоянной смены ориентации, а в структуру геометрии привносится фактор вращательного движения.

Сам факт наличия на прямой Лобачевского вещественных и мнимых точек, когда каждой вещественной точке соответствует точка мнимая, свидетельствует о том, что эти точки могут быть различаемы как разные геометрические объекты только при условии, что они превращаются друг в друга. Однако каждая вещественная точка x переходит в мнимую точку ix произвольным выбором значений $+ix$ и $-ix$. Комплексное сопряжение двух мнимых точек и связано с процессом двустороннего вращения. Это легко понять, когда мы переходим к рассмотрению взаимоотношений между точками и числами на комплексной плоскости. Так, выражение числа $z = a + ib$ на комплексной плоскости в циклических координатах дается в форме $z = \rho e^{i\theta} = \rho(\cos \theta + i \sin \theta)$. Для чисто

мнимого числа $z = i \sin \theta$ комплексно сопряженное к нему число $\bar{z} = -i \sin \theta$ получается при трансформации $\theta \rightarrow -\theta$. Естественно, нет оснований полагать, что угол θ изменяется только по нарастающей.

Дискретная операция комплексного сопряжения чисел ставит ее в один ряд с квантовыми процессами в физике. В квантовой механике под операцию комплексного сопряжения подводятся волновые функции ψ и ψ^* . В дираковской символике они представлены в терминах *кет* и *бра*, в переводе на русский – вектор и со-вектор. Скалярное произведение вектора и со-вектора дает вероятность обнаружить частицу в том или ином месте в пространстве или, в общем случае, вероятность нахождения квантовой системы в том или ином состоянии, когда проводится измерение.

Поскольку акт перехода волновой функции в функцию комплексно-сопряженную равносильно действию на волновую функцию оператора обращения времени, некоторые физики напрямую соотносят прямое и обратное течение времени с этими волновыми процессами. Так, Ф.А. Вольф на обложке своей книги «Звездная волна: интеллект, сознание и квантовая физика» приводит следующий афоризм: «Сопряженная волна – волна из будущего. В квантовой физике все физическое представляется волной вероятности, называемой квантовой волновой функцией. Для определения этих вероятностей эту волну надо умножить на волну со звездочкой, комплексно-сопряженную, обращенную во времени, зеркально отраженную волну. Короче, волна со звездочкой превращает мечты в истину» [14]. Сказанное зачаровывает, но, как видно из контекста книги, автор не различает произошедшего во времени события и потенциальной вероятности его происшествя. С точки зрения квантовой механики, в будущем нас ждут события, о которых мы можем судить лишь вероятностным способом. Но как только они реализуются, они сразу же удаляются в прошлое.

Другое дело – постановка вопроса о том, несет ли на себе событие, ушедшее в прошлое, печать вероятности, с которой оно в свое время реализовалось. Если ответ положителен, то оценка вероятностей других событий по отношению к выделенному событию может оказывать влияние на нашу текущую деятельность. Надо лишь определиться с тем, *в действительности* ли мы имеем возможность соотноситься с прошлым в порядке дальнего действия или только *в своем воображении*. Эта задача не

может быть решена без проникновения в структуру самого времени. Квантово-геометрическая модель времени позволяет продвигаться в ее решении.

Время квантуется по типу того, как квантуется физическое действие S , каждый квант которого равен постоянной Планка \hbar . Временным событием в структуре самого времени является фазовый сдвиг в периодическом процессе. Для развернутого представления этого периодического процесса нужен линейный порядок. Этот порядок мы находим, как было показано выше, на геодезической линии в пространстве Лобачевского. Если теперь сдвиг фазы во временном периодическом процессе на угол π отождествить с квантом времени, то по законам квантования появится возможность, отсчитывая фазовые сдвиги вперед и назад, оценивать их вероятности в соответствии с амплитудами вероятности. Кроме того, здесь дается способ рассчитывать усредненное, средневероятностное значение отсчитываемого времени. Что касается величины временного кванта, то она не может быть меньше планковского элемента времени $t_p \approx 5,391 \cdot 10^{-44}$ сек.

Эти гипотетические соображения подтверждаются на опыте полного решения и соответствующего истолкования квантово-релятивистского уравнения Дирака, описывающего свободное движение электрона [1]. Хотя в результатах решения не отражается непосредственно квантовый характер времени, но недвусмысленно представлены усредненные значения временных параметров $+it$ и $-it$ для противоположных течений.

Вернемся, однако, к аналогиям с голографическим феноменом. Плоскость Лобачевского можно уподобить голографической пластинке. Напомним снова, что голографическая пластинка оставляет на себе следы воздействия на нее стандартного (опорного) луча лазера и запись фазовых отклонений от этих следов со стороны воздействия второго лазерного луча, проходящего по очертаниям объемного предмета. Эта фазовая информация позволяет получить трехмерное видение предмета, т.е. восполнить недостающую, присущую ему глубину, теряемую на обычной фотографии. На плоскости Лобачевского аналогом следов стандартного лазера служит множество геодезических линий. На ней же прочерчиваются линии наблюдаемого движения предметов в пространстве и времени. Их можно уподобить тому, что называют «линиями жизни». Исходя из того, что изложено выше, функцию фазовой

информации на линиях жизни берет на себя время. Временной поток, пронизывая собою различные встречные системы (физические, биологические, психологические) и вступая во взаимодействие с ними, вбирает в себя данную информацию.

С углублением аналогии мы далее распознаем два типа информации об исторических событиях. Материально-вещная информация в историческом познании соответствует амплитудной информации в голографии, а смысловая, выразительная информация в том же познании соответствует фазовой информации в голографии. С учетом этих догадок становится понятным важнейшее значение выше процитированного тезиса Бахтина. Надо лишь уточнить его высказывание о том, что познание есть «понимание прошлого в его незавершенности (в его несовпадении с самим собою)». *Незавершенность* в процессе исторического времени – это правильно, только не следует соединять ее с представлением о непрерывном течении времени.

Вводимая нами концепция дальнего действия во времени опирается на наличие физического эффекта не-силовой связи между разнесенными во времени квантовыми событиями, т.е. событиями, относящимися к квантовым объектам, в первую очередь – к элементарным частицам. Известно, что в мире элементарных частиц явление квантового объекта в акте его измерения оказывает мгновенное влияние на скоррелированный с ним объект-двойник независимо от того, насколько далеко друг от друга они находятся. Это могут быть, скажем, два электрона или электрон и позитрон, одним словом, частицы и античастицы одного и того же сорта. Наличие такого квантового сцепления между квантовыми объектами обычно называют перепутыванием (англ. *entanglement*). Термин этот неудачен, потому что в нем никак не учитывается, не отражается фактор времени. Э. Шредингер в вышедшей в 1935 г. оригинальной статье «Сегодняшнее состояние дел в квантовой механике» обозначил квантовое сцепление другим термином – *Verschränkung*, что значит скрещение (нем. *verschränken* – скрестить, положить крест-накрест) [13]. Это название должно было бы навести на мысль о том, что мгновенная связь между событиями, разнесенными в пространстве, «запутывает» в себе время, т.е. совпадает всякий раз с фазовым сдвигом во времени. Действительно, представим себе, что физик приготавливает свой прибор к тому, чтобы проследить в нем эволюцию состояния (движения), скажем, электрона, изоли-

руя ее от внешних помех. Состояние задается посредством волновой функции, а ее изменение описывается уравнением Шредингера и обуславливается воздействием силового фактора. В процессе измерения (коллапс волновой функции) место силового воздействия занимает фазовый фактор. Фиксируя положение электрона, наблюдатель должен осознать сдвиг временной фазы в потоке времени, пронизывающем его мозг. Это значит, что в акте измерения физик получает информацию о результате измерения не посредством силового воздействия со стороны наблюдаемого объекта, а посредством фазового сдвига во времени. Будет ли этот сдвиг в одну или в другую сторону – другой вопрос.

Событие, произошедшее с электроном и событие в церебральной системе наблюдателя, которая служит в данных рассуждениях в качестве прибора, суть два сцепленных события. Для того чтобы видеть (понимать) их сочетание и разделение, И. фон Нейман обратился *mutatis mutandis* к принципу психофизического параллелизма. Принцип, по его словам, утверждает, что между наблюдаемой системой и наблюдателем существует граница, или грань, которую можно произвольно сдвигать вверх, в сторону наблюдателя, но нельзя устранить, не нарушив процедуры измерения [6, с. 307–308]. Отсюда вывод: если реальному наблюдателю доступна фазовая связь с электроном, то такую же связь он может устанавливать с другим наблюдателем как человек с человеком. Вот эта двойного рода коррелятивная связь позволяет сделать более строгий вывод о дальнедействующей связи между разнесенными во времени событиями.

Итак, квантовая механика научила нас на опыте редукции (коллапса) волновой функции выделять точечное событие (фазовый сдвиг во времени) и сцеплять его с событием, происходящим в церебральной системе человека. Назовем такое перекрещивание двух событий элементарной ячейкой познавательного процесса человека. А.А. Ухтомский подвел ее под понятие хронотопа. Это понятие разработано им на основе представления об организме как единице, способной действовать целиком на текущие раздражители [7, с. 128]. Хронотоп, согласно Ухтомскому, есть временно-пространственный комплекс, в котором время играет ведущую роль. Он имеет две стороны – внешнюю и внутреннюю. И с одной, и с другой стороны находится группировка реальных и потенциальных событий, объединяемых вокруг некоторого центрального (доминантного) события.

С этой точки зрения еще проще понять существование далекодействующей коррелятивной связи между разнесенными во времени событиями, ибо она реализуется не иначе как между хронотопами. С каждым хронотопом соотносится субъект-наблюдатель, *личность, Лицо*, по терминологии Ухтомского.

Примером или образцом далекодействующей связи двух разнесенных во времени хронотопов является связь между геометрией Евклида и геометрией Лобачевского. В евклидовой геометрии был выявлен потенциал ее дальнейшего развития и преобразования. На этот потенциал впервые указал Гоене Вронский (1776–1853). Он представил его в виде функции одного переменного, равной двум слагаемым с величинами, которые равны в одном случае корню квадратному из единицы, а во втором случае – корню квадратному из минус единицы (подробнее см.: [2, с. 81–82]). Мнимая единица позволяет преобразовать тригонометрические функции таким образом, что, скажем, синус превращается в синус гиперболический, косинус – в косинус гиперболический и т.д. Вместе с этими преобразованиями в геометрическую структуру пространства привносится время. Можно сказать, что мнимая единица служит символом времени (периодический процесс, интерференция).

Результат фазового воздействия на хронотоп в прошлом заключается в том, что воздействие активизирует его, оживляет, вводит в состояние виртуального развития, информацию о котором может получать субъект, находящийся в будущем. Мартин Хайдеггер представил фактор далекодействия в историческом времени как «взаимную переключку эпох», которые перекрывают друг друга в своей последовательности [11, с. 396].

Рассматривая информационно-фазовую функцию времени, надо учитывать и его вещественно-материальную или энергетическую нагруженность. В этом отношении течение времени нельзя, однако, уподобить лазерному лучу в голографии, несущему в себе энергию, зависящую от амплитуды колебательного процесса. Во времени находит отражение ценность энергии, которая уменьшается или увеличивается в зависимости от его прямого и обратного течения. Мера ценности определяется энтропией или величиной, обратной энтропии, называемой эктропией, или негэнтропией. И тут стоит отметить, что нельзя постичь процесс увеличения или уменьшения энергетического потенциала той или иной системы без обращения к времени. Это прекрасно понимал П.А. Флорен-

ский (1882–1937), указывая, что второй принцип термодинамики и процесс диссипации энергии относится к вопросу о пространстве-времени и, следовательно, к геометрии [10, с. 365]. К сожалению, он упустил из виду гиперболическую геометрию и пытался создать аналог плоскости Лобачевского, опираясь на аналитическую геометрию Декарта и заимствуя меру времени из специальной теории относительности (подробнее см.: [3, с. 109–113]). Математики сочли некорректной эту конструкцию Флоренского, не обратив внимания на один содержащийся в ней момент истины. Касается он другой стороны вопроса о пространстве-времени.

По словам Флоренского, другая сторона этого вопроса «есть указание на эктропический процесс, преодолевающий энтропию материи» [2, с. 251]. Время, соответствующее данному процессу, «протекает в обратном смысле, так что следствие предшествует причине»; «действующая причинность <...> сменяется причинностью конечной, телеологией» [10, с. 50]. Прямоту и обратному течению времени автор поставил в соответствие Хаос и Логос как два противоборствующих вселенских начала. Подлинная человеческая культура, по Флоренскому, заключается в том, что человек во вселенской борьбе Логоса с Хаосом становится на сторону Логоса, ведет сознательную борьбу с энтропией [8, с. 144].

Существенный признак гуманитарной культуры, выделенный Флоренским, является, по нашему мнению, необходимым, но не достаточным. К наличию сознания, сознательной борьбы надо добавить стремление к пониманию прошлого, на что и обратил внимание Бахтин. Пониманию прошлого служит установка на фазовое взаимодействие с прошлым, на его отклик и влияние на события, разворачивающиеся в настоящем и будущем. Без этого вообще не может быть духовной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипенко Л.Г. К вопросу о двуспинорной интерпретации решения квантово-релятивистского уравнения Дирака, описывающего свободное движение электрона // Успехи физических наук. 08.12.2018. URL: <https://ufn.ru/tribune/trib6p.pdf>
2. Антипенко Л.Г. Математический университет Хайдеггера. М.: Канон+; РООИ Реабилитация, 2015.
3. Антипенко Л.Г. П.А. Флоренский о логическом и символическом аспектах научно-философского мышления. М.: Канон+; РООИ Реабилитация, 2012.

4. Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.

5. Грин Б. Ткань космоса. Пространство, время и текстура реальности. М.: Librokom, 2009.

6. Нейман И. Математические основы квантовой механики. М.: Наука, 1964.

7. Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. СПб.: Питер, 2002.

8. Флоренский П.А. // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 44. М., 1927. С. 143–144.

9. Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии (Опыт нового истолкования мнимостей). М.: Лазурь, 1991.

10. Флоренский П.А. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. Письма с Дальнего Востока и Соловков. М.: Мысль, 1998.

11. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.

12. Lutz, D., 2015. In the quantum world, the future affects the past: hindsight and foresight together more accurately «predict» a quantum system's state. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2015/02/150209083011.htm>

13. Schrödinger, E., 1935. Die gegenwärtige Situation in der Quantenmechanik. Naturwissenschaften, Vol. 23, pp. 807–812.

14. Wolf, F.A., 1984. Star wave: mind, consciousness, and quantum physics. New York: Macmillan.

REFERENCES

1. Antipenko, L.G., 2018. K voprosu o dvuspinornoj interpretatsii resheniya kvantovo-relyativistskogo uravneniya Diraka, opisyyayushchego svobodnoe dvizhenie elektrona [On the issue of the double-spinar interpretation of the solution of the Dirac equation describing the free motion of an electron]. URL: <https://ufn.ru/tribune/trib6p.pdf> (in Russ.)

2. Antipenko, L.G., 2015. Matematicheskii universum Khaideggera [Heidegger's mathematical universe]. Moskva: Kanon+; ROOI Reabilitatsiya. (in Russ.)

3. Antipenko, L.G., 2012. P.A. Florenskii o logicheskom i simvolicheskom aspektakh nauchno-filosofskogo myshleniya [Pavel Florensky on the logical and symbolic aspects of scientific and philosophical thinking]. Moskva: Kanon+; ROOI Reabilitatsiya. (in Russ.)

4. Bakhtin, M., 2000. Avtor i geroi. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [Author and hero. Towards the philosophical foundations of the humanities]. Sankt-Peterburg: Azbuka. (in Russ.)

5. Greene, B., 2009. Tkan' kosmosa. Prostranstvo, vremya i tekstura real'nosti [The fabric of the cosmos: space, time, and the texture of reality]. Moskva: Librokom. (in Russ.)

6. Neumann, J., 1964. Matematicheskie osnovy kvantovoi mekhaniki [Mathematical foundations of quantum mechanics]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

7. Ukhtomsky, A.A., 2002. Dominanta. Stat'i raznykh let. 1887–1939 [Dominant. Articles of different years. 1887–1939]. Sankt-Peterburg: Piter. (in Russ.)

8. Florenskii P.A. [Pavel Florensky]. In: Entsiklopedicheskii slovar' Granat. T. 44. Moskva, 1927, pp. 144–145. (in Russ.)

9. Florenskii, P.A., 1991. Mnimosti v geometrii. Rasshirenie oblasti dvukhmernykh obrazov geometrii (Opyt novogo istolkovaniya mnimostei) [Imaginarities in geometry]. Moskva: Lazur'. (in Russ.)

10. Florenskii, P.A., 1998. Sochineniya: v 4-kh t. T. 4. Pis'ma s Dal'nego Vostoka i Solovkov [Works: in 4 volumes. Vol. 4. Letters from the Far East and Solovki]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)

11. Heidegger, M., 1993. Vremya i bytie [Being and time]. Moskva: Respublika. (in Russ.)

12. Lutz, D., 2015. In the quantum world, the future affects the past: hindsight and foresight together more accurately «predict» a quantum system's state. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2015/02/150209083011.htm>

13. Schrödinger, E., 1935. Die gegenwärtige Situation in der Quantenmechanik. Naturwissenschaften, Vol. 23, pp. 807–812.

14. Wolf, F.A., 1984. Star wave: mind, consciousness, and quantum physics. New York: Macmillan.